ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ISSN 1994–9065 4(40) 2021

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ
РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)

Выходит 4 раза в год
Издается с 2008 г.

Редакционная коллегия:

Шеф-редактор
Л. Е. Гринин, *д.ф.н., г.н.с.*

Главный редактор
А. Н. Чумаков, *д.ф.н., проф.*

Алешковский И. А., *к.э.н., доц.* (*Россия*); Ахамер Г., *Ph.D. (Австрия*), Грубец М., *Ph.D. (Чехия*); Ивахнюк И. В., *д.э.н., проф.* (*Россия*); Калачёв Б. Ф., *к.ю.н.* (*Россия*); Калиниченко П. А., *д.ю.н., проф.* (*Россия*); Камуселла Т., *Ph.D., Prof.* (*Польша*), Кефели И. Ф., *д.ф.н., проф.* (*Россия*); Киш Э., *Ph.D., Prof.* (*Венгрия*), Коротаев А. В., *д.и.н., проф.* (*Россия*); Королёв А. Д., *к.ф.н.* (*Россия*); Мамедов Н. М., *д.ф.н., проф.* (*Россия*); Митрофанова А. В., *д. полит. н., проф.* (*Россия*); Рыбальский Н. Г., *д. биол. н., проф.* (*Россия*); Снакин В. В., *д. биол. н., проф.* (*Россия*); Стычинский М. С., *к.ф.н.* (*Россия*); Шестова Т. Л., *д.ф.н., проф.* (*Россия*).

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И., *д.и.н., проф.* (*Россия*); Акаев А. А., *д. физ.-мат. н., иностр. член РАН* (*Киргизия*); Ань Цинянь, *Ph.D., Prof.* (*Китай*); Ближковский П., *Dr.Sc.* (*Бельгия*); Вебер А. Б., *д.и.н., г.н.с.* (*Россия*); Грачев В. А., *д.т.н., чл.-корр. РАН* (*Москва*); Гэй У., *Ph.D., Prof.* (*США*); Данилов-Данильян В. И., *д.э.н., чл.-корр. РАН* (*Россия*); Дафферн Т., *Ph.D.* (*Великобритания*); Ильин И. В., *д. полит. н., проф.* (*Россия*); Иноземцев В. Л., *д.э.н.* (*Россия*); Кацура А. В., *к.ф.н.* (*Россия*); Кучуради И., *Ph.D., Prof.* (*Турция*); Лисеев И. К., *д.ф.н., проф.* (*Россия*); Мазур И. И., *д.т.н., проф.* (*Россия*); Макбрайд У., *Ph.D., Prof.* (*США*); Режабек Б. Г., *к. биол. н.* (*Россия*); Робертсон Р., *Ph.D, Prof.* (*Великобритания*); Сабден О. С., *д.э.н.* (*Казахстан*); Сергеев М. Ю., *Ph.D., Prof.* (*США*); Теймури В., *Ph.D, Prof.* (*Иран*); Хасбулатов Р. И., *д.э.н., чл.-корр. РАН* (*Россия*); Ченг Ч., *Ph.D., Prof.* (*США*).

Адрес редакции:
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13А,
МГУ, факультет глобальных процессов.
Тел.: 8(495) 939-43-23. E-mail: chumakov5@yandex.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:
400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru. Сайт: www.socionauki.ru
DOI: 10.30884/vglob/2021.04.00

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Идем ли мы к глобалистской революции? (Как глобалисты пытаются изменить мир.) Статья первая. Глобализм в «революционном» аспекте 3

Любичева Е. В., Бахтуридзе З. З., Суркова Е. А. Конфликтность языковых картин мира в условиях глобализации 27

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Юдина Т. Н., Алешковский И. А., Балашов А. М. Экологическая глобализация как триггер перехода к экологическому предпринимательству 42

Пунченко О. П. COVID-19 как негативный «стартап» раскола глобализирующегося мира 54

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Коротаев А. В., Бутовская М. Л., Шульгин С. Г., Зинькина Ю. В. Влияние глобального старения на глобальную систему ценностей 69

Розенберг Г. С. Что есть истина в глобально-экологическом мире 81

В МИРЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Махаматов Т. М., Касимова З. Г. Глобальная цивилизация и эффективность культурной политики как «мягкой силы» 90

Тарко А. М. К итогам 30-летнего развития стран бывшего СССР, Варшавского договора и Югославии 104

ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИСТИКИ

Селезнев П. С., Сургуладзе В. Ш. Цифровые вызовы социально-политической консолидации и коллективной идентичности общества 131

Ха Тхи Бак, Ле Ван Хунг. Возможности и трудности для высшего образования Вьетнама в условиях глобализации 145

ТЕОРИЯ

ИДЕМ ЛИ МЫ К ГЛОБАЛИСТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ? (КАК ГЛОБАЛИСТЫ ПЫТАЮТСЯ ИЗМЕНИТЬ МИР)

Статья первая. Глобализм в «революционном» аспекте*

Гринин Л. Е., Гринин А. Л.**

В настоящей работе, состоящей из двух связанных статей, обсуждается крайне важный для настоящего момента вопрос о том, как следует интерпретировать стремительно нарастающие изменения в мире. Мы приходим к выводу, что многие из этих изменений, связанных с «зеленой» повесткой и нарастающим объемом обязательств по «спасению» климата, а также с COVID-19, продолжающимся противостоянием внутри американского общества и переменами во внешней политике США, имеют общую причину. Последняя связана с резкой активизацией тех сил, которые можно назвать глобалистскими. Мы полагаем, что мир переживает начало событий, которые можно приравнять к мировой глобалистской революции. Человечество еще никогда в мирное время не переживало событий такого масштаба, связанных с попытками совершить радикальные изменения в политике многих стран и образе жизни огромной части населения. В работе показано сходство современных событий с революциями, формулируются черты мировой революции, анализируются варианты исхода этой революции, а также ее шансы на победу или поражение. Делается вывод, что победа глобалистов приведет к серьезным проблемам в экономике и падению уровня жизни во многих странах. В этой работе мы попытались объективно подойти к оценке роли глобалистов в возможной эволюции Мир-Системы в будущем и на этой основе делаем прогнозы развития Мир-Системы в ближайшие несколько десятилетий.

---

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 20-61-46004).

** Гринин Леонид Ефимович – д. ф. н., г. н. с. НИУ ВШЭ, в. н. с. Института востоковедения РАН, руководитель Евро-азиатского Центра мегаистории и системного прогнозирования. E-mail: lgrinin@mail.ru.

Grinin, Leonid E. – Doctor in Philosophy, chief Researcher at the National Research University Higher School of Economics, Leading research fellow at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Head of the Euroasian Centre for Big History and Systemic Forecasting. E-mail: lgrinin@mail.ru.

Гринин Антон Леонидович – к. б. н., н. с. МГУ имени М. В. Ломоносова, г. н. с. Международного центра образования и социально-гуманитарных исследований. E-mail: algrinin@gmail.com.

Grinin, Anton L. – Candidate of Biological Sciences, Research Fellow at Lomonosov Moscow State University, Senior Research Fellow at the International Center for Education and Social and Humanitarian Studies. E-mail: algrinin@gmail.com.

В первой статье мы покажем, что за многими стремительными и часто непонятными изменениями в мире стоят глобалисты, то есть мощный союз крупнейших представителей финансов, бизнеса и высшей элиты, которые по своим интересам и планам объективно уже противостоят национальным интересам собственных государств. В статье объясняется, почему для глобалистов так важен «зеленый курс», ради которого они стремятся произвести столь радикальные перемены в мировых технологиях, институтах и идеологии, которые все сильнее напоминают революционные, только не в национальном, а в мировом масштабе. Исходя из теории революции, мы рассмотрим, насколько применимо понятие революции к современным изменениям, увидим, что последствия, которые эта мировая «революция» может принести миру и отдельным странам, могут быть весьма негативными и разрушительными.

Ключевые слова: *глобализм, глобалисты, американизм, революция, великая революция, мировая революция, национализм, паразитизм, основное противоречие.*

ARE WE MOVING TOWARDS A GLOBALIST REVOLUTION? (HOW GLOBALISTS ARE TRYING TO CHANGE THE WORLD)

Article One. Globalism in 'Revolutionary' Aspect

In the present study consisting of two related articles we discuss the currently urgent issue of how one should interpret the rapidly increasing transformations in the world. We come to a conclusion that many of these changes associated with 'green" agenda and the growing number of responsibilities connected with 'saving climate' and COVID-19, as well as the continuing opposition within the American society and changes in the US foreign policy have the common roots. The latter are connected with sharp activation of those forces that can be denoted as globalist. We suppose that the world is on the edge of the events that can be treated as the world globalist revolution. In peacetimes, the humankind has never experienced the events of such a scale connected with attempts to introduce drastic changes in politics of many countries as well as in the life style of a huge number of people. In the study we point out common features of the current events and revolutions and define the characteristics of the global revolution, we also analyze scenarios of this revolution's outcome as well as its chances to win or to lose. We make a conclusion that the globalists' victory will bring about serious problems in economy and decrease in the living standard in many countries. In this study we tried to give an impartial assessment to the globalists' role in the possible evolution of the World System in future and on this basis to make predictions concerning the World System's development in the coming decades.

In the first article we show that many rapid and obscure changes in the world are inspired by the globalists, that is a powerful alliance of the largest representatives of the finance, business and top elite whose interests and plans objectively oppose the national interests of their own states. We explain why the "green" agenda is so important for the globalists so that they are ready to conduct such drastic changes in the global technologies, institutions and ideology which increasingly resemble the revolutionary ones yet not on the national but on the global scale. Proceeding from the theory of revolutions, we consider to what extent the notion of revolutions is applicable to current transformations and show that the consequenc-

es which this world 'revolution' may bring to the world and individual countries may be rather negative and destructive.

Keywords: *globalism, globalists, Americanism, revolution, great revolution, world revolution, nationalism, parasitism, the major contradiction.*

Введение. Современные трансформации и глобалисты

В последнее время, особенно в последние два года, события в мире развиваются очень стремительно, причем создается впечатление, что они ускоряются. Встает крайне важный для современного периода вопрос о том, как следует интерпретировать стремительно нарастающие изменения в мире [см., например: Пантин 2021; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021а; 2021б]. Их калейдоскоп создает впечатление сумбура, но внимательный взгляд позволяет увидеть за этим сумбуром определенный тренд. Суть тренда заключается в том, что исключительно мощные силы, которые мы называем глобалистами, используя реальные и вымышленные угрозы, пытаются перестроить мир, то есть, по сути, совершить мировую революцию, которая затронет интересы каждого человека на Земле. В настоящее время ими особенно активно эксплуатируются два процесса: пандемия и так называемая угроза изменения климата, и оба используются для нагнетания страха, истерии и введения чрезвычайного положения [о COVID-19 см.: Ричел 2021].

В данной статье мы показываем, что за внешне привлекательными призывами к сохранению климата, а также усилению социальной справедливости, сбережению ресурсов, сокращению потребления и новому перераспределению стоят интересы очень мощных сил, центр которых определяется теми, кого мы условно назвали глобалистами. При этом речь идет именно о радикальной перестройке всех отношений в обществе и индивидуальной жизни людей.

Поскольку фактически речь идет о начале крупнейшего переворота (по результатам аналогичного мировой революции), это может затронуть практически каждого, причем в самых разных и очень чувствительных аспектах. Пандемия и антиковидные меры уже хорошо это демонстрируют. Потому данная тема является крайне актуальной. Кроме того, если речь действительно идет, как мы считаем, о перевороте, который можно приравнять к мировой революции, то важно оценить характер угрозы. Ведь методы революционеров и их стремление все разрушить в угоду идеологии и удержанию власти общеизвестны [Гринин 2017г; Гринин и др. 2016].

В частности, надо ясно понимать, что никакого жизнеспособного плана по реальному решению глобальных проблем у глобалистов нет (если не считать планов по захвату командных высот и власти там, где только возможно, и перераспределения финансовых потоков). А те планы, что имеются (в частности, в ЕС), недостаточно продуманные, схоластические, нереалистичные [см., например: Кристен 2021]. Неудивительно, что первое же столкновение с реальностью этих идеологизированных планов уже показало (и покажет далее) всю несостоятельность последних. И тогда возникает коллизия, которая определяет дальнейшее течение революции: либо революционеры становятся реалистами и пытаются совместить свои желания, идеи и идеалы с реальностью, приведя их в какое-то рабочее состояние, либо они упорствуют в навязывании реальности своих неосуществимых

(а порой и бредовых) планов, усиливая раскол в обществе, ожесточение внутренней борьбы и радикализацию ее форм.

Кто такие глобалисты? Почему они пытаются перестроить как глобальную идеологию, так и систему социально-экономических отношений, а также и всю экономику?

Глобалисты представляют собой довольно пестрый конгломерат крупнейших корпораций, могущественных финансистов, бизнесменов, политиков, чиновников и функционеров как отдельных стран, так и международных организаций, активистов различных партий, движений и форумов, некоммерческих и негосударственных организаций, публичных людей и многих других представителей высшей элиты. Поскольку это международная и наднациональная сила, то сложилась и укрепляется глобальная сеть, стремящаяся к подчинению ей национальных интересов различных стран, включая США[1]. Связи в этих сетях происходят по самым разным каналам (бизнес, профессиональные объединения, общие интересы, различные пересечения, конференции, через родственников и знакомых, через политические партии, организации, в том числе международные, движения, тайные собрания и пр.). При этом следует обратить особенное внимание на постоянную ротацию важных людей из одной сферы в другую: например, из администрации американского президента в ФРС, из бизнеса – на пост крупного финансового чиновника, оттуда – в крупную корпорацию или банк, и такое движение в виде перемещений сотен и тысяч важных персон в разные сферы происходит постоянно[2]. Эти группы для продвижения своих целей, помимо финансовой и медийной мощи, активно используют левые настроения, авторитет различных политических партий и – что особенно важно понимать – различные движения активистов и меньшинств, включая ЛГБТ+[3]. Характерно, что глобалисты очень активно используют уже имеющиеся сети, институты и формы влияния на большинство стран мира, которые длительное время активно создавали Соединенные Штаты для укрепления своей гегемонии, положения лидера Мир-Системы (см. ниже). **Основная их цель – перестройка мировых экономики, идеологии и политики**

---

[1] Говоря о глобальной сети, мы имеем в виду, что в той или иной степени оказались объединенными или пересекающимися великое множество формальных и неформальных сетей; открытых и тайных, стабильных и флуктуирующих; людей и организаций самого разного профиля, самого разного уровня влияния, объединенных по самым разным основаниям. И через надежных агентов и с помощью финансирования и иного рода подкупа, лести и интриг оказывается возможным влиять на очень крупные цели. Стоит учитывать, что бывают эпохи и ситуации, когда самые большие исторические перемены происходят благодаря деятельности неформально объединенных групп людей [Фергюсон 2020]. Масштабность таких сетей можно представить только на примере одной из многих глобалистских организаций – Всемирной организации «Объединенные города и местные власти», глобальной сети муниципалитетов, мегаполисов и регионов, а также их объединений. Данная сеть объединяет более 240 тыс. территорий, где проживает более 70 % населения планеты.

[2] Также стоит иметь в виду, что важные персоны тянут за собой свиту менее важных преданных им людей, в результате связка самых верхних эшелонов получается очень крепкой и в то же время система настроена так, чтобы не пускать инакомыслящих. Если же учесть многоэтажность такой системы и чудовищные финансовые средства, подконтрольные ей, то мощь этой армии предстанет огромной.

[3] Помимо этого, речь идет о: 1) зеленых/экологических партиях, группах, движениях; 2) различных левых партиях, группах, движениях; 3) женских/феминистских движениях и группах; 4) движениях черных и цветных [подробнее об этом см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021а].

в интересах выгодного для них перераспределения гигантских ресурсов под предлогом «спасения» климата. Власть и ресурсы – две неразрывные стороны возможности вести мир выгодным им курсом. Но для этого надо перераспределить власть и ресурсы в возможно большем числе стран. Глобалисты уже заняли прочные позиции в Европе, но особенно важно для них прочно закрепить власть в США. *Только опираясь на огромные ресурсы Америки и ее влияние в мире, они могут рассчитывать на успех.* Именно поэтому борьба за президентство в 2020 г. в США была столь остра, острыми обещают быть и выборы в Конгресс. Демократы в настоящее время в основном олицетворяют интересы глобалистов, республиканцы – американских националистов (американистов, в нашей терминологии).

Следует отдать должное глобалистам, они смогли усилить свои позиции, включить тем или иным способом в свои ряды огромное число политиков (и продолжают это делать), создали ударные отряды активистов и пятые колонны в очень многих странах, монополизировали основные СМИ и цифровые площадки, навязали собственную политику финансовым организациям так, чтобы можно было «задушить» любые фирмы ухудшением рейтингов (поставив клеймо, скажем, загрязнителей), или отказом в кредитах, или бойкотом товаров и т. п. [о методах глобалистов см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021а; 2021б]. О персоналиях среди глобалистов, различных группах внутри них, их взаимодействии, а также о связи глобалистов и меньшинств (ЛГБТ, женских движений, левых, расовых и иных) мы подробно писали в других работах [см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021а; 2021б]. Характерно, что в новом давосском манифесте 2020 г. (его легко найти на сайте Давосского экономического форума), который постепенно распространяется на бизнес, есть фразы, согласно которым мультинациональные корпорации выступают как акторы, заинтересованные в том, чтобы исправлять состояние мира и вместе с правительствами и гражданскими обществами заботиться о нашем глобальном будущем. То есть фактически крупнейшие корпорации провозглашаются акторами изменения мира, их в некотором роде приглашают править миром (если они, конечно, подчиняются новым требованиям) совместно с другими силами, которые будут испытывать все возрастающее влияние глобалистов (правительства, различные организации и движения).

Глобалисты не представляют собой некое мировое правительство, но усиленно внедряют идею о необходимости какого-то глобального (наднационального, мирового) управления. Эта сила пытается формировать мировую повестку дня, в той или иной степени подчинить ей национальные государства, удерживать долгосрочный тренд на перераспределение ресурсов во все большем количестве стран. Для того чтобы сохранить и усилить эти тренды, они пытаются перестроить идеологию в разных странах и создать мировую идеологию (насадив ряд новых мифологем), а также трансформировать национальные цели государств (и соответственно их суверенитет), прежде всего их экономическую политику, заставляя, в частности, искусственно развивать дорогостоящую и неэффективную возобновляемую энергетику, электромобили и пр. Глобалисты могут оказывать колоссальное воздействие на мир, потому что они контролируют огромную часть мировых финансов, в их руках глобальные медиаимперии и возможности влиять на очень многие источники информации, фактическая монополия в информационном про-

странстве. Они координируют различные движения и меньшинства, которые активно поддерживают глобалисты и другие силы. Наконец, отметим, что эти и другие средства и силы все очевиднее работают в системе и эта система все заметнее оформляется.

Длительное время эти глобальные игроки не пытались прямо противопоставить себя миру, очень часто избегая любой открытой информации об их реальных мощи, влиянии, связях. Но в последнее время они действуют все более открыто, начиная выходить из их очень уютного подполья (триггером послужила необходимость убрать Д. Трампа). Они стали очень активно реализовывать различные планы (которые обсуждались, по крайней мере, в течение пары предыдущих десятилетий) по принуждению всех к «спасению климата». Речь идет о радикальной перестройке всей экономической парадигмы, которая существовала на протяжении двух столетий и, несмотря на ее серьезные изъяны и пороки, обеспечивала мощный рост производства, потребления, общей культуры, благосостояния и сокращения бедности во всем мире.

И вновь спросим: зачем им это надо? Дело в том, что зеленое направление дает им уникальный шанс надолго и прочно захватить огромные ресурсы, финансовые потоки и необъятную власть для их распределения. Ресурсы они стремятся черпать из огромных бюджетов США и других стран Запада, а также пытаются приобщить к этому ресурсы десятков других стран и заодно обложить их углеродными налогами, а по возможности и затормозить их экономическое развитие. Напомним, что речь идет о триллионах долларов в год (для сравнения, весь *годовой бюджет РФ составляет около 300 млрд долларов, то есть только 0,3 трлн долларов*).

Между тем уже утверждается (и вполне респектабельными источниками), что для перехода к углеродной нейтральности требуются 5 (пять!) трлн долларов в год [Durden 2021a; 2021b], а по другим подсчетам, создание экологически чистой экономики к 2030 г. может составлять еще более крупную цифру – 10 трлн долларов в год. Вот настоящая, подлинная цель глобалистов. И вокруг этих гигантских ресурсов объединяются крупнейшие игроки. Но, вне всякого сомнения, попытка такой перестройки закончится кризисом, ухудшением уровня и качества жизни и большими проблемами. Однако именно невероятные деньги, которые рассчитывают стабильно иметь глобалисты, зеленые и связанные с ними политики, и объясняют причину «величайшего в истории акта самовредительства» Европы и теперь США, по меткому выражению журнала «The Wall Street Journal» (The Wall… 2021). Вред, наносимый отдельным странам, если он приносит баснословные выгоды, совершенно не волнует глобалистов и политиков-коллаборационистов. Под внешне привлекательными лозунгами нас ведут к очень жесткому курсу в интересах достаточно узкой группы людей, пытаясь сломать вполне жизнеспособные институты. Поэтому необходим очень тщательный анализ таких идеологий. В то же время важно отметить, что в действиях глобалистов есть и позитивный аспект. Дело в том, что гегемония США, особость их положения в мире мешают перейти к новому мироустройству, однако никакая сила пока не может сдвинуть их с этой позиции. А глобалисты вполне успешно работают в этом направлении, подрывая их мощь и силу изнутри. Таким образом, объективный прогрессизм глобалистов в том, что они, как таран, разрушают устаревший

Pax Americana, но их программа вызывает серьезные опасения, что в итоге возникнет Pax Globalistics, жить в котором всем нам будет очень неуютно.

* * *

Таким образом, авторы полагают, что мы переживаем начало событий, которые можно приравнять к мировой глобалистской революции. О том, что это очень похоже на революцию, можно говорить уже потому, что речь идет о перераспределении власти (фактически ее захвате) во все большем количестве стран мира, включая США (а в перспективе и во всем мире) силами, которые не являются конституционными и законными ни в одной стране, при этом и скорость изменений, и методы, как мы покажем, вполне соответствуют понятию «революция». В статье анализируются сходство современного глобального переворота с признаками революций (и революционных событий, определяемых как аналоги революций) и на этой основе делаются некоторые прогнозы. Другими словами, зная о важной повторяемости в отношении хода революций и послереволюционных эпох [см. об этом: Гринин 2017а; Grinin 2022], можно пытаться делать прогнозы и о развитии мировой революции. Мы формулируем важные черты и особенности мировой революции, анализируем варианты исхода этой революции, ее шансы на победу или поражение. На основании проведенного анализа мы также дадим прогноз развития Мир-Системы в ближайшие несколько десятилетий.

1. Применимо ли понятие революции к современным изменениям

Общие соображения о глобалистской революции и ее фазах. Прежде всего, с какого момента можно говорить о глобалистской революции? В целом подготовка к этой революции, тихий захват власти идут уже в течение десятилетий [подробнее об этом процессе см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021а]. Но переход к открытой фазе, по нашему мнению, произошел с начала 2020 г. Почему именно этот год стал переломным? Для глобалистов резко обострился вопрос о власти в США, а вопрос о власти – главный в любой революции. Для них выбор был: или пан, или пропал. Если бы Д. Трамп победил, то планируемое еще с 2015 г. и затем отложенное из-за Трампа наступление глобалистов было бы отсрочено еще на четыре года, что могло привести к потере ими удобного момента. Мы уже не раз писали, что без использования политического и финансового могущества США для своих целей глобалисты не могут рассчитывать на победу в мировом масштабе [см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021а; 2021б; 2021в], поэтому они использовали все доступные им методы для победы. По сути, если учесть бесчинства так называемых BLM-активистов, введение чрезвычайного режима в связи с пандемией, открытые фальсификации и подтасовки, то речь должна идти о своего рода аналоге гибридной гражданской войны в США [Гринин 2020]. Явилось ли начало пандемии счастливой случайностью для глобалистов, или она была рукотворной, созданной ради их выгоды, доподлинно неизвестно, но без нее победы бы они не добились[4]. А случись пандемия, скажем, в президентство Дж. Байдена, видимо, антипандемийные меры были бы существенно мягче. Таким образом, революция

[4] В последнем случае оценка событий как гибридной гражданской (а точнее, уже мировой) войны становится тем более актуальной: жертвами ее стали сотни тысяч, а теперь уже и миллионы ни в чем не повинных людей.

пошла по двум направлениям, которые существенно помогали успеху каждого из них.

Революционными методы глобалистов в общем смысле являются потому, что от медленного процесса проведения своих людей на важные посты, лоббирования принятия нужных им законов или судебных решений, усиления идеологического давления в относительно умеренном темпе они перешли к суровым способам борьбы за власть, включая введение фактического чрезвычайного положения, резкое усиление цензуры (одно только отключение Д. Трампа от «Твиттера» говорит о многом), уличные беспорядки, уничтожение памятников[5], стремительное расширение идеологических атак (в частности, повсеместное введение в школах курса так называемой борьбы с системным расизмом), а также небывалое использование фальсификаций и подтасовок на выборах (в целом ранее нехарактерных для США) под прикрытием угрозы пандемии (именно с помощью фальсификаций голосования по почте им удалось выиграть). Дополнительным показателем революционного характера периода служат события 6 января, поход трампистов к Капитолию в Вашингтоне. Демократы (и глобалисты) объявили его восстанием, штурмом и захватом здания Сената. И хотя на деле в целом это была мирная акция протеста, такие оценки и обвинения демонстрируют как настрой демократов (именно на непримиримость), так и их страх перед народным движением.

После победы Дж. Байдена наступает новая фаза глобалистской революции. Начинается стремительное принятие и выполнение планов и открытие финансирования для них, введение всяческих запретов в национальном и мировом масштабе в отношении зеленого курса (линия пандемии в то же время продолжается).

Здесь можно выделить несколько моментов. Первое. Пока глобалисты хотят получить как можно больше обязательств по выполнению зеленого плана от как можно большего количества стран и корпораций. При этом сроки их выполнения однозначно революционные, то есть нереальные. Обязательства, конечно, еще очень далеки от выполнения. Но логика революций именно такая. Сначала декларации, декреты, голосования, провозглашения и т. п., чтобы получить революционную легитимность (широкую поддержку народа, а в данном случае – мирового сообщества). А уже потом начинать искать способы принуждения и наказания тех, кто не выполняет их директивы. Второе. На этой базе гораздо легче подавить «домашних» оппонентов. Если мировое сообщество поддерживает зеленую повестку, а США – авангард прогрессивного человечества, то как же можно не голосовать за зеленый план Байдена? Третье. Такая спешка позволяет трактовать и развивать базовые документы в том ключе, который выгоден глобалистам. Выше не случайно был упомянут 2015 год. В этот год было подписано Парижское соглашение, главная идея которого в том, что страны (а подписали его 170 государств) обязуются сделать все возможное, чтобы уменьшить выброс парниковых газов и не дать до 2050 г. температуре повыситься более чем на 1,5 °С. Научно обосновано ли такое решение и насколько оно авантюрно, сейчас неважно. Это базовый документ, который вышел после очень сложного согласования (и он не был сделан в стиле революционного манифеста). Самое главное, что в этом доку-

[5] Тоже весьма характерная черта революций. Как и объявление героями «замученных» угнетателями личностей (вроде Джорджа Флойда) и всеобщего траура по ним.

менте: а) нет никакой конкретики о том, чтобы добиться сокращения выброса именно за счет перевода всей электроэнергетики на так называемые возобновляемые источники энергии (ВИЭ), это оставлялось на усмотрение стран[6]; б) ничего не было сказано о прекращении инвестиций в углеродную энергетику и об отказе от угля (там вообще не употребляется слово «уголь»); мало того, нет никаких утверждений, что для реализации указанной стратегии именно энергетика является той отраслью, которая должна быть модернизирована в первую очередь; в) было однозначно сказано, что стратегия уменьшения выпуска парниковых газов должна сочетаться со стратегией устойчивого развития, то есть уровень жизни должен не только не понижаться, но и повышаться, бедность – искореняться, производство продовольствия – не сокращаться и т. п.; г) речь идет о низком уровне выбросов парниковых газов, но не об углеродной нейтральности – такого термина там нет [см.: Парижское… 2015; Марцинкевич 2021]. Таким образом, основополагающий «зеленый» документ, носящий в целом весьма общий характер, теперь стремительными темпами меняется: подписаны соглашения об углеродной нейтральности к 2050 г., прекращении выпуска бензиновых автомобилей к 2035 г., прекращении инвестиций в углеродные направления к 2030 г.; одновременно подсчитаны будущие инвестиции в зеленый курс в полторы сотни триллионов долларов. Этот процесс начали в ЕС, но не столь революционно; с переходом США в лагерь глобалистов он пошел стремительно и по-революционному, без всякого внимания к последствиям внедрения таких изменений.

Определение революции. В этой статье нас особо интересуют аспекты переустройства мира, которые могут привести к изменению баланса власти и соответственно к очень серьезному перераспределению ресурсов. Изменение баланса власти (сегодня идет речь о власти в глобальном масштабе) и есть, по сути, революция, когда это изменение происходит достаточно радикально и – что особенно важно – не традиционным путем, а путем радикального слома.

Рассмотрим подробнее, какие события можно назвать революцией.

«Революция – антиправительственные (очень часто противозаконные) массовые акции (массовая мобилизация) с целью: (1) свержения или замены в течение определенного времени существующего правительства либо сильного ослабления его полномочий; (2) захвата власти или обеспечения условий для прихода к власти определенных сил; (3) существенного изменения режима, социальных или политических институтов» [Гринин, Коротаев 2020: 856; Goldstone *et al.* 2022a].

При этом во время революции могут реализовываться как все пункты – (1), (2) и (3), так и два или даже один пункт из трех. Число задействованных пунктов будет свидетельствовать о силе и масштабе революции. Не в каждой революции реализуются все три пункта[7]. Но важно, что каждый последующий пункт включа-

---

[6] Они могут сделать это по-разному, например за счет улавливания CO^2, перехода на АЭС или иным способом, без доведения процента неустойчивой электрогенерации на ВИЭ до 50 и выше %.

[7] Иногда революция удовлетворяется сменой правительства/президента, не предопределяя, кто должен прийти к власти (таковы, скажем, были события в Алжире в 2019 г. [см.: Логинова, Хамов 2020]), а иногда революционеры настаивают на приходе к власти именно конкретной личности, партии и т. п. (таковы были события, скажем, в Армении в 2018 г. [Derluguian, Hovhannisyan 2022]).

ет в себя и предыдущие. Поэтому резкое изменение режима, социальных или политических институтов нельзя воплотить, не свергнув существующее правительство (или хотя бы не сделав его власть формальной: так, монархия из абсолютной может превратиться в конституционную; король при этом останется королем) и не захватив власть (хотя бы на переходный, наиболее важный период).

Если революция существенно и тем более радикально меняет режим, социальные или политические институты, это, несомненно, глубокая революция. Но есть революции, которые не просто меняют социальные и политические институты, а создают принципиально новые, неизвестные ранее, которые затем становятся определенной моделью для многих обществ. Тогда можно вести речь о великих революциях (см. ниже). Наднациональные институты и органы до настоящего времени возникали в результате очень крупных войн и потрясений и в результате коллективных соглашений великих и меньших держав[8]. Теперь можно ожидать, что мировая революция будет способствовать возникновению новых наднациональных, глобальных институтов.

Отметим, что в XXI столетии революции существенно «мельчают», поэтому далеко не все из них сочетают в себе все три указанных выше признака. «Измельчанию» революций способствуют несколько причин, включая увеличение их числа, рост внешнего влияния (цветные революции) и пр. Но очень вероятно, что «измельчание» национальных революций происходит и в связи с глобализацией. А в связи с длительным развитием процесса глобализации вполне естественно ожидать, что революция также начнет принимать форму мировой. А поскольку во главе такой революции стоят глобалисты, мы называем ее глобалистской.

Аналоги революций. В своем определении революции (см. выше) мы как обязательный указываем момент массовости протестов, массовой мобилизации, то есть активности масс, которые пытаются влиять на ход событий под руководством вождей или стихийно (речь не идет об участии большинства населения, такое случается очень редко, но число протестующих должно быть достаточно велико). Таким образом, революцией является смена режима, произошедшая не в итоге заговора или тайного переворота, а в результате массовых протестных/вооруженных акций населения. Но бывает и по-другому. Революционеры одерживают победу путем военного или в иной форме государственного переворота, далее начинают радикальное изменение режима путем законодательных и иных методов и т. п., а уже затем для обеспечения одобрения и облегчения радикальных преобразований активизируют массы с соответствующими лозунгами. Либо побеждают на выборах, а затем осуществляют радикальные перемены. В последнем случае действия мобилизованных масс происходят в правовом русле (как избирателей). В обоих описанных случаях мы можем говорить не о революции, а об *аналоге революции.* Примерами аналогов революций являются нацистская трансформация Германии после 1933 г., то есть после прихода Гитлера к власти путем вы-

[8] Так, после Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. возникли уже юридически формализованные институты национального суверенитета и соответственно международных отношений. После Наполеоновских войн, в 1815 г., был образован так называемый Священный союз, который в течение 30 лет обеспечивал определенный порядок в Европе. После Первой мировой войны возникла Лига Наций, а после Второй – ООН и другие организации, включая экономические (МБ, МВФ).

боров; события 1952 г. в Египте (военный переворот с последующей массовой мобилизацией) или Боливарианская революция под руководством Уго Чавеса в Венесуэле [см., например: Костин 2020][9].

Таким образом, в классических революциях новый режим приходит к власти в результате массовых и антиправительственных, обычно нарушающих закон акций. Напротив, в аналогах революции смена правительства/президента/монарха происходит путем переворота или выборов, в результате чего появляется новый (революционно настроенный) режим, вносящий значительные изменения в политическое устройство, социальные, экономические и культурные институты [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2020; Grinin L., Grinin A. 2022; Goldstone *et al.* 2022a]. Следовательно, революционные события – это далеко не всегда штурм царского или президентского дворца восставшими.

Мировая революция. Понятие аналога революции важно для нас в отношении классификации описываемого в работе мирового глобалистского переворота. Здесь важна не столько форма свержения старой власти (путем массовых насильственных действий или иным путем), а результат изменений – смена/трансформация власти, институтов. В этом смысле и классические революции, и их *аналоги значительно или радикально меняют режим, социальные политические институты, идеологию и другое, вплоть до одежды, быта и прочего*.

Аналог революции может происходить путем «ползучего переворота», незаметного до поры до времени, но в какой-то момент, когда важные рычаги власти уже захвачены, ниспровергатели старого показывают свою силу, свои цели, начинают поднимать на борьбу за них массы, мобилизовывать их. Во главе этих масс далеко не всегда стоят достойные люди: еще анархисты считали, что без разбойного элемента революции не сделать. Сегодня во главе масс могут стоять представители ЛГБТ, но этих «борцов» должно быть (и уже есть) достаточно, особенно если не скупиться на их содержание. Оговорив различия между аналогами революции и классической революцией, далее мы будем употреблять эти понятия как синонимы, чтобы не усложнять изложение.

Естественно, что глобальная революция должна иметь существенные отличия от революции национальной или даже волны революций[10]. Во-первых, так как нет глобального правительства, соответственно его нельзя и свергнуть. Но ограничить власть национальных правительств, включая – что особенно важно – даже национальный суверенитет США, вполне возможно. Во-вторых, глобальная революция должна проявить себя во многих местах, формируя некий прообраз или аналог (пусть еще далекий от будущего института) мирового правительства. Таким образом, нельзя свергнуть мировое правительство, но можно попытаться занять его место. Уже сегодня глобалисты, используя влияние США и других стран,

---

[9] Многие революционные события, которые в научном плане надо классифицировать как аналоги революций, в политической терминологии часто называются именно революциями (такова и часто встречающаяся характеристика событий 1952 г. в Египте как «революции»). Поэтому необходимо различение истинных революций и их аналогов.

[10] Волна революций – это сочетание в относительно короткий период (от нескольких месяцев до 10 лет) нескольких революций, которые вызваны единой причиной (например, крупным мир-системным событием вроде войны, кризиса и т. п.) и имеют определенные сходства между собой.

поставили под свой контроль мировые организации. Но у последних пока недостаточно возможностей, поэтому будут формироваться какие-то новые органы или трансформироваться старые. В-третьих, поскольку любая революция решает вопрос о власти, для ее завоевания и удержания требуются какая-то идеология и репрессивная система.

Новая идеология, такая, которой можно объяснить и оправдать все, поставив превыше всех других интересов, сейчас формируется – это «спасение климата». Ради этого новые революционеры готовы разрушить все.

Способы репрессий различны, включая медицинский контроль и террор, создание хаоса и введение фактического чрезвычайного положения, обличение несогласных. Происходят отлучение «ненужного» с точки зрения глобалистов бизнеса от кредитов и снижение его рейтингов. Постоянно идут «публичные порки» оппозиционеров и отступников. Так, в конгресс вызывают крупнейшие нефтяные компании, объявляя их главными загрязнителями; ведущие цифровые компании («Фейсбук»), объявляя их в разрушении душ подростков или потворствовании торговле людьми и т. п. Обвинения могут быть самые разные. Санкции, видимо, будут важным способом давления.

О коннотациях слов «революция», «революционеры», «революционный». Следует особо подчеркнуть, что, хотя многие могут видеть в звучании этих слов положительные моменты, смыслы и коннотации, мы стремимся рассматривать их объективно, то есть как особого рода силы и изменения. Но всегда подчеркиваем, что весьма часто они отрицательно влияют на развитие обществ. В то же время в любой революции всегда имеется сложное сочетание прогрессивного и регрессивного, позитивного и негативного. Определить баланс этих противоположностей трудно, но в этом и состоит задача исследователя. До известного периода (примерно второй половины XIX в.) они во многом были незаменимыми, хотя и разрушительными инструментами развития, но с утверждением представления о реформах их роль как орудия перехода к новому стала уменьшаться. Даже сегодня иногда революции необходимы, но таких случаев все меньше, зато революций, которые загоняют общества в революционные ловушки, все больше [о динамике роли революций как орудия прогресса см.: Гринин 2017в]. В настоящей статье мы пытаемся показать как негативные, так и позитивные стороны надвигающейся глобалистской революции; баланс сил, стоящих за ней и выступающих против нее; ее шансы на успех и пр.

Сравнение национальной и мировой революций: методология и аналогии. Национальные революции очень разнообразны как по типам, так и по целям, движущим силам, размаху и т. п. [о типологии революций см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2020]. Возникает вопрос: каким образом мы можем сравнивать национальные и мировую революцию? Здесь уместно прежде всего ориентироваться на глубину и размах перемен. В этом плане следует выделить небольшую по численности, но очень важную (как в методологическом, так и в политологическом плане) группу глубоких социальных революций, основу которых составляют так называемые великие революции. Это Великая французская, русская и китайская революции (иногда к ним добавляют Английскую революцию XVII в.). Они, во-первых, были очень глубокими и привели к ожесточенной внутренней, гражданской борьбе. Во-вторых, их следствием стали радикальные перемены в обществе.

В-третьих, эти революции затронули едва ли не каждого человека, прямо или косвенно изменив образ жизни людей и общества. В-четвертых, они оказали огромное влияние на судьбы мира и продолжали оказывать это влияние на протяжении долгих десятилетий. В-пятых, они служили и до сих пор служат образцом для революционеров. [О великих революциях см.: Скочпол 2017; Голдстоун 2006; Гринин 2017а; 2017б; Grinin 2022.] Таким образом, мы при сравнениях будем ориентироваться прежде всего на характерные черты великих революций. Рассмотрим некоторых из них.

Предпосылки. Великие революции возникают не вдруг, предпосылки для них накапливаются долгими десятилетиями. Крупные революции обычно происходят, только если создадутся объективные условия, назреет необходимость перемен. Но характер и результат революции во многом зависят от расклада сил и их способности мобилизовать сторонников и ресурсы. Мировая революция тем более не может совершиться ни в каком виде, если не возникнут объективные и очень серьезные предпосылки. А это значит, что такие предпосылки есть и у начинающейся глобалистской революции.

Данные предпосылки складываются в результате: а) предшествующего развития информационно-цифровых и финансовых технологий; б) того, что экономическая глобализация значительно опередила политическую, в результате чего возникла объективная потребность в координации действий разных правительств в мировом масштабе (об этом см. ниже). Длительное время шла трансформация национального суверенитета, но главным бенефициаром здесь выступали США и ведущие страны Европы (Гринин 2008; Grinin 2012; Гринин, Коротаев 2016). Более быстрый рост экономик развивающихся стран, с одной стороны, ослабление США и Запада – с другой, изменили тренд, наметился возврат к суверенитету. Трения между крупнейшими геополитическими игроками усиливаются, и даже экономическая глобализация стала откатываться назад, что существенно влияет на экономику большинства стран и мира в целом. Очевидно также, что глобальные институты неработоспособны, так как они были призваны защищать интересы прежде всего США. Следовательно, нужно создавать иные институты, однако нет никаких идей, как это сделать и особенно как заставить США встроиться в общие интересы (об этом см. ниже).

В этих условиях глобалистские силы увидели уникальный шанс. Они стали выступать от имени человечества. В некоторой мере эти силы объективно выражают потребность в какой-то институционализации для координации действий в международном масштабе (о том, как расценивать их «прогрессивность», мы поговорим ниже). Но очевидно, что их цели и интересы противоречат интересам большинства стран, поскольку для глобалистов главное – захват власти, ресурсов и возможность осуществлять эксперименты в соответствии со своими идеологическими установками, а не реальные интересы мира (собственно, это характерно для многих революционеров). Объявленные ими планы авантюрны, опасны и просто преступны, причем преступны в глобальном масштабе. Выгоды от их реализации получат крупнейшие финансисты и корпорации, часть политической и иной элиты, но все тяготы лягут на остальное общество. При этом глобалисты собираются управлять миром неопределенно долгое время.

Роль элит. Наконец, крайне важный вопрос касается теории революции в приложении к идее мировой революции. Не совсем точным является представление, будто революции совершают бедные, угнетенные, неполноправные, те, кто разочарован, лишен надежд и т. п. Точнее сказать, что бедные, угнетенные, неполноправные составляют основную массу протестующих, ту самую, которую мобилизуют на революционные действия (см. выше). Но при этом крайне важно понимать, что во главе протестной мобилизации и революций часто стоят элитарии и интеллектуалы-идеологи (часто также вышедшие из верхних слоев). Иными словами, чтобы массы могли объединиться и подняться, нужны некое ядро и организующая сила. Такой силой становятся части элит или так называемых контрэлит, которые стремятся встать у власти в результате революции. *Таким образом, для победы революции нужен раскол элит.* Современная теория революции уделяет очень большое внимание этому фактору [см.: Голдстоун 2006; 2015; Скочпол 2017; Goldstone 1991; Tilly 1975; 1978; Goldstone *et al.* 2022b]. Если элита монолитна, то победа и даже сама возможность начала революции находятся под большим вопросом. Но если элита раскололась, то, во-первых, она ослабела, во-вторых, часть элитариев активизирует массы и сплачивает их. В настоящий момент налицо раскол мировой элиты на глобалистскую и национальную [подробнее см. ниже; см. также: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021а; 2021б]. И это один из важнейших моментов, которые подтверждают идею вхождения мира в мировую глобалистскую революцию.

Негативные феномены и последствия. Глубокие, а тем более великие революции обычно связаны с упадком экономики, поскольку они разрушают устоявшийся ход вещей и порядок. Победившие революционеры проводят экспроприации, реквизиции и переделы, вводят для осуществления своих политических и идеологических целей новые законы и требования, регламентации и ограничения, которые вступают в глубокое противоречие с необходимыми для успешного хозяйствования условиями и правилами. Это происходит под лозунги о том, что революция несет невиданную свободу. Кроме того, такие революции часто связаны с сильной инфляцией, поскольку революционеры тратят все больше, а хозяйство, разрушенное экспериментами, мобилизациями, реквизициями и запретами, дает все меньше. В итоге возникает разрушительная отрицательная обратная связь: чем глубже революция, тем сильнее упадок хозяйства и ниже уровень жизни. Революции всегда нужны враги. Кого объявят врагом, зависит от особенностей революции, но обычно это прежде вполне приличные люди. Это может быть кто угодно: «враги народа и революции», роялисты и священники, богатые и знатные, коммунисты или евреи, представители прежде «угнетающей» нации и т. п., и непременно нарушители революционных законов, несогласные с новой идеологией, держащиеся за старое и т. д. Чем хуже идут дела, тем активнее обвиняют врагов и криминализуют прежде вполне респектабельные занятия (хотя одновременно могут и декриминализировать прежде запрещенные вещи). В настоящий момент мы видим признаки таких явлений как в регулировании поведения миллиардов людей в связи с пандемией, так и в плане жесткой цензуры мнений, идущих вразрез с идеями глобалистов, а также в усиливающемся климатическом регулировании.

3. Глобализм, национальные интересы и современное глобальное противоречие

Длительное время считалось, что в главном глобализм выражает интересы США. Однако в последние несколько лет интересы собственно Соединенных Штатов как державы стали существенно расходиться с интересами сил, которые можно рассматривать как глобалистские. Хотя многие из глобалистов по происхождению и юрисдикции относятся к США, но по факту сила глобализма стала уже наднациональной и мировой. Как уже сказано, она стремится использовать американское государство как базу для осуществления собственных интересов, объективно противоречащих интересам американской нации. И чем более ресурсы США будут использоваться для укрепления глобальной повестки дня, тем более глобалистским будет становиться порядок, в котором начнут растворяться собственно американские национальные интересы. *Поэтому разногласия между глобализмом и американизмом* (то есть идеологией «Америка в первую очередь») *становятся одним из ведущих современных противоречий* [подробнее см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021а; 2021б].

Отметим, что с определенного времени США (и американизм) стали тормозом на пути формирования нового и более эффективного для будущего развития мирового порядка [см. об этом: Гринин 2016; 2018; Гринин А. Л. 2020], но с другой стороны, повестка глобалистов далека от того, чтобы отвечать требованиям более справедливого мирового порядка и глобализации. Следовательно, анализ противоречия как между интересами США и остального мира, так и между интересами США и глобалистов становится особенно важным. Первое противоречие мы достаточно широко осветили в ряде своих работ [Гринин 2005: 17; 2015: 13; 2018; Grinin, Korotayev 2020; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021а; 2021б]. Оно заключалось в том, что игнорирование США интересов других стран и мира в целом, их неприкрытый эгоизм (что особенно ярко проявилось в период Д. Трампа) заводили развитие в тупик. Причем развитие усиливалось по мере того, как укреплялся тренд на ослабление внешнеполитического влияния США и уменьшение их роли мирового гегемона [см. об этом: Валлерстайн 2001; Капхен 2004; Тодд 2004; Франк 2002; Buchanan 2002; Mandelbaum 2005; Мир… 2009; NIC 2012; Пантин, Лапкин 2006; 2014; Гринин 2018].

Это противоречие остается очень сильным. Но в процессе борьбы за удержание гегемонии и ее ослабление, как уже сказано, сформировались могущественные интересы глобалистов. Последние хотели бы использовать авторитет, мощь, влияние и инструменты внешней политики Соединенных Штатов и огромные ресурсы их экономики для решения собственных задач. При этом судьба США сама по себе их интересует в меньшей степени, ослабление духа и внутренней сплоченности Америки не просто не волнует их, но объективно выгодно им для управления страной в собственных целях. Если в национальных интересах США было усиление военно-промышленного комплекса (для удержания лидерских позиций в мире), то глобалисты выступали за сворачивание этих расходов. Если объективно в интересах США было проведение весьма ограниченного зеленого курса и наращивание добычи нефти, газа и других углеводородов, то для глобалистов выгоднее спровоцировать огромные бюджетные расходы, связанные с субсидиями в зеленую энергетику, электромобили и пр. Объективно националь-

ные интересы США требуют сохранения и поощрения институтов, на которых базируются американский дух и американская мощь – религии и христианских ценностей, поощрения индивидуальной активности и независимости, семьи, духа соревнования, самоуправления, патриотизма и пр. Однако для глобалистов не просто выгоднее, но абсолютно необходимо для подчинения своим интересам ресурсов США (бюджета в первую очередь) подорвать эти основы американской силы. Семью и брак они стремятся заменить на десятки гендеров, патриотизм заклеймить как историю расового угнетения чернокожих белыми; вместо христианских ценностей предлагаются ценности трансгендеров и критика системного расизма; вместо активной самореализации и опоры на собственные силы – новые пособия; в целом вместо сплочения американской нации идет ее разделение по признакам расы, гендера, иммиграции и т. п.

Победа Дж. Байдена на выборах означает успех глобалистов, который они пытаются закрепить невиданной активностью. И с учетом уже довольно длительного процесса ослабления лидерской роли США в мире это во многом означает приближение краха американской «империи», что может иметь негативные последствия для собственно американского общества, однако смешанные последствия для мира в целом.

Таким образом, в настоящий момент наибольшее значение для судеб мира, для выбора пути в ситуации глобальной неустойчивости, бифуркации имеет *противоречие между глобализмом и национальными интересами ведущих стран мира* (чьи интересы глобалисты пытаются подстроить под собственные, подчинить своей повестке).

Глобалистские силы очень велики, а планы масштабны и требуют аккумуляции очень серьезных ресурсов. Такие ресурсы не аккумулировать без помощи национальных государств. И поскольку сами глобалисты не имеют своей суперструктуры, то сделать это можно, лишь захватив ведущие позиции в ряде национальных государств, в чем они весьма преуспели. А далее нужно направить государственный курс на нужные им цели. Для того чтобы обычный и эффективный бизнес не конкурировал с ними за ресурсы, его нужно подавлять и ущемлять налогами и повышенными социальными функциями, а население убедить в том, что следует сократить потребление во имя спасения климата. Для этого глобалисты пытаются продвигать достаточно популярные и давно обсуждаемые (и в принципе правильные) идеи о необходимости отхода от экономики потребительства и перехода к более экономному потреблению, о несправедливости капитализма, о более честном распределении благ [см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021в].

Таким образом, в значительной мере стратегия глобалистов заключается в том, чтобы захватить структуры, каналы влияния, сети, которые контролируются национальными государствами, и, подобно паразиту, использовать их ресурсы для своих целей. Глобалисты, конечно, не лица без гражданства или граждане мира (хотя многие из них имеют несколько гражданств), но фактически происходит все более сильное размежевание между национально ориентированными политиками и бизнесменами, в целом национальной элитой (государственниками) и теми, для кого интересы национальных государств остаточны, менее важны. В ЕС уже давно создана наднациональная страта (евробюрократов и крупного финансового и промышленного бизнеса); в США процесс формирования враждебной

национальным интересам элиты начался несколько позже, но идет полным ходом. Глобалисты, захватив власть в США, теперь пытаются использовать имеющуюся во многих странах, в том числе в России, проамериканскую элиту, чтобы перевербовать ее в проглобалистскую. И этот процесс будет нарастать.

Уже очевидно, что США едва ли вернут себе прежний статус гегемона [Fukuyama 2021]. Скорее всего, позиции США будут ослабевать, причем благодаря усиленному расходованию ресурсов – достаточно быстро. При этом необходимо ясно понимать, что, с одной стороны, глубокий кризис в США, который приведет к их резкому ослаблению, непременно ударит по всем странам, с другой – он откроет широкий путь к новым основаниям мирового порядка. Будет ли этот новый порядок базироваться на интересах глобалистов либо уже на иных, более отвечающим интересам разных стран, трудно предвидеть, но это и составит интригу будущих столкновений.

Заключение

Итак, мы показали, что радикальные перемены в мировых технологиях, институтах и идеологии, которые глобалисты уже начали производить ради того, чтобы под предлогом спасения климата захватить власть и аккумулировать в своих руках невероятные ресурсы, все сильнее напоминают революционные, только происходящие не в национальном, а в мировом масштабе. Еще раз повторим, что мы не вкладываем здесь в понятия «революция» и «революционное изменение» какой-то позитивный смысл.

Мы продемонстрировали, что понятие революции вполне применимо к современным изменениям. Также мы показали, что речь идет о попытках добиться собственных целей путем радикальных изменений, связанных *с разрывом с прошлым*, навязыванием новой идеологии и нового образа жизни. Именно это характерно для революционного подхода: «Мы разрушим до основанья, а затем…» «Затем» обычно бывает гораздо менее интересным, чем представлялось.

Наш подход полезен тем, что взгляд на деятельность глобалистов как на попытку совершить «революционные изменения» многое проясняет в настоящем, а также дает инструмент для прогноза глобализма в будущем.

В следующей статье мы представим характеристики и особенности мировой глобалистской революции в свете теории революции, проанализируем варианты исхода этой революции, а также ее шансы на победу или поражение. Мы также попробуем объективно подойти к оценке роли глобалистов в возможной эволюции Мир-Системы в будущем. На этой основе мы дадим прогнозы развития Мир-Системы в ближайшие несколько десятилетий, рассмотрим, какую цену заплатит мир в случае успеха этой революции; покажем также, что ее последствия могут оказаться весьма негативными и разрушительными.

Литература

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб. : Университетская книга, 2001.

Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5. С. 58–103.

Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.

Гринин А. Л. Анализируя глобальные проблемы XXI в. Обзор и прогноз на основе доклада Римского клуба «Come On!» // Век глобализации. 2020. № 4(36). С. 47–64. URL: https://doi.org/10.30884/vglob/2020.04.04.

Гринин Л. Е. Глобализация и национальный суверенитет // История и современность. 2005. № 1. С. 6–31.

Гринин Л. Е. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета // Век глобализации. 2008. № 1. С. 86–97.

Гринин Л. Е. Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем // История и современность. 2016. № 1. С. 20–63.

Гринин Л. Е. Новый мировой порядок и эпоха глобализации. Ст. 1. Американская гегемония: апогей и ослабление. Что дальше? // Век глобализации. 2015. № 2. С. 2–17.

Гринин Л. Е. Революции. Взгляд на пятисотлетний тренд // Историческая психология и социология истории. 2017а. № 2. С. 5–42.

Гринин Л. Е. Революция в России и трансформация Мир-Системы // Век глобализации. 2017б. № 3. С. 97–112.

Гринин Л. Е. Революции и исторический процесс // Философия и общество. 2017в. № 3. С. 5–29.

Гринин Л. Е. Российская революция в свете теории модернизации // История и современность. 2017г. № 2. С. 22–57.

Гринин Л. Е. Семь слабостей Америки и Дональд Трамп // Век глобализации. 2018. № 2. С. 28–45. DOI: 10.30884/vglob/2018.02.03.

Гринин Л. Е. Сложилась ли революционная ситуация в США? // Век глобализации. 2020. № 3(35). С. 31–44. DOI: 10.30884/vglob/2020.03.03.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2020. Революции XX века: теоретический и количественный анализ // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 130–147. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.10.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Глобализм против американизма. Ст. 1. Как глобалисты истощают ресурсы США для построения нового глобального порядка // История и современность. 2021а. № 2. С. 3–43. DOI: 10.30884/iis/2021.02.01.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Глобализм против американизма. Ст. 2. Глобализм и будущее США и мира // История и современность. 2021б. № 3. С. 3–53. DOI: 10.30884/iis/2021.03.01.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Размышления об экономическом росте и будущем. Ст. 1. Глобализм vs рост ВВП и «закат Запада» // Философия и общество. 2021в. № 3. С. 5–34. DOI: 10.30884/jfio/2021.03.01.

Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. 2-е изд., испр. и доп. М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2016.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах. М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2016.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Методологические пояснения к исследованию революционных событий // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков:

ежегодник. Ч. 2 / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель, 2020. С. 854–861.

Капхен Ч. Закат Америки. Уже скоро. М. : АСТ; Люкс, 2004.

Костин М. С. Венесуэла: революционные события на фоне продолжающейся революционной эпохи (1998–2020) // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Ч. 2 / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград : Учитель, 2020. С. 878–890.

Кристен В. Перспективы Европы в ближайшие годы? Инфляция, рост налогов и нулевые пенсии [Электронный ресурс]: ИноСМИ 9 ноября. 2021. URL: https://inosmi.ru/economic/20211109/250867132.html.

Логинова А. А., Хамов А. В. Некоторые революционные события в Африке и на Ближнем Востоке (2005–2019) // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Ч. 2 / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград : Учитель, 2020. С. 919–930.

Марцинкевич Б. Почему глобальный фейк об «энергопереходе» не затронет Россию. 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://aftershock.news/?q=node/1032835.

Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. М. : Европа, 2009.

Пантин В. И. Россия и Запад в 2020-е гг.: перспективы геополитической революции // История и современность. 2021. № 1(39). С. 28–53. DOI: 10.30884/iis/2021.01.02.

Пантин В. И., Лапкин В. В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI в. Дубна : Феникс+, 2006.

Пантин В. И., Лапкин В. В. Историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития. Дубна : Феникс+, 2014.

Парижское соглашение. 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf.

Ричел Д. Ваша бустерная жизнь: как бигфарма внедряет абонентскую модель рентабельности. 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://mises.in.ua/article/your-booster-life-how-big-pharma-adopted-the-subscription-model-of-profitability/#top.

Скочпол Т. Государства и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая. М. : Ин-т Гайдара, 2017.

Тодд Э. После империи. Pax Americana – начало конца. М. : Международные отношения, 2004.

Фергюсон Н. Площадь и башня. Сети и власть от масонов до Facebook. М. : АСТ, Corpus, 2020.

Франк А. Г. Азия проходит полный круг – с Китаем как «Срединным государством» // Цивилизации. Вып. 5. Проблемы глобалистики и глобальной истории / отв. ред. А. О. Чубарьян. М. : Наука, 2002. С. 192–203.

Buchanan P. J. The Death of the West: How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization. New York : St. Martin's Press, 2002.

Derluguian G., Hovhannisyan R. The Armenian Revolution of 2018: A Historical-Sociological Interpretation // New Waves of Revolutions in the 21st Century – Understand-

ing the Causes and Effects of Disruptive Political Changes / ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham : Springer, 2022 (in print).

Durden T. Here is The Hidden $150 Trillion Agenda Behind The "Crusade" Against Climate Change. 2021a [Электронный ресурс]. URL: https://www.zerohedge.com/markets/here-hidden-150-trillion-agenda-behind-crusade-against-climate-change.

Durden T. One Bank Reveals The Dismal Truth About The $150 Trillion Crusade Against Climate Change. 2021b [Электронный ресурс]. URL: https://www.zerohedge.com/energy/one-bank-reveals-dismal-truth-about-150-trillion-crusade-against-climate-change.

Fukuyama F. On the End of American Hegemony. 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.economist.com/by-invitation/2021/08/18/francis-fukuyama-on-the-end-of-american-hegemony.

Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, CA : University of California Press, 1991.

Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. Introduction. Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events // New Waves of Revolutions in the 21st Century – Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes / ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham : Springer, 2022a (in print).

Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. The Phenomenon and Theories of Revolution // New Waves of Revolutions in the 21st Century – Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes / ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham : Springer, 2022b (in print).

Grinin L. New Foundations of International System or Why do States Lose Their Sovereignty in the Age of Globalization? // Journal of Globalization Studies. 2012. Vol. 3(1). Pp. 3–38.

Grinin L. On Revolutionary Situations, Stages of Revolution, and Some other Aspects of the Theory of Revolution // New Waves of Revolutions in the 21st Century – Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes / ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham : Springer, 2022 (in print).

Grinin L., Grinin A. Revolutionary Waves and Lines of the 20th Century // New Waves of Revolutions in the 21st Century – Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes / ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham : Springer, 2022 (in print).

Grinin L., Korotayev A. Seven Weaknesses of the U.S., Donald Trump, and the Future of American Hegemony // World Futures: The Journal of New Paradigm Research. 2020. No. 77(1). Pp. 23–54. DOI: 10.1080/02604027.2020.1801309.

Mandelbaum M. The Case for Goliath: How America Acts as the World's Government in the 21st Century. New York : Public Affairs, 2005.

NIC – National Intelligence Council. Global Trends 2030: Alternative Worlds. Washington, DC: National Intelligence Council. 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.dni.gov/index.php/ about/organization/global-trends-2030.

The Wall Street Journal (США): Энергетический мазохизм Запада [Электронный ресурс] : ИноСМИ. 2021. 20 октября. URL: https://inosmi.ru/politic/20211020/250738058.html.

Tilly C. Revolutions and Collective Violence // Handbook of Political Science / ed. by F. Greenstein, N. Polsby. Reading, MA : Addison-Wesley, 1975. Pp. 483–555.

Tilly C. From Mobilization to Revolution. Reading, MA : Addison-Wesley, 1978.

References

Wallerstein I. Analiz mirovyh sistem i situaciya v sovremennom mire [Analysis of World Systems and the Situation in the Modern World]. St. Petersburg. : Universitetskaya kniga, 2001.

Goldstone J. K teorii revolyucii chetvertogo pokoleniya [Toward a Fourth Generation Revolution Theory] // Logos. 2006. No. 5. Pp. 58–103.

Goldstone J. Revolyucii. Ochen' kratkoe vvedenie [Revolution. A Very Short Introduction]. Moscow : The Gaidar Institute Press. 2015.

Grinin A. L. Analiziruya global'nye problemy XXI v. Obzor i prognoz na osnove doklada Rimskogo kluba “Come On!” [Analyzing the Global Problems of the 21st Century. Review and Forecast Based on the Report of the Club of Rome “Come On!”] // Vek globalizatsii. 2020. No. 4(36). Pp. 47–64. URL: https://doi.org/10.30884/vglob/2020.04.04.

Grinin L. E. Globalizatsiya i natsionalnyj suverenitet [Globalization and National Sovereignty] // Istoriya i sovremennost'. 2005. No. 1. Pp. 6–31.

Grinin L. E. Globalizatsiya i processy transformatsii natsionalnogo suvereniteta [Globalization and the Processes of Transformation of National Sovereignty] // Vek globalizatsii. 2008. No. 1. Pp. 86–97.

Grinin L. E. Mirovoj poryadok v proshlom, nastoyashchem i budushchem [World Order in the Past, Present and Future] // Istoriya i sovremennost'. 2016. No. 1. Pp. 20–63.

Grinin L. E. Novyj mirovoj poryadok i epoha globalizatsii. St. 1. Amerikanskaya gegemoniya: apogej i oslablenie. Chto dalshe? [New World Order and the Era of Globalization. Art. 1. American Hegemony: Climax and Weakening. What's Next?] // Vek globalizatsii. 2015. No. 2. Pp. 2–17.

Grinin L. E. Revolyutsii. Vzglyad na pyatisotletnij trend [Revolution. A Glimpse of a Five Hundred Year Trend]. Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii. 2017a. No. 2. Pp. 5–42.

Grinin L. E. Revolyutsiya v Rossii i transformatsiya Mir-Sistemy [The Revolution in Russia and the Transformation of the World System]. Vek globalizatsii. 2017б. No. 3. Pp. 97–112.

Grinin L. E. Revolyutsii i istoricheskij process [Revolutions and Historical Process] // Filosofiya i obshchestvo. 2017в. No. 3. Pp. 5–29.

Grinin L. E. Rossijskaya revolyutsiya v svete teorii modernizatsii [Russian Revolution in the Light of Modernization Theory] // Istoriya i sovremennost'. 2017г. No. 2. Pp. 22–57.

Grinin L. E. Sem' slabostej Ameriki i Donal'd Tramp [Seven America’s Weaknesses and Donald Trump] // Vek globalizatsii. 2018. No. 2. Pp. 28–45. DOI: 10.30884/vglob/2018.02.03.

Grinin L. E. Slozhilas' li revolyutsionnaya situatsiya v SSHA? [Is there a Revolutionary Situation in the United States?] // Vek globalizatsii. 2020. No. 3(35). Pp. 31–44. DOI: 10.30884/vglob/2020.03.03.

Grinin L. E., Grinin A. L. Revolyutsii XX veka: teoreticheskij i kolichestvennyj analiz [Revolutions of the Twentieth Century: Theoretical and Quantitative Analysis] // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2020. No. 5. Pp. 130–147. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.10.

Grinin L. E., Grinin A. L. Globalizm protiv amerikanizma. St. 1. Kak globalisty istoshchayut resursy SSHA dlya postroeniya novogo global'nogo poryadka [Globalism versus

Americanism. Art. 1. How Globalists are Depleting US Resources to Build a New Global Order] // Istoriya i sovremennost'. 2021a. No. 2. Pp. 3–43. DOI: 10.30884/iis/2021.02.01.

Grinin L. E., Grinin A. L. Globalizm protiv amerikanizma. St. 2. Globalizm i budushchee SSHA i mira [Globalism versus Americanism. Art. 2. Globalism and the Future of the USA and the World] // Istoriya i sovremennost. 2021б. No. 3. Pp. 3–53. DOI: 10.30884/iis/2021.03.01.

Grinin L. E., Grinin A. L. Razmyshleniya ob ekonomicheskom roste i budushchem. St. 1. Globalizm vs rost VVP i «zakat Zapada» [Reflections on Economic Growth and the future. Art. 1. Globalism vs GDP Growth and the "Decline of the West"] // Filosofiya i obshchestvo. 2021в. № 3. Pp. 5–34. DOI: 10.30884/jfio/2021.03.01.

Grinin L. E., Issaev L. M., Korotaev A. V. Revolyutsii i nestabilnost na Blizhnem Vostoke [Revolutions and Instability in the Middle East]. 2nd ed., rev. and add. Moscow : Moscow branch of 'Uchitel' Publishing House, 2016.

Grinin L. E., Korotaev A. V. Blizhnij Vostok, Indiya i Kitaj v globalizacionnyh processah [Middle East, India and China in Globalization Processes]. Moscow : Moscow branch of 'Uchitel' Publishing House, 2016.

Grinin L. E., Korotaev A. V. Metodologicheskie poyasneniya k issledovaniyu revolyucionnyh sobytij [Methodological Explanations for the Study of Revolutionary Events] // Sistemnyj monitoring globalnyh i regionalnyh riskov [Systemic Monitoring of Global and Regional Risks]: yearbook. Part 2 / ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotaev, D. A. Bykanova. Volgograd : Uchitel, 2020. Pp. 854–861.

Kupchan Ch. Zakat Ameriki. Uzhe skoro [The End of America is Coming]. Moscow : AST; Lyuks, 2004.

Kostin M. S. Venesuela: revolyucionnye sobytiya na fone prodolzhayushchejsya revolyucionnoj epohi (1998–2020) [Venezuela: Revolutionary Events Against the Backdrop of an Continuing Revolutionary Era (1998–2020)] // Sistemnyj monitoring globalnyh i regionalnyh riskov [Systemic Monitoring of Global and Regional Risks]: yearbook. Part 2 / ed. by. L. E. Grinin, A. V. Korotaev, D. A. Bykanova. Volgograd : Uchitel, 2020. Pp. 878–890.

Kristen V. Perspektivy Evropy v blizhajshie gody? Inflyaciya, rost nalogov i nulevye pensii [What are the Prospects for Europe in the Coming Years? Inflation, Tax Hikes and Zero Pensions] // InoSMI. 2021. November 9. URL: https://inosmi.ru/economic/20211109/250867132.html.

Loginova A. A., Khamov A. V. Nekotorye revolyucionnye sobytiya v Afrike i na Blizhnem Vostoke (2005–2019) [Some Revolutionary Events in Africa and the Middle East (2005–2019)] // Sistemnyj monitoring globalnyh i regionalnyh riskov [Systemic Monitoring of Global and Regional Risks]: yearbook. Part 2 / ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotaev, D. A. Bykanova. Volgograd : Uchitel, 2020. Pp. 919–930.

Martsinkevich B. Pochemu global'nyj fejk ob "energoperekhode" ne zatronet Rossiyu [Why the Global Fake about the "Energy Transition" will not Affect Russia] // Aftershock News. URL: https://aftershock.news/?q=node/1032835.

Mir posle krizisa. Global'nye tendencii – 2025: menyayushchijsya mir. Doklad Nacional'nogo razvedyvatel'nogo soveta SSHA [The World after the Crisis. Global Trends – 2025: A Changing World. Report of the US National Intelligence Council]. Moscow : Evropa, 2009.

Pantin V. I. Rossiya i Zapad v 2020-e gg.: perspektivy geopoliticheskoj revolyucii [Russia and the West in the 2020s: Prospects for a Geopolitical Revolution] // Istoriya i sovremennost. 2021. No. 1(39). Pp. 28–53. DOI: 10.30884/iis/2021.01.02.

Pantin V. I., Lapkin V. V. Filosofiya istoricheskogo prognozirovaniya: ritmy istorii i perspektivy mirovogo razvitiya v pervoj polovine XXI v. [Philosophy of Historical Forecasting: Rhythms of History and Prospects of World Development in the First Half of the 21st Century]. Dubna : Feniks+, 2006.

Pantin V. I., Lapkin V. V. Istoricheskoe prognozirovanie v XXI veke: Cikly Kondrat'eva, evolyucionnye cikly i perspektivy mirovogo razvitiya [Historical Forecasting in the XXI Century: Kondratyev Cycles, Evolutionary Cycles and Prospects for World Development]. Dubna : Feniks+, 2014.

Parizhskoe soglashenie [Paris Agreement]. 2015. URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf.

Ruechel J. Vasha busternaya zhizn': kak bigfarma vnedryaet abonentskuyu model' rentabel'nosti [Your Booster Life: How Big Pharma Adopted the Subscription Model of Profitability]. 2021. URL: https://mises.in.ua/article/your-booster-life-how-big-pharma-adopted-the-subscription-model-of-profitability/#top.

Skocpol T. Gosudarstva i social'nye revolyucii. Sravnitel'nyj analiz Francii, Rossii i Kitaya [Skocpol T. States and Social Revolutions. Comparative Analysis of France, Russia and China]. Moscow : The Gaidar Institute Press, 2017.

Todd E. Posle imperii. Pax Americana – nachalo konca [After the Empire. Pax Americana – the Beginning of the End]. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004.

Ferguson N. Ploshchad' i bashnya. Seti i vlast, ot masonov do Facebook [The Square and the Tower: Networks and Power, from the Freemasons to Facebook]. Moscow : AST, Corpus, 2020.

Frank A. G. Aziya prohodit polnyj krug – s Kitaem kak «Sredinnym gosudarstvom» [Asia goes a full circle – with China as the “Middle State”] // Civilizacii [Civilizations]. Vol. 5. Problemy globalistiki i global'noj istorii [Problems of Global Studies and Global History] / ed. by A. O. Chubaryan. Moscow : Nauka, 2002. Pp. 192–203.

Buchanan P. J. The Death of the West: How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization. New York : St. Martin's Press, 2002.

Derluguian G., Hovhannisyan R. The Armenian Revolution of 2018: A Historical-Sociological Interpretation // New Waves of Revolutions in the 21st Century – Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes / ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham : Springer, 2022 (in print).

Durden T. Here is The Hidden $150 Trillion Agenda Behind The “Crusade” Against Climate Change. 2021a. URL: https://www.zerohedge.com/markets/here-hidden-150-trillion-agenda-behind-crusade-against-climate-change.

Durden T. One Bank Reveals The Dismal Truth About The $150 Trillion Crusade Against Climate Change. 2021b. URL: https://www.zerohedge. com/energy/one-bank-reveals-dismal-truth-about-150-trillion-crusade-against-climate-change.

Fukuyama F. On the End of American Hegemony. 2021. URL: https://www.economist.com/by-invitation/2021/08/18/francis-fukuyama-on-the-end-of-amer ican-hegemony.

Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, CA : University of California Press, 1991.

Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. Introduction. Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events // New Waves of Revolutions in the 21st Century – Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes / ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham : Springer, 2022a (in print).

Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. The Phenomenon and Theories of Revolution // New Waves of Revolutions in the 21st Century – Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes / ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham : Springer, 2022b (in print).

Grinin L. New Foundations of International System or Why do States Lose Their Sovereignty in the Age of Globalization? // Journal of Globalization Studies. 2012. Vol. 3(1). Pp. 3–38.

Grinin L. On Revolutionary Situations, Stages of Revolution, and Some other Aspects of the Theory of Revolution // New Waves of Revolutions in the 21st Century – Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes / ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham : Springer, 2022 (in print).

Grinin L., Grinin A. Revolutionary Waves and Lines of the 20th Century // New Waves of Revolutions in the 21st Century – Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes / ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham : Springer, 2022 (in print).

Grinin L., Korotayev A. Seven Weaknesses of the U.S., Donald Trump, and the Future of American Hegemony // World Futures: The Journal of New Paradigm Research. 2020. No. 77(1). Pp. 23–54. DOI: 10.1080/02604027.2020.1801309.

Mandelbaum M. The Case for Goliath: How America Acts as the World's Government in the 21st Century. New York : Public Affairs, 2005.

NIC – National Intelligence Council. Global Trends 2030: Alternative Worlds. Washington, DC: National Intelligence Council. 2012. URL: http://www.dni.gov/index.php/about/organization/global-trends-2030.

The Wall Street Journal (SShA): Energeticheskiy mazokhizm Zapada [The Wall Street Journal (USA): The Energetic Masochism of the West] : InoSMI. 2021. October 20. URL: https://inosmi.ru/politic/20211020/250738058.html.

Tilly C. Revolutions and Collective Violence // Handbook of Political Science / ed. by F. Greenstein, N. Polsby. Reading, MA : Addison-Wesley, 1975. Pp. 483–555.

Tilly C. From Mobilization to Revolution. Reading, MA : Addison-Wesley, 1978.

КОНФЛИКТНОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Любичева Е. В., Бахтуридзе З. З., Суркова Е. А.*

Статья посвящена теме дегуманизации, утрате концептов, которые должны были быть вечными. Рассматривается феномен языка, который пронизывает все области интеракции и незримо присутствует в системе человеческих ценностей, поэтому все в языке имеет смысл. Во многих странах ведется борьба за сохранение родного языка, так как это и есть сохранение народного опыта, системы ценностей, норм поведения. Вместе с тем через язык происходит манипуляция массовым сознанием, которой необходимо противостоять.

Ключевые слова: *язык, культура, слово, глобализация, полицентричность мира, свобода.*

CONFLICT OF LANGUAGE WORLDVIEWS IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

The article is devoted to the topic of dehumanization, the loss of concepts that should be eternal. The considered phenomenon of language penetrates all areas of interaction and is invisibly present in the system of human values, thus, everything in the language makes sense. In many countries, a struggle is going on to preserve native languages and this is precisely the preservation of national experience, value systems, and norms of behavior. At the same time, one should resist the manipulation of mass consciousness that takes place through language.

Keywords: *language, culture, word, globalization, polycentricity of the world, freedom.*

Разные языки – это отнюдь не различные
обозначения одной и той же вещи, а разные видения ее.
В. фон Гумбольдт

* Любичева Елена Вячеславовна – д. п. н., профессор Педиатрической академии. E-mail: lubicheva-elena@yandex.ru.

Lyubicheva, Elena V. – Doctor of Pedagogy, Professor of the Pediatric Academy. E-mail: lubicheva-elena@yandex.ru.

Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна – д. полит. н., профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. E-mail: zeinabb1000@list.ru.

Bakhturidze, Zeinab Z. – Doctor of Political Science, Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. E-mail: zeinabb1000@list.ru.

Суркова Екатерина Александровна – к. п. н., учитель английского языка школы № 356, г. Санкт-Петербург.

Surkova, Ekaterina A. – Candidate of pedagogic sciences, English-language teacher, school No. 356.

Что получится, если мы все будем смотреть
на мир глазами англоязычных народов?

С. Тер-Минасова

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток,
и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей
на Страшный господень суд.

Р. Киплинг

Из далекой мглы веков Библия с помощью образов-символов рассказывает нам легенду о строительстве Вавилонской башни: «На всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с Востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там… И сказали они: “Построим себе город и башню, высотою до небес; и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли”. И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать. Сойдем же, и смешаем там язык их, так чтобы они не понимали речи другого…» (Бытие 11: 1–9).

Глубинный и поистине общечеловеческий смысл этой истории: не было единства и взаимопонимания (заметим: само название «Вавилон» означало на древнееврейском языке «процесс смешения»). К сожалению, со времени построения Вавилонской башни в памяти народа стирались и детали плавания Ноя, «строителя человеческого корабля жизни», и подробности всечеловеческой катастрофы – Всемирного потопа, и запрет Бога проливать человеческую кровь.

Увы, необходимость единства, мира и взаимопонимания остается проблемой, неразрешенной по сей день. История нас не учит.

Время, в которое мы живем, – это эпоха смуты, конфликтов и глобальных катастроф. Бесконтрольный материализм не способен установить мир ни внутри, ни снаружи. Цепь актов агрессии и эксплуатации вызвала крушение мира. А как известно, насилие порождает насилие. По мнению В. Маркова, «бездуховность, смыслоутраты, крушение идеалов, отчуждение людей друг от друга и человека от самого себя – апокалипсические приметы времени… Повсюду “хаос шевелится”… Дискредитирована и сама идея человека» [Марков 1994: 280]. За столь короткое время изменилась и культура, особенно на Западе. Жажда разрушения – вот первое, что бросается в глаза, когда мы приступаем к анализу и оценке массового поведения. Демонстративно разрушаются все традиционные ценности, нравственные нормы, общечеловеческие идеалы, которые складывались внутри человеческого рода еще до возникновения религии.

Двойные стандарты, моральное нищенство на Западе привели закон полярности в действие: с одной стороны, материальное благополучие и процветание, с другой – ослабление связей с традиционной культурой. Бесстыдная эксплуатация благородных идей демократии, свободы мысли, выражения, вероисповедания привела к извращению многих понятий, которые должны оставаться вечными и неуязвимыми.

Вне всяких сомнений, мы живем в быстро меняющемся мире. Глобализация вместе с положительными последствиями, среди которых можно обозначить становление глобального гражданского общества и формирование глобального информационного общества, привнесла и негативные последствия, в частности – концентрацию капитала в наиболее развитых странах, возможность воздействовать на экономику любой страны, «макдональдизацию мира», появление «власти сетей».

Ситуация осложняется еще и тем, что «важнейшей сферой геополитического противоборства в XXI столетии становится культурно-цивилизационная среда и духовная сфера» [Ивашов 2012: 31], а бесконечные попытки европеизации мира со стремлением к стиранию границ, привнесением европейских ценностей как единственно правильных привели к однозначному усилению самой важной цели – «не отгородившись от остального мира, сохранить свою самобытность» [Васильева, Лагутина 2011: 101].

Мир полицентричен, а «каждая из цивилизаций, будь то Запад, Россия, мусульманский мир или Китай, играет свою роль и развивается в общецивилизованном потоке самостоятельно, своим путем, не отказываясь от своих, только им присущих ценностей» [Кортунов 2009: 542].

Стремление одного из центров, в частности Запада, достичь господства над другими создает серьезную угрозу, ведь «покушение на многогранность мира – посягательство на законы мироздания» [Там же: 542–543].

Само слово «демократия» в своем первоначальном значении – «власть народа», следовательно, правительство должно быть «народным». И тем не менее сегодня мы видим, что большинство стран, по сути дела, являются «демонократиями» (Н. Шривастава). Ими правят люди, которые ориентированы или на деньги, или на власть. А где же народ – главная составляющая этого понятия? Возможно, народ безмолвствует, народ поддается внушениям и манипуляциям, освобождая себя от ответственности, превращаясь в послушную, управляемую, ведомую психологическую толпу. Тот самый феномен «человека-массы», о котором писал Серж Московичи, отмечая, что в психологической толпе уровень человеческой общности стремится к низшему уровню ее членов. Так, демократия проявляется не как власть народа, а как власть над ним посредством превращения его в массу.

Особо отметим, что слово «демократия» (ср.: фр. – *demokratie*; нем. – *demokratie*; англ. – *democracy*), как и другие политические термины, своим происхождением обязано греческому языку, так как именно в Греции (а также в Италии – на родине древнего латинского) зародились основные принципы устройства государства, основанные на признании народа источником власти, его гражданских прав и свобод, а также в установлении высших этических норм и понятий: истина, любовь, красота, добро, вера, свобода…

Семантика слова «истина» сложна, она «развернута во времени». Этимологически «то, что соответствует действительности», «нечто подлинное», «нечто настоящее», «правда», «верность», «законность» (Срезновский); произв. от *истый* – «тот же самый», «подлинный», «действительный», «настоящий» [Черных 1993:

360], восходит к значению, которое истолковывается через «один», «один» приводит нас к антониму «другой», и от него мы вновь приходим к истине. Истина прослеживается в древнегреческом языке, где корень имел значение «скрывать, таить»; а приставка могла употребляться в двух значениях: «нескрытое», «явное», «чрезвычайно сокрытое, потаенное» [Лукин 1993: 80–81]. Во всех толковых словарях современного русского языка слово «истина» определяется как то, что существует в действительности и соответствует ей. С точки зрения культурной коннотации истина существует независимо от нас, ее надо отыскать, и истина выступает как факт сознания, видение мира. В русской философской мысли – это идея всеединства (В. Соловьев) и человекобожия через борьбу восточного Логоса против западного *ratio*. Одним из этапов философии всеединства (В. Соловьев, Е. Трубецкой, С. Булгаков, И. Флоренский и др.) было создание концепции богочеловечества, где цель творения – соединение творца с сотворенным, воплощение божественного всеединства чувственного рационального и духовного. «Воплощение божественного Логоса в лице Иисуса Христа есть явление нового духовного человека, второго Адама», это «индивидуальное существо, но вместе с тем и универсальное, обнимающее собою все возрожденное духовное человечество» [Соловьев 1901–1903: 151]. «Сближение и взаимопроникновение божественного и природного начал, “свободное подчинение” низших начал – рационального и материального – высшему божественному, приводящее к их единству в Богочеловеке – это форма явления истины» [Лукин 1993: 84]. Истина – правда, справедливость; ложь – неправда, лицемерие… Истина есть истина, ложь есть ложь. Истинные ценности: Не убий! Не укради! Не сотвори себе кумира! Чти отца твоего и матерь твою! Не лжесвидетельствуй!..

Религиозный фундаментализм и фанатизм на сегодняшний день стали угрозой миру и спокойствию на Земле. Идет борьба за исключительность той или иной религии. Но вместе с тем все великие философы, пророки, святые никогда не говорили ни о какой исключительной религии. Например, Конфуций ставил на первое место вопросы человечности и гуманизма, китайский мыслитель Лао-цзы говорил о тонком (духовном) плане человеческого существа, пророк Заратустра – о добродетелях, целостности и единстве, Мохаммед Сахиб говорил об Аврааме, Моисее, Христе, о Матери Христа с великим почтением и никогда не проповедовал ислам как исключительную религию (ислам означает: «Я отдаюсь на волю Бога Всемогущего»). Все религии сохранили философию единства, любовь к ближнему. Провозглашение какой-либо страны исламской, или христианской, или иудейской находится в полном противоречии с концепцией равенства.

В таких триадах, как «истина, добро, красота» или «вера, надежда, любовь», испокон веков воплощалась идея высших духовных ценностей человека. К сожалению, сегодня многие понятия, являющиеся духовными и нравственными опорами человечеству, очень произвольно интерпретируются или искажаются. Где хаос, там разрушены основные законы общежития – законы морали. Произошла подмена слов «свобода вероисповедания» словами «свобода совести». Но если совесть свободна, то ее вроде бы и нет. Должна быть совесть, а не свобода от нее.

Идея свободы в современном мире – это отказ от мудрости и праведности. Но свобода не является синонимом «вседозволенности».

Первоначально слово «свобода» во всех языках связывалось с принадлежностью к своему роду, племени, народности. Ср.: др.-нем. *swaba* – «швабы» – народ; гот. *sibja* – «род», «родня», «клан»; др.-инд. *sabha* – «общество», «собрание» [Черных 1993: 148], англ. – др.-англ. *freodom*, от *freo* – «дорогой», «возлюбленный», «друг», и употреблялось по отношению к свободным членам клана [Online…].

Современное значение в русском языке – это «отсутствие политического и экономического гнета», «возможность жить и мыслить без давления с чьей-либо стороны», «воля» [Черных 1993: 148].

В современном английском языке слово *freedom* толкуется как «право действовать, говорить и думать, как хочет человек», «отсутствие подчинения иностранному господству или деспотичному правительству», «право на самоопределение, связанное с волей», «свойство быть независимым от судьбы или необходимости» [Lexico].

Совесть – «чувство нравственной ответственности за свое поведение перед людьми и обществом, появилось в др.-рус. языке в XI веке в значении “разумение”, “понимание”, “знание”, “согласие”, “чистота”. В переводных греческих памятниках – “сознание”, “совместное знание” (узнаю вместе с кем-л.)» [Черных 1993: 184].

В английском языке слово *conscience* имеет значение «моральное чувство правильного и неправильного, рассматриваемое как руководство к поведению человека». Рядом с понятием «совесть» стоят «чувство правильного», «моральное чувство», «внутренний голос», «мораль», «стандарты», «ценности», «принципы», «этика», «кредо», «раскаяние, сожаление» и т. д.

В среднеанглийском – в значении «внутренние мысли или знания» – слово произошло от латинского *conscientia*, от *conscient* – «быть причастным к», от глагола *conscire*, от *con* – ‘с’ +*scire* – «знать» [Lexico].

Нравственность (антоним – безнравственность) – это «правила, определяющие поведение; духовные и душевные качества, необходимые человеку в обществе, а также выполнение этих правил, поведение» [Ожегов 1972: 384]. Этимологически «нрав» – «характер», «психические свойства», «привычки», «особенности поведения, связанные с характером». Др.-рус. – «стремление», «желание», «доблесть», «добродетель», «обычай», «образ действия» (ст.-слав. «норов») [Черных 1993: 580].

По словарю В. И. Даля, «нравственность» (или «духовный») – антоним к «суетный» – телесный, плотский. А «нравственный» – это духовный или душевный. Ум и нрав слитно образуют дух. К нраву относятся (как понятия подчиненные): воля, любовь, милосердие и пр. Согласный союз нрава и ума (то есть единства души), сердца и думки – образует стройность, совершенство духа [Даль 1998: 1448–1449]. К нравственному В. И. Даль относит добро и зло: «Христианская вера заключает в себе правила самой высокой нравственности», – пишет он и так раскрывает этот постулат: «Нравственность веры нашей выше нравственности

гражданской» – вторая «требует только строгого исполнения законов», первая же «ставит судьею совесть и Бога» [Даль 1998: 1449]. Следовательно, нравственность и совестливость – синонимы.

В английском языке близкими по значению к русскому понятию «нравственность» являются понятия *morals, ethic, rectitude*. При этом *morals* определяется как «стандарты (нормы) поведения», «принципы правильного и неправильного»; под *ethic* понимается «набор моральных принципов, особенно по отношению к выделенной группе людей, области деятельности или форме поведения»; *rectitude* означает «правильное с точки зрения морали поведение или мышление; праведность, добродетельность» [Lexico].

Глубокие нравственные требования наставляют нас противостоять внешним неблагоприятным условиям, потому что «нравственное – всегда экологичное. Как, впрочем, и наоборот: экологичное – всегда нравственное, оно несет добро для всех и служит всем» [Скворцов 1994: 102].

Слова, несомненно, имеют силу. «Благородство», «мужество», «честь», «правда», «совесть», «добродетель», «любовь», «долг», «забота», «милосердие» воздействуют исцеляюще, а антиморальная семантика, например, слова: «зло», «жестокость», «ложь», «низость», разрушительны для души. Признавая тот факт, что слова обладают мощным воздействием на душу, сложно не согласиться с тем, о чем писал в статье «О том, что такое слово» (1844 г.) Н. В. Гоголь: «Обращаться со словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку».

Совесть сегодня немощна (особенно у западных политиков), и поэтому идет манипуляция понятиями и фактами. Какое может быть доверие людей друг к другу при такой лукавой замене имен? Какое экономическое процветание может быть в условиях конфликтов и недоверия?

Язык – это «дом бытия» (М. Хайдеггер); посредник между индивидами и между человеком и миром, то есть всечеловеческий инструментарий; язык есть «проявление духа народов» (В. Гумбольдт). Так, российскими исследователями выдвинута гипотеза о том, что «значительная часть важнейших современных международных и внутриполитических проблем имеет лингвистическую подоплеку, и все политические процессы имеют лингвистическое отражение» [Ягья 2009: 14].

Действительно, язык – не только средство мышления и общения, но и универсальная моделирующая система, формирующая специфические черты мировидения и миропонимания. В нем – духовный потенциал народа, его история, традиции, эволюционный ресурс, его быт и бытие. Язык незримо присутствует в нашей системе ценностей и жизненных установок, он выступает как своеобразная операциональная система для наших мысли и поведения. Все это определяет понятие «национальный языковой менталитет». По В. В. Колесову, «менталитет в своих признаках есть наивно целостная картина мира в ее ценностных ориентирах, существующая длительное время, независимо от конкретных экономических и политических условий, основанная на этнических предрасположениях и исторических традициях; проявляется в чувстве, разуме и воле каждого отдельного члена общества на основе *общности языка и воспитания и представляет собой часть*

народной духовной культуры (выделено нами), которая создает этноментальное пространство народа на данной территории его существования» [Колесов 2004: 11]. В лексической и грамматический семантике нет ничего случайного, то есть в языке все имеет смысл: «Содержание всякой культуры может быть выражено с помощью ее языка, и не существует таких элементов языкового материала, ни содержательных, ни формальных, которые не символизировали бы никакого реального значения, каково бы ни было к этому отношение тех, кто принадлежит к другим культурам» [Сепир 1993: 226]. Здесь можно говорить об «этноцентрическом способе отношения к миру, этноцентрической реакции на мир, имеющих главным образом языковую природу» [Радбиль 2011: 55].

Сигналы языкового мира выражены в словах-концептах, в лексике, фразеологии, в пословицах, поговорках, крылатых словах и выражениях, вариантах многозначного слова, коннотациях, сказках, речевом этикете, текстовых показателях и др.

Различие содержания культурных концептов можно наблюдать, например, при сравнении русского концепта «дружба» и английского «friendship» [Wierzbicka 1997]. Те, кого мы называем друзьями, – не просто знакомые нам люди, с которыми мы общаемся в силу обстоятельств и нашей с ними совместной деятельности (учебы, работы и т. д.), и даже не те, чьи интересы и увлечения совпадают с нашими. Это прежде всего люди, близкие нам по духу, те, которым мы доверяем свои мысли и чувства, к которым мы можем обратиться за советом и помощью. Английское “friend” имеет гораздо более широкое значение и толкуется как «человек, с которым кого-то связывает взаимная симпатия», а также «знакомый», «не враг», «не противник» [Lexico]. Нужно отметить, однако, что значение русского слова «друг» нивелируется в контексте использования его в социальных сетях; зачастую у пользователя социальной сети может быть несколько сотен «друзей», с большинством из которых он, возможно, не общается даже виртуально, не говоря уже о личном общении. Здесь мы наблюдаем столкновение менталитетов, которое выражается во взвешенном отношении к подобной ситуации и в понимании того, что «друг» виртуальный – это не то же самое, что «настоящий друг».

Фразеология любого языка хранит в себе как представления о традиционном укладе жизни народа, так и многовековую народную мудрость. Имеется сходство в значениях русских и английских пословиц, поговорок и фразеологических оборотов (ср., например: «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда» и «No pains, no gains»). В то же время другие фразеологические единицы отражают различия в психологии народов. Так, например, выражение «душа болит» невозможно перевести на английский дословно. Русской душе соответствует английское «сердце» (heart). Поэтому эквивалентом русскому выражению «душа болит» являются английские «one’s heart is aching», «an ache in one’sheart» [*Ibid.*].

Отдельным аспектом для сравнения является анализ этнокультурной специфики речевой деятельности, например, сравнительно-сопоставительный анализ этикетных норм речевого и неречевого поведения носителей русского и английского языков. Вопросы эквивалентности и уместности формул приветствия, прощания, выражения благодарности, поздравления, сочувствия и других речевых

функций невозможно решить без понимания особенностей принципов вежливости, имеющих культурно-специфичное проявление.

В. фон Гумбольдт считал, что «через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия. Язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа» [Гумбольдт 1985: 349]. Эти слова сегодня звучат особенно актуально. Идеи Гумбольдта мы находим в работах И. И. Срезневского, А. А. Потебни, Э. Сепира, Б. Уорфа, Р. Ладо и других языковедов.

Описание языковых картин мира, их изучение – это прежде всего «осознание самих себя, своих языков, своего видения мира не в меньшей степени, а, может быть, в большей степени, чем знакомство с другими языковыми культурами» [Монакин 1993: 79]. Это осознание «единства различий» на всех ступенях языковых отношений: от близкородственных языковых единств до единства «ноосферического», где существует «только один человеческий язык над всеми широтами, единый по своему существу» [Виндриес 1937: 217]. Единство различий языковых структур и языковых картин мира существует в двух основных сферах: в сфере микросоциума (непосредственно данного языкового коллектива) и в сфере макросоциума, то есть в пределах космического информационного поля – на уровне ноосферы. В общей концепции В. И. Вернадского именно языку на уровне макросоциума отводится значительная роль в создании новой формы биогеохимической энергии, «энергии, которую можно назвать энергией человеческой культуры, или культурной биогеохимической энергией» [Вернадский 1991: 126].

Под всеобщим человеческим языком следует понимать единый когнитивно-семантический континуум (поле Разума), который выступает организующей силой содержательной стороны всех языков и знаний о мире, хранящихся и передаваемых невербальным путем. Этот континуум растворен в квантах единого информационного поля, которые «являются организующей, управляющей вакуумной основой наблюдаемого вещественного энергетического мира (содержательным смыслом пси-функции в квантовой теории)» [Татур 1991: 18]. А. Е. Акимов и Г. И. Шилов назвали этот вакуум «торсионным полем кручения»; «полем сознания». В психологии о о рассмотрении роли идеальной формы в процессе развития личности писали: Л. С. Выготский (поле культуры), Б. С. Кузин, А. Г. Гуревич (поле духовности), М. М. Бахтин (поле хронотопа), В. В. Налимов, Ж. В. Дрогалина (семантическая вселенная), В. И. Вернадский (ноосфера) и др. Таким образом, в самой семантике языка заложена информация, признаком которой служит сам факт вычленения словом того или иного фрагмента видимого или невидимого мира; на индивидуально-речевом уровне семантика слова, локализованная микросоциумом, осложняется культурной и личностной семантической информацией, или смыслом, который и может приводить к непониманию и конфликтам как на межнациональном, так и на межличностном уровне.

Создатель мира наделил людей здравым смыслом, но увы…

Смыслообразующая матрица сегодня изменилась: остались агрессия, подмена ценностей, двойные стандарты… Современное время выстраивает свой «интерьер смыслов»: конкуренция, борьба, гонка вооружений, информационные войны, перекраивание политической карты мира.

Тревожащим фактом является усиление внутреннего давления на наиболее слабые государства, которое может привести к росту числа несостоявшихся или исчезнувших государств. Весьма велика угроза того, что на их месте появятся самоуправляемые нестабильные территории. Подобное развитие ситуации может привести к асимметричным противостояниям, когда конфликты будут разворачиваться между государствами и различными негосударственными участниками международного общения, в том числе и внесистемными акторами, не подчиняющимися принципам международного права, играющими вне правил.

Политический дискурс, существующий в международной сфере на современном этапе, отражает сложную систему «международной коммуникации, которая в большинстве случаев носит конфликтно-конфронтационный характер» [Абраменко 2015: 295]. Отчасти причина этого кроется в разнородности субъектов международных отношений, приводящей к возникновению асимметричной политической коммуникации. В такого рода отношениях «один из субъектов коммуникации может обладать ресурсно-силовой мощью и статусом, а другой – идеологическим и структурным преимуществом. Таким образом, у сторон формируются разные несовпадающие потенциалы превосходства» [Там же: 296]. У каждой из сторон есть преимущества и слабости, более того, в современном динамично меняющемся мире количество переменных (преимуществ и слабостей) может увеличиваться с удивительной скоростью, что приводит к непредсказуемому результату противостояния.

Меняется и общественное сознание: «…размываются оценочные корреляты хорошо-плохо, структурирующие наш опыт и превращающие наши действия в поступки…» [Баранов 1990: 167].

Например, отношение к семье. Семья как социальный институт формирует личность человека, обеспечивает его первичную социализацию, транслирует ценности культуры. Семейный уклад и семейные отношения тесно связаны с этическими, нравственными и мировоззренческими представлениями. В русской и английской культурах понятие «семья» имеет общее значение: семья воспринимается как группа близких родственников, живущих вместе. Как для русской, так и для английской культуры отмечается уважительное отношение к старшему поколению, важность поддержки членов своей семьи, заботы о них, воспитательная функция семьи. В английской культуре большое значение уделяется понятиям «род», «предки», «родословная» и подчеркивается важность именно кровных уз, в то время как для русской имеет значение не только кровное родство, но и родство, связанное с обрядом крещения (крестная мать, крестный отец), а также родство духовное, побратимство.

В современном обществе происходят изменения, затрагивающие традиционные представления о семье. Так, в западноевропейских культурах наблюдается трансформация, а зачастую – разрушение представлений о традиционном семей-

ном укладе и семейных отношениях, о роли отца и матери, взаимоотношениях между старшими и младшими членами семьи, тем самым искажаются или исчезают фундаментальные семейные ценности. Показательно, что новые представления о семье закрепляются в словарных статьях лингвистических словарей: например, толковый словарь американского варианта английского языка *Merriam-Webster Dictionary* указывает на то, что семья может быть традиционной (двое родителей, воспитывающие своих детей), а может представлять «различные социальные объединения, отличающиеся от традиционной семьи, но считающиеся эквивалентными ей» [Merriam-Webster…].

Различные системы ценностей, иногда весьма противоречащие друг другу, предлагают совершенно непохожие картины мира, каждая из которых считается единственно верной. Особенно это касается западной модели, которую позиционируют в качестве эталона, образца для подражания, желанного результата развития любой цивилизации.

Запад – это далеко не весь мир. Возникает закономерный вопрос, каким образом девиз европейцев, гласящий «In varietate concordia» («Согласие в многообразии») может быть реализован в дихотомии «Восток – Запад», где моральный кодекс, нормы культуры и духовные ценности служат определенным водоразделом, порождая совершенно различные способы взаимодействия [Любичева и др. 2019: 130]. Кризис западной политики мультикультурализма со всей очевидностью продемонстрировал пагубность наивных ожиданий европеизации культур, корни которых – в глубине веков.

Семантические континуумы каждого языка отражают, с одной стороны, основную информацию общечеловеческой когнитивно-семантической сферы, с другой – информацию когнитивно-семантической сферы национального языка, национального видения мира.

Множественность «миров», «картин мира», «систем отсчета»…

Единой картины мира не существует, хотя и намечаются программы «синтезов». Но об опасности глобализации предупреждал К. Ясперс: «Объединение людей земного шара привело к процессу нивелирования, на который мы взираем с ужасом. Всеобщим сегодня всегда становится поверхностное, ничтожное и безразличное… Одежда повсюду одинакова. Одни и те же манеры, танцы, одинаковый спорт, одинаковые модные выражения; месиво, составленное из понятий Просвещения, англосаксонского позитивизма и теологической традиции, господствует на всем земном шаре» [Ясперс 1991: 335–336]. Добавим: различные стороны экономической, политической, военной, социальной и культурной жизни различных этносов, государств развиваются неравномерно. Поэтому «высокоразвитые» страны начинают доминировать и навязывать другим государствам свои «ценности».

Между тем именно в потенциально слабых государствах находятся значительные запасы природных ресурсов, которые необходимы экономикам развитых государств. Количество конфликтов за обладание и удержание подобных ресурсов постоянно увеличивается. Коль скоро международная безопасность определяется способностью мирового сообщества предвидеть и своевременно осуществ-

лять назревшие перемены, возникает извечный вопрос: что делать? Ответ лежит на поверхности. Необходимо вернуться на круги своя. Первый шаг – это самооценка своих действий и поступков, своего образа жизни и ее цели как на уровне отдельной личности, так и в масштабах нации и государства.

Выбор у нас один: или мы переходим на духовный уровень развития, возрождаем ценностные ориентации, следуем этическому и нравственному кодексу, или, «если у человечества не достанет воли и разума найти согласованные решения, то, будучи саморегулирующейся системой, жизнь (биосфера) сама все поставит на свои места» [Чумаков 2008: 94]. Но остается открытым вопрос: если действия человечества окажутся столь деструктивными, будет ли ему место в этой новой системе?

Новшества в языке и речи неизбежны, а вот отношение к ним зависит от многих причин. Во-первых, ни один язык не содержит исчерпывающим образом культуры человечества, а изучение многих языков должно служить украшению и укреплению родного языка. Во-вторых, надо говорить и писать по совести и требовать этого от других. И, в-третьих, следует изменить отношение к языку, чтобы он стал действительно свободным, действительно правдивым и действительно могучим. И нельзя забывать, что «языки возникли не по произволу и не по договору, но вышли из тайников человеческой природы» [Гумбольдт 1984: 324]. Родной язык – это прежде всего феномен культуры и ее транслятор, инструмент формирования мысли и внутренней речи, средство в достижении понимания человека человеком и величайший учитель, начиная с колыбельной песни, народной сказки до великих творений художественного творчества – школ духовности и человечности.

Термином «мировой язык», который возник в конце 90-х гг. прошлого века, можно обозначить социально-лингвистическое явление, отражающее тенденции ряда языков (английского, французского, русского) к стремлению выполнения максимального количества общественных функций в интернациональном масштабе.

Широкое распространение русского языка в зарубежных странах, укрепление его позиций в системе просвещения и образования многих государств, превращение его в один из важнейших языков международной коммуникации привлекает пристальное внимание лингвистов, социологов, культурологов, политологов и т. п. и является задачей первостепенной государственной важности.

По мнению В. С. Библера, вне культуры – истории культуры, диалога культур (осуществляемом в нашем сознании и разуме) религия – не духовность, а удобное идеологическое заклятие. Заклятие, могущее стать роковым для последних лет социальной, политической, умственной, эмоциональной и, в конце концов, духовной жизни.

Мы живем в обществе, раздираемом политическими, национальными, социальными, религиозными противоречиями. Важно помочь людям найти общий язык, понять друг друга, выйти из эйфории национального и культурного эгоцентризма, в котором сейчас хочется искать самоутверждения.

Габриэль Маркес, Эрих Фромм разработали дихотомию «иметь и быть». Данные глаголы – два универсальных подхода к жизни; равновесие их создает норму, потеря равновесия – кризис. Западная цивилизация пошла в сторону «иметь» (вещи, ресурсы, информацию…) и падения качества бытия. Бездуховность приводит к бунту.

Китайская идея вечного Дао, распадающегося на инь и ян. Инь перекликается с «быть»; ян – рационально, ближе к «иметь». Инь и ян не столько противостоят друг другу, сколько дополняют: мужчина и женщина вместе создают семью.

И в заключение. Историю можно созерцать с разных сторон и в разных аспектах. Один из самых плодотворных – взгляд на историю как прогресс нравственно-духовных задач, как постепенное расширение рамок солидарности, взаимопонимания, сотрудничества, содействия, соучастия.

На пространстве мировой политики и международных отношений остается открытым вопрос о том, будет ли найден баланс между глобализацией и национальной идентичностью. Что касается нашей страны, «она должна вновь осмыслить себя в категориях планетарного масштаба, исторического предназначения и цивилизационной роли», так как «выживание Отечества и дальнейшее развитие российского общества в новых условиях транснационального, глобального и демократического мира, достоинство личности и безопасность семьи, национальная безопасность, состыкованные с региональной и всеобщей, – это и есть ядро становления нового мировоззрения» [Кортунов 2008: 11].

Сейчас сотрудничество и взаимопонимание на глобальном уровне представляются необходимыми. Опорой становятся концепты, нравственные постулаты, система табу, поэтому необходим диалог, который позволит понять друг друга, диалог вероисповеданий и культур.

При этом следует понять, что великие религии, философские гуманистические учения – это разные языки духовного опыта, а в различии языков – богатство мира. Тогда не нужно будет исправлять, насаждать, а просто принимать это разнообразие как совершенно естественное. И человек будет прокладывать свой личный путь в общем поле культур и религий, ведь чтобы сохранить и углубить единство мира, необходимо разрушить не вероисповедания и культуры, а стены между ними. Это решение не одного дня, но начать его реализацию необходимо уже сейчас.

Литература

Абраменко А. В. Речевые стратегии конфликта в асимметричной политической коммуникации (по материалам российско-грузинского конфликта 2008 г.) // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 294–304.

Баранов А. Н. Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания // Язык и социальное познание. М. : Центральный совет методологических семинаров при Президиуме АН СССР, 1990. С. 166–177.

Васильева Н. А. Лагутина М. Л. Философские вопросы науки о мировой политике. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2011.

Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление. М. : Наука, 1991.

Виндриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М. : Соцэкгиз, 1937.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984.

Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М. : Прогресс, 1985.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М. : Цитадель, 1998. С. 1448–1449.

Ивашов Л. Г. Глобальный мир стремится к биполярности // Геополитика и безопасность. 2012. № 1(17). С. 28–33.

Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2004.

Кортунов С. В. Проблемы национальной идентичности России в условиях глобализации. М. : МНФ, 2008.

Кортунов С. В. Национальная идентичность. Постижение смысла. М. : Аспект Пресс, 2009.

Лукин В. А. Концепт истины и слово «истина» в русском языке. Опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 63–86.

Любичева Е. В., Бахтуридзе З. З., Суркова Е. А. По направлению к поликультурному языковому образованию // Сборник трудов VII Международной научно-практической конференции «Русский язык в современном Китае». Чита, 2019. С. 129–133.

Марков В. Мир. Символ. Метафора (Модальная антология). Рига : Латвийская академия наук, Ин-т философии и социологии, 1994.

Монакин В. И. Языковые картины мира в перспективах контрастивной лингвистики // Язык и культура. Вторая международная конференция. Доклады. Киев, 1993. С. 77–83.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Советская энциклопедия, 1972.

Радбиль Т. Б. О концепции изучения русского языкового менталитета // Русский язык в школе. 2011. № 3. С. 54–60.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Прогресс, 1993.

Скворцов Л. И. Язык, культура и нравственность // Русский язык в школе. 1994. № 2. С. 100–106.

Соловьев В. С. Собр. соч. Т. I–IX. Т. 3. СПб. : Общественная польза, 1901–1903.

Татур В. Ю. Ноосфера. Ноосфера и человечество // Труды семинара «Человек за ноосферу». М. : ИНТО, Объединение «Человек за ноосферу», 1991.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М. : Русский язык, 1993.

Чумаков А. Н. Современный мир: на пороге фундаментальных трансформаций // Век глобализации. 2008. № 2. С. 88–94.

Ягья В. С. Лингвистическое измерение мировой политики. СПб. : СПбГУ, 2009.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. : Политическая литература, 1991.

Lexico [Электронный ресурс]. URL: https://en.oxforddictionaries.com (дата обращения: 21.07.2021).

Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/family (дата обращения: 24.07.2021).

Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: https://www.etymonline.com (дата обращения: 12.07.2021).

Wierzbicka A. Understanding Cultures Through Their Key Words. English, Russian, Polish, German and Japanese. New York, Oxford : Oxford University Press, 1997.

References

Vasil'eva N. A. Lagutina M. L. Filosofskie voprosy nauki o mirovoj politike [Philosophical Questions of the Science About the World Politics]. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2011.

Vernadskij V. I. Nauchnaya mysl' kak planetarnoe yavlenie [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Moscow : Nauka, 1991.

Vindries Zh. Yazyk. Lingvisticheskoe vvedenie v istoriyu [A Linguistic Introduction to History]. Moscow : Sotsegiz, 1937.

Humboldt W. von. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu [Selected Works on Linguistics]. Moscow : Progress, 1984.

Humboldt W. von. Yazyk i filosofiya kul'tury [Language and Philosophy of Culture]. Moscow : Progress, 1985.

Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]: in 4 Vol. Vol. 2. Moscow : Tsitadel, 1998. Pp. 1448–1449.

Ivashov L. G. Global'nyj mir stremitsya k bipolyarnosti [The Global World Strives for Bipolarity] // Geopolitika i bezopasnost'. 2012. No. 1(17). Pp. 28–33.

Kolesov V. V. Yazyk i mental'nost' [Language and Mentality]. St. Petersburg : Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004.

Kortunov S. V. Problemy natsional'noj identichnosti Rossii v usloviyah globalizatsii [Problems of Russia's National Identity in the Context of Globalization]. Moscow : MNF, 2008.

Kortunov S. V. Natsional'naya identichnost'. Postizhenie smysla [National Identity. Comprehension of the Meaning]. Moscow : Aspekt Press, 2009.

Lukin V. A. Kontsept istiny i slovo “istina” v russkom yazyke. Opyt kontseptual'nogo analiza ratsional'nogo i irratsional'nogo v yazyke [The Concept of Truth and the Word Truth in Russian Language. Experience of Conceptual Analysis of Rational and Irrational in Language] // Voprosy yazykoznaniya. 1993. No. 4. Pp. 63–86.

Lyubicheva E. V., Bahturidze Z. Z., Surkova E. A. Po napravleniyu k polikul'turnomu yazykovomu obrazovaniyu [Towards Multicultural Language Education] // Sbornik trudov VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii “Russkij yazyk v sovremennom Kitae”. Chita, 2019. Pp. 129–133.

Markov V. Mir. Simvol. Metafora (Modal'naya antologiya) [Peace. Symbol. Metaphor (Modal Anthology)]. Riga : FSI LU, 1994.

Monakin V. I. Yazykovye kartiny mira v perspektivah kontrastivnoj lingvistiki [Linguistic Pictures of the World in the Perspectives of Contrastive Linguistics] // Yazyk i kul'tura. Vtoraya mezhdunarodnaya konferentsiya. Doklady. Kiev, 1993. Pp. 77–83.

Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian Language]. Moscow : Sovetskaya entsiklopedia, 1972.

Radbil' T. B. O kontseptsii izucheniya russkogo yazykovogo mentaliteta [On the Concept of Studying the Russian Language Mentality] // Russkij yazyk v shkole. 2011. No. 3. Pp. 54–60.

Sepir E. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii [Selected Works on Linguistics and Cultural Studies]. Moscow : Progress, 1993.

Skvorcov L. I. Yazyk, kul'tura i nravstvennost' [Language, Culture and Morality] // Russkij yazyk v shkole. 1994. No. 2. Pp. 100–106.

Solov'ev V. S. Sobr. soch. [Collected Works]. Vol. I–IX. Vol. 3. St. Petersburg, 1901–1903.

Tatur V. Yu. Noosfera. Noosfera i chelovechestvo [Noosphere. Noosphere and the Humanity] // Trudy seminara “Chelovek za noosferu”. Moscow : INTO, Ob’edinenie “Chelovek za noosferu”, 1991.

Chernyh P. Ya. Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]: in 2 vols. Moscow : Russkij yazyk, 1999.

Chumakov A. N. Sovremennyj mir: na poroge fundamental'nyh transformatsij [The Modern World: On the Verge of Fundamental Transformations] // Vek globalizatsii. 2008. No. 2. Pp. 88–94.

Yag'ya V. S. Lingvisticheskoe izmerenie mirovoj politiki [The Linguistic Dimension of the World Politics]. St. Petersburg : SPbGU, 2009.

Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii [The Meaning and Purpose of History]. Moscow : Politicheskaya literatura, 1991.

Lexico. URL: https://en.oxforddictionaries.com (accessed: 21.07.2021).

Merriam-Webster Dictionary. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/family (accessed: 24.07.2021).

Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com (accessed: 12.07.2021).

Wierzbicka, A. Understanding Cultures Through Their Key Words. English, Russian, Polish, German and Japanese. New York; Oxford : Oxford University Press, 1997.

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ТРИГГЕР ПЕРЕХОДА К ЭКОЛОГИЧЕСКОМУ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВУ*

Юдина Т. Н., Алешковский И. А., Балашов А. М.**

Статья посвящена актуальнейшим проблемам экологической глобализации, экологизму, которые встали на повестку дня в связи с возрастающими размерами загрязнения окружающей среды, приводящими к несовместимости с экологическими возможностями биосферы. Авторы рассматривают некоторые модели глобализации и экологического предпринимательства. Особое внимание уделяется анализу экологической ситуации в Китае и деятельности китайского предпринимательства в сфере экологии. Исследовано экологическое предпринимательство РФ. Осуществлен анализ экологических программ ряда компаний в связи с введением Евросоюзом углеродного налога. Предлагаются отдельные меры по переходу российских компаний на зеленые технологии.

Ключевые слова: *экологическая глобализация, зеленые инвестиции, экологизация хозяйственной деятельности, экологическое предпринимательство, декарбонизация, экологическое воспитание работников компаний, экологизм.*

ENVIRONMENTAL GLOBALIZATION AS A TRIGGER FOR THE TRANSITION TO ENVIRONMENTAL BUSINESS

The article is devoted to the most urgent problems of ecological globalization, ecology, which have come up on the agenda due to the increasing environmental

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 19-010-00809.

** Юдина Тамара Николаевна – д. э. н., доцент, с. н. с. факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: orchidflower@list.ru.

Yudina, Tamara N. – Doctor of Economic Sciences, Senior Research Fellow at the Faculty of Global Processes at Lomonosov Moscow State University. E-mail: orchidflower@list.ru.

Алешковский Иван Андреевич – к. э. н., доцент, заместитель декана факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: aleshkovski@yandex.ru.

Aleshkovski, Ivan A. – Candidate of Economic Sciences, Deputy Dean of the Faculty of Global Processes at Lomonosov Moscow State University. E-mail: aleshkovski@yandex.ru.

Балашов Алексей Михайлович – к. э. н., доцент Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: Ltha1@yandex.ru.

Balashov, Alexey M. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State Pedagogical University. E-mail: Ltha1@yandex.ru.

pollution, leading to incompatibility with the ecological capabilities of the biosphere. The authors consider some models of globalization and environmental entrepreneurship. The most acute ecological situation in China and the activities of the Chinese entrepreneurship in the field of ecology are analyzed in sufficient detail. Environmental entrepreneurship has also been studied by the example of the Russian Federation. The analysis of environmental programs of some companies in connection with introduction by the European Union of a carbon tax has been carried out. Some measures are proposed for the transition of Russian companies to "green" technologies.

Keywords: *environmental globalization, "green" investments, greening of economic activities, environmental entrepreneurship, decarbonization, environmental education of company employees, environmentalism.*

Введение

Колоссальные масштабы разрушительной деятельности человека по загрязнению окружающей среды привели к несовместимости дальнейшего удовлетворения потребностей людей и экологических возможностей биосферы. Усилились экологические угрозы для глобальной и национальных экономик. По оценкам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), средний удельный вес влияния экологических факторов на состояние здоровья населения составляет от 17 до 20 % [Global Health… 2013]. Для безопасного и комфортного существования современного человека необходимо основание новой парадигмы, требующей более гуманного отношения к природе. Хотя современный уровень технологий не позволяет отказаться от использования традиционных энергоносителей, возможны повышение их эффективности и переход к декарбонизации и водородной энергетике. Только снижение углеродоемкости ВВП, декарбонизация энергосистем с целью резкого уменьшения выбросов углекислого газа может стать решением вопроса стабилизации климата.

В экологизации хозяйственной деятельности огромная роль принадлежит не только государствам, но и предпринимательству, которое обязано освоить технологии эффективного использования энергии, вкладывать средства в восстановление лесов, снижение выбросов парниковых газов, переработку и утилизацию отходов, организацию безопасной деятельности на нефтепромыслах. Предпринимательство должно научиться принимать решения как по экологическим вопросам, так и по проблемам нового ведения бизнеса. В условиях глобальной экономики роль расстояний сокращается, оперативность принятия решений в первую очередь зависит от того, насколько быстро была получена необходимая информация, независимо от того, в какой точке земного шара она возникла [Нуреев 2018: 71–72]. Управление компаниями невозможно без опоры на инновационную политику государства и устойчивую финансовую систему. Так, РФ в глобальном инновационном индексе заняла в 2020 г. всего лишь 47-е место [Global Innovation… 2020].

Негативное воздействие на экологию в настоящее время происходит в большинстве стран мира. Еще во второй половине XX в. экологические проблемы стали одними из основных среди глобальных проблем современности. В связи с этим в 1968 г. по инициативе А. Печчеи был создан Римский клуб, ставший

международной неправительственной организацией для поиска решения актуальных глобальных проблем, в том числе и экологических. Ее идеологией стал экологизм. В состав Римского клуба вошли видные общественные и политические деятели, которые поставили представителей политических, общественных и деловых кругов перед необходимостью обратить серьезное внимание на глобальные проблемы [Чумаков, Штарк 2019: 46]. Одной из важнейших является проблема изменения климата. В связи с актуальностью данного вопроса была подписана Рамочная конвенция ООН об изменении климата.

Взаимозависимость национальных экономик способствовала глобализации, превращению мирового хозяйства в единый глобализирующийся рынок товаров и услуг. Проявляется глобализация экономики в увеличении информационных обменов, движении капиталов, в усилении кооперации компаний, в экологической глобализации в связи с экологическим предпринимательством.

Необходимость обеспечения устойчивого развития государств обозначена в Повестке дня ООН на период до 2030 г. Однако сегодня, несмотря на острую необходимость в координации действий стран, в том числе в области экологии, наблюдается кризис институтов глобализации, основанной на американской глобальной монополярности. Американская монополия превратила инвестиционные институты в хрематистическую виртуальную систему, где главной задачей стало извлечение ресурсов из реального сектора экономики и инвестирование их в виртуальные финансовые инструменты. Рассуждая о глобализации, американский философ Н. Хомский отмечал, что она является результатом действий влиятельных государств (особенно США), «которые вбивают торговые и прочие соглашения в глотку народам мира, чтобы корпорациям и богачам было легче господствовать в экономике самых разных стран» [Chomsky 2011: 8].

Все больше общественных деятелей и ученых склоняются к мысли, что в мире должна утвердиться новая модель глобализации, основанная на многосторонности. Критерием успеха стран станет не столько стремление к высоким темпам экономического роста, сколько возможность перехода к моделям устойчивого развития, где огромное внимание уделено экологической глобализации.

В начале XXI в. многие ученые поняли необходимость экологической глобализации в связи с экологическим предпринимательством [González J., González O. 2006]. Исследователи стали уделять пристальное внимание формированию экологического подхода к управлению кадрами [Jaramillo *et al.* 2018]. Многие ученые пришли к выводу, что природоохранная деятельность положительно влияет на производственные показатели предприятий [Pham *et al.* 2019]. Поэтому и компании в странах ЕС и США стали вовлекать сотрудников в природоохранную деятельность и прививать им зеленые компетенции, которые расширяют их представления об экологии планеты и ее проблемах [Zhao *et al.* 2014]. Необходимым условием перехода к более эффективной экологической политике считается постоянное внедрение технологических инноваций бизнесом [Lifset, Graedel 2002].

Предметом исследования является экологическая глобализация в связи с экологическим предпринимательством, а также возможность и необходимость предотвращения экологических угроз, наносимых бизнесом природе, и стимули-

рование его на защиту окружающей среды. Цель настоящей статьи заключается в выработке новой концепции системных изменений, необходимых для перехода к новой модели экологической глобализации, экологической ответственности и инновационной деятельности компаний, в совершенствовании их инструментов природоохранной политики. Гипотеза исследования состоит в том, что экологическое воспитание населения и работников компаний, формирование у них зеленых компетенций и зеленое управление «экологизируют» рядовых работников в интересах бизнеса и общества в целом.

Методологической основой работы являются междисциплинарность, институциональный метод на макро-, мега- и глобальном уровнях, эволюционный, контекстуальный метод, анализ и синтез, группировка и сравнение.

Формирование новых моделей глобализации и деятельность экологического предпринимательства

Современная мирохозяйственная система – весьма сложный, противоречивый организм. Он развивается в условиях одновременной глобализации и регионализации, сетевизации и информатизации, цифровизации и виртуализации [Yudina 2021: 29]. Несогласие с американской монополией на управление глобальной экономикой способствует появлению новых моделей глобализации. Неустойчивость мировой экономики и экологические риски стимулировали формирование новых приоритетов и моделей экономики [Бобылев и др. 2021: 154]. Так, в Китае инициатива «Один пояс – один путь» является конкретным шагом к системе глобального управления, которая была воспринята обществом как глобализация по-китайски. В XXI в. страна стала активно овладевать курсом «выход в мир». Старые индустриальные центры начали внедрять инновационные заимствованные передовые технологии.

Ставилась задача экспорта продукции на рынки развитых стран, однако качество китайских изделий не соответствовало требованиям данных государств. В связи с этим понадобилось сотрудничество с индустриальными соседями: Южной Кореей, Сингапуром, Тайванем и др. В основу взаимодействия с Россией был положен принцип по «совместному обсуждению, строительству и использованию». Стратегическое партнерство с РФ осуществляется в разных направлениях, в том числе эколого-инновационных.

В результате эффективной политики по «выходу в мир» страна стала одним из лидеров научно-технологической и экологической революции, а к 2025 г. должна превратиться из мировой фабрики в «планетарную лабораторию». Здесь постоянно увеличиваются объемы инвестиций в научные исследования, создана и специальная программа привлечения иностранных IT-специалистов.

Нельзя не отметить, что за последние 40 лет реформ КНР переживала усиленное промышленное развитие, требовавшее не менее 6 % прироста ВВП в год. Поэтому были построены трубопроводы, буровые установки, нефтедобывающие платформы, загрязнявшие пространство. В результате во многих провинциях ухудшилась экологическая ситуация. В настоящее время решение природоохранных проблем входит в число приоритетов китайского правительства, создание

экологической цивилизации положено в основу государственной политики. На большинстве территорий проводятся природоохранные мероприятия, намечены меры по оптимизации энерго- и водосбережения. Страна сокращает объемы использования каменного угля. Осуществляются программы по становлению зеленой экономики. Группа китайских бизнесменов для финансирования экологических проектов создала «Зеленый фонд Шелкового пути» с капиталом 30 млрд юаней [Салицкий, Семенова 2016: 3].

Внесенные в 2015 г. поправки в экологическое законодательство способствовали тому, что при ведении бизнеса стала приниматься во внимание экологическая деятельность и была сформирована система наказания за загрязнения. Некоторые компании начали по примеру западных партнеров формировать у работников зеленые компетенции, которые дают положительные результаты и способствуют увеличению выручки предприятий. В КНР постоянно осуществляется мониторинг состояния окружающей среды и поощряется переход бизнеса на низкоуглеродные технологии.

Китай одним из первых проходит путь создания таких моделей борьбы с загрязнением, как «зеленый интернет+», интернет экологически безопасных вещей, экологический менеджмент. С 2018 г. в КНР начал функционировать закон «О налоге на охрану окружающей среды», по которому бизнес обязан платить налог за загрязнение атмосферы и воды. В рамках Парижского соглашения Китай принял на себя обязательство остановить рост выбросов парниковых газов к 2030 г. Однако законы о защите окружающей природы плохо скоординированы в огромной стране с большим разнообразием региональных особенностей. И хотя осуществляется восстановление лесов, Китай остается еще в значительной степени аграрным государством, расширяющим площадь пахотных земель за счет уничтожения лесов. В то же время в стране, несмотря на «выход в мир», цифровизацию экономики, экологическую ответственность бизнеса, продолжает существовать, по западным оценкам, недемократический режим. Профессор МГУ А. А. Аузан подчеркивает, что КНР сформировала предложение цифрового тоталитарного государственного контракта, где персональные данные присваиваются государством [Аузан 2021: 205]. Властям помогает существование в стране сильной идеологии КПК, разделяемой большинством населения, что повышает сплоченность общества.

Руководство страны занимается и воспитанием экологически образованного и сознательного населения. Несмотря на то, что в Китае покупка предметов роскоши является индикатором успеха, руководители государства пропагандируют традиционную культуру, основанную на институтах Конфуция, проповедующую единство человека и природы. И в этом китайская и российская этики сопрягаются.

Для западной цивилизации свойственно более рациональное отношение к природе. Широко должны быть проинформированы правительства государств, общественность о знаковой практике очистки вод Великих озер в США. Главным инструментом этого проекта стало стимулирование предпринимателей не загрязнять водное пространство Великих озер Северной Америки. Этот «пряник» поощрения за высокие результаты экологического предпринимательства зачастую работает лучше, чем «кнут» наказания за загрязнение окружающей среды.

В некоторых странах экологическая глобализация и внедрение экологических инноваций предпринимательством осложняются политическими и экономическими проблемами. Например, в Бразилии высокие ставки банковского кредита негативно влияют на готовность бизнеса инвестировать в новые технологии. Реализовать экологический бизнес-проект в Бразилии сложно. Только в 2004 г. правительство приняло закон об инновациях, разрешающий получение субсидий инновационными компаниями и заключение ими контрактов на исследовательские проекты с университетами, но научные работники не вовлечены в коммерческую деятельность. В связи с этим объем инвестиций в инновации в стране небольшой, он не превышает 4 % от общего объема кредитов.

В то же время экологическая политика правительства Бразилии стала объектом резкой критики. В бразильской Амазонии, обладающей огромными природными ресурсами, были поставлены антирекорды по крупным пожарам, спровоцированным вырубкой лесов. Только в 2019 г. здесь было зарегистрировано около 90 тыс. возгораний, то есть на 30 % больше по сравнению с 2018 г. [Безерра 2020: 99]. Неэффективная политика борьбы с пожарами характеризует и РФ, где каждый год выгорает огромное количество лесных массивов.

В 2021 г. полыхает природный заповедник в Якутии, пожары долгое время не прекращались в Челябинской области и Карелии. Здесь требуются системные охранные меры для предотвращения возгораний, возвращение качественного института лесников. Президент В. В. Путин отметил беспрецедентный масштаб природных бедствий в РФ в 2021 г.

Тогда как в Колумбии и Коста-Рике осуществляется эффективная природоохранная политика: здесь значительные изменения в природоохранном законодательстве привели не только к отсутствию пожаров, но и к сокращению вырубки лесов и увеличению лесных посадок [Barbier *et al.* 2020: 215].

Российская экологическая политика и деятельность предпринимательства

В Указе Президента РФ 2021 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» подчеркивается, что современный мир переживает период трансформации. Происходящее увеличение центров мирового экономического и политического развития, укрепление позиций новых глобальных и региональных стран-лидеров приводят к изменению структуры мирового порядка [Указ…].

Одной из региональных стран-лидеров является Россия, крупный капитал которой вписался в глобальную экономику, осуществляет деятельность во многих странах мира и пытается создавать хотя бы видимость экологической ответственности, без чего невозможно поддерживать положительный имидж на Западе, где инвесторы пристально контролируют ESG-рейтинги компаний. Так, в июне 2019 г. ПАО «Норникель» представила ежегодный отчет об устойчивом развитии за 2018 г. В нем были показаны значительные достижения ПАО в сфере экологии, охраны труда, модернизации производства.

Из отчета следовало, что «Норникель» является лидером в сфере экологической и социальной ответственности среди предприятий российской горно-ме-

таллургической промышленности. По данным отчета, сумма вложений «Норникеля» в Норильском районе в экологические проекты до 2023 г. составит 2,5 млрд долларов [Гасумянов 2019: 41]. ПАО «Норникель» при реализации инвестиционных проектов активно сотрудничает с правительством Мурманской области по сохранению экологических систем и природных ландшафтов Кольского полуострова.

Однако все благие экологические намерения «Норникеля» были перечеркнуты в мае 2020 г., когда под Норильском произошел разлив свыше 21 000 тонн нефтепродуктов, виновником которого являлась компания, входящая в «Норникель». Ущерб экологии Росприроднадзор оценил в 148 млрд руб. [Котова 2020]. Это рекордная сумма экологического ущерба для российского бизнеса, который компания долгое время не торопилась покрывать и возместила только в середине лета 2021 г.

Крупная российская компания ПАО «Роснефть» стала первой в стране, установившей долгосрочные цели по предотвращению абсолютных выбросов. Зеленые инвестиции «Роснефти» за последние 3 года составили примерно 120 млрд руб. [«Роснефть»… 2021: 72]. Ведь, по оценкам Минэкономразвития, после введения Евросоюзом углеродного налога в 2023 г. российские компании будут терять в год 7,6 млрд долларов [Лейбин, Лавренков 2021: 80]. В связи с этим «Роснефть» наметила крупную экологическую программу, в которую в течение 5 лет вложит более 300 млрд руб. [«Роснефть»… 2021: 72]. Для сокращения выбросов на нефтедобывающих объектах компания изменяет структуру производства в пользу более экологически чистых продуктов.

«Роснефть» пытается также улучшить свои экологические показатели за счет зеленых методов кадровой политики и формирования у работников зеленых компетенций. Как показало исследование, зеленое управление «экологизирует» рядовых сотрудников в интересах бизнеса и окружающей среды, что идет на пользу и обществу в целом. Огромную роль играет повышение экологической грамотности персонала за счет зеленого обучения.

В современном глобальном мире произошла переоценка ценностей, обусловленная модификацией моделей экономического развития, главным направлением которой стала необходимость экологизации и цифровизации бизнеса. В связи с этим должна меняться структура фирмы. У некоторых компаний и стран появляется возможность занять новые ниши на рынках. В российском бизнесе назрела необходимость перехода к новому качеству экспорта продукции, что позволит увеличить его на порядок. Для этой цели следует использовать возможности торгпредств в стране пребывания, которые должны превратиться в полноценные центры компетенций, где сотрудники собирают все лучшее и транслируют в РФ.

В настоящее время большинство стран мира в связи с кризисом и COVID-19 видоизменяют цепочки поставок, формируется спрос на зеленый водород. Это может стать шансом для российских компаний по превращению в лидера на рынке экспорта водорода, что возможно только при согласованных действиях власти и предпринимательства.

Государство не должно оставаться в стороне от низкоуглеродной трансформации, оно обязано создать институты поддержки, помогать компаниям и форми-

ровать собственную систему регулирования выбросов ПГ для повышения конкурентоспособности экономики. Ведомства, связанные с экологией, должны провести в РФ национальный бенчмаркинг удельных выбросов парниковых газов для выявления потребности в кардинальных изменениях. Федеральные органы исполнительной власти обязаны наметить меры по стимулированию спроса на водородную энергию. Российской Федерации необходима гармонизация промышленной и экологической политики, которая диктует отход от существующей модели «экономики спроса», ограниченной внутренним низким потреблением и подпитываемой нефтью. Эта модель не стимулирует предпринимательство в его деятельности по созданию прорывных качеств новых товаров. Необходимо осуществить переход на новую модель социально-экономического развития, предполагающую формирование персонализированных отношений между потребителем и производителем, суть которых будет заключаться в выполнении производителем конкретных заказов каждого отдельного потребителя без производства избыточной продукции [Алешковский, Бондаренко 2021: 79–80].

Конкурентным преимуществом компании в условиях экологической глобализации являются информационные технологии, они позволяют ей снижать транзакционные издержки, сокращать время на поиск клиентов. С ростом социальных сетей полезность их использования, как правило, не уменьшается, а увеличивается. Растет и плотность контактов [Нуреев, Сурхаев 2021: 8]. Для успеха инновационных экологических проектов необходим структурированный подход к анализу большого количества информации, что позволит компаниям сокращать затраты за счет снижения материало- и энергоемкости. Вместе с тем формирование новых моделей бизнеса в РФ сегодня затруднено из-за долларoцентричной модели развития.

Заключение

В современном мире запрос на экологически сбалансированное инновационно-экономическое развитие является основным трендом, сформировавшимся вследствие глобальных экологических угроз, таких как изменение климата, пожары, наводнения, усиливающаяся деградация геосистем. «Четырьмя всадниками Апокалипсиса», которые в настоящее время угрожают человечеству, назвал Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш геополитическую напряженность; климатические изменения; охватившую мир пандемию коронавируса, когда человечество столкнулось с эпохальным кризисом в области здравоохранения; глобальное недоверие.

Для решения большинства глобальных проблем необходимо устойчивое развитие государств, инновационная политика экологического предпринимательства способна кардинальным образом изменить производство. И здесь уместно привести высказывание отечественного философа А. Н. Чумакова: «…будущее и мира в целом, и России в частности зависит от того, насколько адекватно мы будем реагировать на вызовы современности, сумеем ли эффективно использовать преимущества, которые предоставляет нам наука и ее новейшие достижения» [Чумаков 2019: 46]. Экологические инновации играют все более значимую роль для конкурентоспособности компаний. Они открывают новые рыночные возможно-

сти ввиду растущего спроса на экологичную продукцию и способны повысить результативность бизнеса. Предпринимательство должно внедрять инновационные практики и технологии, сокращать выбросы, рационально пользоваться природными ресурсами и приучать к этому персонал. Гипотеза исследования, состоящая в том, что формирование у работников зеленых компетенций влияет на показатели работы компаний, нашла частичное подтверждение, хотя в РФ это направление представлено только крупными компаниями, а в Китае оно лишь формируется. Без стимулов частной деловой инициативы ни одно государство не сможет обеспечить экологическую безопасность страны и цифровизацию экономики, без этого оно не добьется лидирующих позиций в высокотехнологичном секторе в период, когда назрела необходимость перехода к новой, более гуманной модели экологической глобализации, борьбе с изменениями климата, безопасности населения. В рамках реализации стратегии устойчивого развития важнейшая роль государств должна заключаться в формировании новой, адекватной технологиям XXI в. среды человеческого бытия. Это – единственно возможный вариант реализации эволюционного перехода на траекторию устойчивого развития человечества.

Литература

Алешковский И. А., Бондаренко В. М. К вопросу о выборе новой парадигмы глобального развития // Россия и современный мир. 2021. № 2. С. 71–85.

Аузан А. А. Глобальные институциональные последствия коронакризиса // Журнал новой экономической ассоциации. 2021. № 1(49). С. 204–208.

Безерра М. Окружающая среда и национальный суверенитет – Бразилия под угрозами // Международная жизнь. 2020. № 10. С. 98–111.

Бобылев С. Н., Кирюшин П. А., Кошкина Н. Р. Новые приоритеты для экономики и зеленое финансирование // Экономическое возрождение России. 2021. № 1(67). С. 152–166.

Гасумянов В. Интеграция целей устойчивого развития ООН через государственно-частное партнерство: опыт «Норникеля» // Международная жизнь. 2019. № 9. С. 38–45.

Котова Ю. «Норникель» оспорил рекордную оценку ущерба от аварии в Норильске. 2020. URL: https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/404635-nornikel-osporil-rekordnuyu-ocenku-ushcherba-ot-avarii-v-norilske?utm_medium=email&utm_source=UniSender&utm_campaign=236454082 (дата обращения: 29.05.2021).

Лейбин В., Лавренков Н. Жара, смерчи и наука о климате // Эксперт. 2021. № 31–34. С. 80–85.

Нуреев Р. М. Цифровая экономика: на пороге четвертой промышленной революции // Теоретическая экономика. 2018. № 6. С. 70–73.

Нуреев Р. М., Сурхаев И. Д. Цифровизация экономики: новая роль социальных сетей // Теоретическая экономика. 2021. Т. 13. № 2. С. 6–26.

«Роснефть» презентовала концепцию экологического развития // Международная жизнь. 2021. № 3. С. 72–75.

Салицкий А. И., Семенова Н. К. Россия и Евразийский проект Китая // Азия и Африка сегодня. 2016. № 7. С. 2–10.

Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://e.mail.ru/attachment/16255162220221952147/0;1?x-email=balashova_i_a%40mail.ru.

Чумаков А. Н. Особенности образования в области глобалистики: актуальные проблемы // Век глобализации. 2019. № 2. С. 38–48.

Чумаков А. Н., Штарк Л. П. Римский клуб: к итогам полувековой деятельности // Век глобализации. 2019. № 4. С. 40–49.

Barbier E. B., Lozano R., Rodriguez C. M., Troeng S. Adopt a Carbon Tax to Protect Tropical Forests // Nature. 2020. No. 578(7794). Pp. 213–216. DOI: 10.1038/ d41586-020-00324-w.

Chomsky N. Profit Over People: Neoliberalism and the Global Order. New York : Seven Stories Press, 2011.

González J., González O. A Review of Determinant Factors of Environmental Proactivity. Business Strategy and the Environment. 2006. No. 15(2). Pp. 87–102.

Global Innovation Index 2020 Who Will Finance Innovation? [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2020.pdf (дата обращения: 22.07.2021).

Global Health Observatory Data Repository // World Health Organization. 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://apps.who.int/go/data/node.main.56?lang=en (дата обращения: 20.03.2021).

Jaramillo J. Á., Sossa J. W. Z., Mendoza G. L. O. Barriers to Sustainability for Small and Medium Enterprises in the Framework of Sustainable Development – Literature Review. Business Strategy and the Environment. 2018. No. 28(4). Pp. 512–524 [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.1002/bse.2261 (дата обращения: 22.05.2020).

Lifset R., Graedel T. E. Industrial Ecology: Goals and Definitions // A Handbook of Industrial Ecology / ed. by R. U. Ayres, L. W. Ayres. Cheltenham : Edward Elgar Publishing. 2002 [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.4337/9781843765479.0000 (дата обращения: 26.06.2020).

Pham N. T., Tučková Z., Jabbour C. J. C. Greening the Hospitality Industry: How do Green Human Resource Management Practices Influence Organizational Citizenship Behavior in Hotels. Tourism Management. 2019. No. 72. Pp. 386–399 [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.1016/j.tourman.2018.12.008 (дата обращения: 02.08.2021).

Yudina T. N. Russia-China Economic Cooperation and the Building of a Community of Shurred Future in Northeast Asia // Journal of Northeast Asian Studies. 2021. No. 2. Pp. 28–33.

Zhao H. H., Gao Q., Wu Y. P., Wang Y., Zhu X. D. What Affects Green Consumer Behavior in China? A Case Study From Qingdao. Journal of Cleaner Production. 2014. No. 63. Pp. 143–151 [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.1016/j.jclepro (дата обращения: 29.12.2020).

References

Aleshkovskiy I. A., Bondarenko V. M. K voprosu o vybore novoj paradigmy global'nogo razvitija [Towards a New Global Development Paradigm] // Rossiya i sovremennyy mir. 2021. No. 2. Pp. 71–85.

Auzan A. A. Globalnie institutsionalnie posledstviya koronakrizisa [Global Institutional Consequences of Coronavirus] // Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii. 2021. No. 1(49). Pp. 204–208.

Bezerra M. Okruzhayuschaya sreda i natsionalnyj suverenitet – Braziliya pod ugrozami [Environment and National Sovereignty – Brazil under Threats] // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2020. No. 10. Pp. 98–111.

Bobylev S. N., Kiryushin P. A., Koshkina N. R. Novye prioritety dlya ekonomiki i zelenoe finansirovanie [New Priorities for the Economisc and the Green Funding] // Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii. 2021. No. 1(67). Pp. 152–166.

Gasumyanov V. Integratsiya tselej ustojchivogo razvitiya OON cherez gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: opyt "Nornikelya" [Integration of the UN Sustainable Development Goals Through Public-Private Partnership: The Experience of "Norilsk Nickel"] // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2019. No. 9. Pp. 38–45.

Kotova Yu. "Nornikel" osporil rekordnuyu otsenku ushcherba ot avarii v Noril'ske [Norilsk Nickel Contested Record Assessment of Damage from Accident in Norilsk]. 2020. URL: https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/404635-nornikel-osporil-rekordnuyu-ocenku-ushcherba-ot-avarii-v-norilske?utm_medium=email&utm_source=UniSender&utm_campaign=236454082 (accessed: 29.05.2021).

Leibin V., Lavrenkov N. Zhara, smerch i nauka o klimate [Heat, Tornadoes and Climate Science] // Expert. 2021. No. 31–34. Pp. 80–85.

Nureev R. M. Tsifrovaya ekonomika: na poroge chetvertoj promyshlennoj revolyutsii [The Digital Economy: On the Verge of the Fourth Industrial Revolution] // Teoreticheskaya ekonomika. 2018. No. 6. Pp. 70–73.

Nureev R. M., Surkhaev A. D. Tsifrovizatsiya ekonomiki: novaya rol' sotsialnyh setey [Digitalization of the Economy: The New Role of Social Networking] // Teoreticheskaya ekonomika. 2021. Vol. 13. No. 2. Pp. 6–26.

"Rosneft" prezentovala kontseptsiyu ekologicheskogo razvitiya ["Rosneft" Presented the Concept of Environmental Development] // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2021. No. 3. Pp. 72–75.

Salitsky A. I., Semenova N. K. Rossiya i Evrazijskij proekt Kitaya [Russia and the Eurasian Project of China] // Aziya i Afrika segodnya. 2016. No. 7. Pp. 2–10.

Ukaz Prezidenta RF ot 2 iyulya 2021 g. No. 400 «O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii» [Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation"]. URL: https://e.mail.ru/attachment/16255162220221952147/0;1?x-email=balashova_i_a%40mail.ru.

Chumakov A. N. Osobennosti obrazovaniya v oblasti globalistiki: aktualnye problemy [Features of Education in the Field of Global Studies: Current Problems] // Vek globalizatsii. 2019. No. 2. Pp. 38–48.

Chumakov A. N., Shtark L. P. Rimskij klub: k itogam poluvekovoj deyatelnosti [The Club of Rome: At the End of Half a Century's Activity] // Vek globalizatsii. 2019. No. 4. Pp. 40–49.

Barbier E. B., Lozano R., Rodriguez C. M., Troeng S. Adopt a Carbon Tax to Protect Tropical Forests // Nature. 2020. No. 578 (7794). Pp. 213–216. DOI: 10.1038/ d41586-020-00324-w.

Chomsky N. Profit Over People: Neoliberalism and the Global Order. New York : Seven Stories Press, 2011.

González J., González O. A Review of Determinant Factors of Environmental Proactivity. Business Strategy and the Environment. 2006. No. 15(2). Pp. 87–102.

Global Innovation Index 2020 Who Will Finance Innovation? URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2020.pdf (accessed: 22.07.2021).

Global Health Observatory Data Repository // World Health Organization. 2013. URL: http://apps.who.int/go/data/node.main.56?lang=en (accessed: 20.03.2021).

Jaramillo J. Á., Sossa J. W. Z., Mendoza G. L. O. Barriers to Sustainability for Small and Medium Enterprises in the Framework of Sustainable Development – Literature Review. Business Strategy and the Environment. 2018. No. 28(4). Pp. 512–524. URL: https://doi.org/10.1002/bse.2261 (accessed: 22.05.2020).

Lifset R., Graedel T. E. Industrial Ecology: Goals and Definitions // A Handbook of Industrial Ecology / ed. by R. U. Ayres, L. W. Ayres. Cheltenham : Edward Elgar Publishing. 2002. URL: https://doi.org/10.4337/9781843765479.0000 (accessed: 26.06.2020).

Pham N. T., Tučková Z., Jabbour C. J. C. Greening the Hospitality Industry: How do Green Human Resource Management Practices Influence Organizational Citizenship Behavior in Hotels. Tourism Management. 2019. No. 72. Pp. 386–399. URL: https://doi.org/10.1016/j.tourman.2018.12.008 (accessed: 02.08.2021).

Yudina T. N. Russia-China Economic Cooperation and the Building of a Community of Shurred Future in Northeast Asia // Journal of Northeast Asian Studies. 2021. No. 2. Pp. 28–33.

Zhao H. H., Gao Q., Wu Y. P., Wang Y., Zhu X. D. What Affects Green Consumer Behavior in China? A Case Study From Qingdao. Journal of Cleaner Production. 2014. No. 63. Pp. 143–151. URL: https://doi.org/10.1016/j.jclepro (accessed: 29.12.2020).

COVID-19 КАК НЕГАТИВНЫЙ «СТАРТАП» РАСКОЛА ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

Пунченко О. П.*

В статье исследуется новый подход к становлению глобализации на территории Европы. Раскрывается «геометрия» мышления современных западных теоретиков глобализации. Проанализировано «достраивание» содержания концепта «глобализация», отображающее форму движения мысли глобалистов. COVID-19 раскрыт как глобальный гео-, био-, социальный «квант», негативно воздействующий на все сферы социокультурного бытия человечества. Понятие кванта использовано для объяснения сущности глобальных макрообъектов и мегасдвигов в системе общественного производства. Установлено, что COVID-19 как природный патоген внес в ритм социальной жизни раскол, хаос, который перерос в социальный страх, что резко осложняет проблему самоорганизации общественного развития.

Ключевые слова: *глобализация, «геометрия» мышления, «достраивание», пандемия, социальный «квант», хаос, социальный страх, политика, экономика, финансы.*

COVID-19 AS A NEGATIVE STARTUP OF THE SPLIT OF THE GLOBALIZING WORLD

The article examines a new approach to the establishment of globalization in Europe. The "geometry" of thinking of modern Western theorists of globalization is revealed. The article analyzes the "completion" of the content of the notion "globalization", which reflects the direction of globalist thought. COVID-19 is revealed as a global social "quantum" of negative impact on all spheres of socio-cultural life. The concept of "quantum" is used to explain the essence of global macro-objects and mega-shifts in the system of social production. The author argues that COVID-19 as a natural pathogen has split and chaos into the rhythm of social life which have developed into social fear, which sharply complicates the self-organization of social development.

Keywords: *globalization, "geometry of thinking", "completion", pandemic, social "quantum", chaos, social fear, politics, economy, finance.*

1. Колесо глобализации XX – начала XXI в.

В структуре современного научного знания среди множества конструктов, характеризующих различные стороны бытия социума, особое место принадлежит

* Пунченко Олег Петрович – д. ф. н., профессор кафедры стандартизации, оценки соответствия и образовательных измерений Одесской государственной академии технического регулирования и качества. E-mail: olegpetr02.09@gmail.com.

Pounchenko, Oleg P. – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Standardization, Conformity Assessment and Educational Measurements, Odessa State Academy of Technical Regulation and Quality. E-mail: olegpetr02.09@gmail.com.

исследованию содержания и обоснованию сущности концепта «глобализация». Этот концепт в философской и научной литературе начал широко использоваться лишь во второй половине XX в. и стал фактически одним из стереотипов мышления современности.

Когда концепт «глобализация» был введен в научный оборот, то задача исследователей прежде всего сводилась к поиску и выработке наиболее оптимального определения глобализации, к эксплицитному выражению того, что в содержании этого концепта заложено имплицитно. Ведь глобализация «без конкретизации – это концепт, – отмечает Ф. Фернандес-Арместро, – в существовании которого можно сомневаться» [Фернандес-Арместро 2009: 40], и если до 90-х гг. XX в. содержание этого концепта не было отражено в зарубежных и отечественных словарях и энциклопедиях, то это означает, что данный концепт отсутствовал в научном информационном обороте.

Глобализация как социальная реальность возникла не в стороне от столбовой дороги цивилизационного развития человечества. В конце XX в. она конкретизировала свое новое содержание, но ее истоки необходимо искать в других предыдущих формах, связанных с устремлением развитых стран в борьбе за рынки сбыта, источники сырья, использованием дешевой рабочей силы, что стало важнейшими источниками прибылей монополий сильных стран и привело к становлению колоний. Следующей формой выступил неоколониализм как система неравноправных не только экономических, но и политических отношений, навязываемых сильными государствами слабым, как форма косвенного контроля над ними с использованием политического, экономического (санкций) и военного давления. Эти этапы в истории человечества в современной глобалистике часто обозначают как протоглобализацию, ведя отсчет от завоеваний Колумба. Эта точка отсчета принадлежит Х. Дж. Маккиндеру, который писал еще в 1904 г., что «отныне же в послеколумбовую эпоху нам придется иметь дело с замкнутой системой, и вполне возможно, что будет система глобального масштаба» [Маккиндер 2003]. Фактически это был первый теоретический конструкт будущего глобального мира.

Анализ протоглобализации и глобализационных процессов современности подтверждает мысль А. Н. Чумакова, что глобализация – это «закономерный естественно-исторический процесс становления планетарных структур, связей и отношений в различных сферах общественной жизни» [Чумаков 2020: 6].

Исследователь глобализации Д. Родрик в работе «Парадокс глобализации» [Родрик 2014: 22–23] утверждает, что крах, видимо, протоглобализации, начался еще в 1914 г. и сейчас ожидается новый крах глобализации, связанный с борьбой за рынки сбыта. Если в 1914 г. причиной краха явился сбой экономических связей, то сегодня эта причина не сошла с повестки дня. Но этот год еще и начало Первой мировой войны, где главной причиной была борьба за передел уже поделенного мира, и естественно, за рынки сбыта. Это экономический аспект краха протоглобализации, а военные действия, связанные с политическим аспектом – доминированием над Европой, Германия проиграла. К этому же времени начинает развертываться борьба народов против колониализма и неоколониализма, а поскольку, как выше было отмечено, это составляющие протоглобализации, то в 1914 г.

закладываются основы ее краха. И сводить крах глобализации в 1914 г. к экономическим проблемам – это узко.

Но стрелу направленности глобализации XX в. лучше всего анализировать с работы В. И. Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы» (1915 г.). Дело в том, что Германия осознала свое военное бессилие стать главной державой Европы. Развертывая военные походы, она часто терпела поражения: Ледовое побоище в России 1242 г.; Грюнвальское поражение 1410 г.; внутренние войны XVI–XVII вв. не укрепили единство Германии, а наоборот, усилили децентрализацию страны; что же касается XX в., то он для Германии – особенный. Страна развязала Первую и Вторую мировые войны и обе проиграла.

Но проигрыш во Второй мировой войне оказался для Германии своеобразным подарком от союзников – США, Великобритании и Франции. Дело в том, что в 1946 г. У. Черчилль разделил мир «железным занавесом» на две системы – капитализма и социализма (в этом году исполняется 75 лет его фултонской речи). С декабря 1946 г. в самом центре Европы создается государственное образование – Бизония. Это территориальное объединение британской и американской оккупационных зон, которое рассматривалось как форпост на границе с лагерем социализма. Но ни Франция, ни Италия функцию форпоста вначале на себя не взяли. Тем не менее в 1948 г. к Бизонии присоединилась область, контролируемая Францией, и Бизония превратилась в Тризонию. 7 сентября 1949 г. она ушла в историю, уступив место ФРГ. Таким образом Бизония и Тризония как два организованных после Второй мировой войны образования стали искрами глобализационного развития Европы.

Западные страны и США возложили задачи противостояния социализму на ФРГ и стали вкладывать средства в ее возрождение. К тому же в 1949 г. создается Организация Североатлантического договора (НАТО) – военно-политический союз, направленный против социалистических стран, который был подписан 12 государствами. Позже эта организация пополнялась.

Получив финансовую помощь и защиту своих рубежей, германские идеологи осознают тот факт, что Европу можно завоевать без войны. Создавая вначале Европейское сообщество как политическую и экономическую организацию, объединившую «Европейское сообщество угля и стали» (1952 г.) с «Европейским экономическим сообществом» (1957 г.), «Европейским сообществом по атомной энергии» (1957 г.), Германия с 1993 г. переименовывает Европейское сообщество, которое к этому времени насчитывает 12 стран, в ЕС, а с 1990 г. ускоренному расширению ЕС способствовал развал СССР. К 1996 г. ЕС пополнился на 11 стран, позже заявки подали еще ряд стран, в том числе и Украина.

США не ожидали такой прыти от Германии, которая в знак своей финансово-экономической независимости от США ввела свою валюту – евро, более укрепленную товаром, нежели доллар. И сбылась мечта Германии – она становится де-факто хозяйкой Европы.

В то же время в США идеологи изучают опыт Германии по глобализации Европы, и, видимо, дочитав вышеуказанную работу В. И. Ленина, обнаруживают призыв к созданию Соединенных штатов мира, фактически глобального мира.

В 1980 г. появилась первая работа по глобализации Р. Робертсона, где она репрезентирована как процесс становления мира в виде единого социального пространства, обнаруживающего свою сущность в различных культурно-идеологических концептах. После работы Р. Робертсона возникает множество дефиниций этого концепта. Это обнаруживается у У. Бека, И. Валлерстайна [2004], К. Омаэ, М. Элброу, Э. Гидденса, И. Тирикьяна, Дж. Нейсбита и мн. др. На постсоветском пространстве учение о глобализации развивается в работах В. Л. Иноземцева, А. Н. Чумакова, В. Г. Воронковой, В. М. Лукашевича, И. Ф. Кефели, А. И. Зеленкова, М. Т. Махаматова, А. Д. Урсула, А. И. Уткина, Ю. В. Яковца и др. Идет интенсивный поиск теоретико-методологических платформ, на базе которых возможно было бы артикулированно выстроить аспекты глобализационного бытия человечества, идет бурное «достраивание» содержания концепта «глобализация». Такой процесс не нов, он характерен для каждой науки. Например, в квантовой механике – принцип дополнительности Н. Бора; в биохимии – принцип комплементарности; в математике – возникновение неевклидовой геометрии и т. д. Сегодня в социальной философии идет бурный процесс «достраивания» концептов «цивилизация», «техносфера», «инновационность», «духовно-нравственный потенциал общества и личности» и т. д. Е. Н. Князева, исследуя с позиций синергетического подхода процесс «достраивания» концепта «мышление», утверждает, что «в самодостраивании есть, по-видимому, элемент продвижения вперед, обновления, что является признаком творчества для высших когнитивных систем – человеческих умов» [Князева 2013: 28]. Несомненно, это есть развитие и приращение знания. Среди новых радикальных зерен «достраивания» концепта «глобализация» можно выделить учение о триосфере, о социальных разломах глобального человечества и рисках неадекватного восприятия глобального мира – А. Н. Чумакова [2019], идеи о неоглобализации, ее признаках и принципах – Т. М. Махаматова [2017]; учение о взаимосвязи цивилизации, глобализации и культуры – В. С. Степина [2011], А. И. Уткина [2001], Ю. В. Яковца [2003] и ряда других.

Процесс «достраивания» содержания концептов отражает степень личностного рационального понимания субъектом познающей проблемы, то есть его «геометрию» мышления. Она есть форма движения личностного знания субъекта, момент развития познания, форма проверки знания на научность и может выступать в качестве вызова позитивных сомнений в истине и конкретизирует этот процесс через адекватный эпохе методологический инструментарий. Но «геометрия» мышления на всех этапах развития научного знания предстает как концепт, обладающий смысловой «нагруженностью».

Особое исследование «геометрии» мышления обнаруживается у Б. Паскаля. Часто философы, обращаясь к проблеме становления методологии научного познания, апеллируют к работе А. Арно «Логика или Искусство мыслить», не указывая на заслуги других авторов этой работы, а ими были наряду с А. Арно профессор Пор-Рояля П. Николь, один из главных янсенистов Франции. Николь считал, что «самая надежная философия – это лишь наука о познании. Максимум познания – это познание минимумов нашего ума» [Таранов 1999: 346]. В то же

время он отмечает разные способности ума, но задача ума заключается в достижении истины.

Третьим автором вышеуказанного трактата был Б. Паскаль. В 1655 г. он пишет работу «О геометрическом уме», которая вышла в качестве VI главы этого трактата, опубликованного в 1662 г. Характеризуя «геометрию мышления», Паскаль исходит из утверждения, что «все, что превышает геометрию, превосходит и нас» [Таранов 1999: 139], но мы бессильны проникнуть в сущность вещей. Этим утверждением он более чем на столетие опередил агностическую концепцию И. Канта «вещь в себе», утверждающую невозможность познания сущности вещей. По мнению Б. Паскаля, «геометрия» мышления отражает уровень наших интеллектуальных возможностей и личную «геометрию» ума, он раскрывает ее как противоречивый субъективный процесс. Аксиомой «геометрии» мышления выступает его утверждение, что человек создан для мышления; в этом все его достоинство; вся его заслуга и весь долг – мыслить как следует, хорошо мыслить [Там же: 127].

Как сложный многомерный феномен «геометрия» мышления представляет собой «опережающее, еще не подтвержденное практикой видение смысла и сущности исследуемой проблемы, это этап познавательной деятельности, состоящей в формировании умозаключений на основе эмпирических фактов и предшествующей выдвижению объясняющей их гипотезы» [Водопьянов, Бурак 2006: 76].

Анализируя «геометрию» мышления современных западных глобалистов, их подходы к объяснению сущности глобализации, к дефиниции этого социокультурного феномена, можно отметить их единство, солидарность и видение процесса формирования глобального мира. Реально видя процесс глобализации Европы под эгидой Германии, глобалисты США и Западной Европы центр стрелы направленности глобализации мира перенесли на США и начали раскручивать новый виток этого процесса.

В ходе «достраивания» концепта «глобализация» у них возникло много идей, в которых, однако, ярко прослеживается однородность в практически насильственном формировании глобального мира. Среди множества идей важно выделить: формирование однополярного мира, особенно после развала СССР; создание системы управления глобальным миром, где «первая скрипка» отдается США; объединение финансово-экономической сферы; управление мировой рабочей силой; объединение более 2000 народов в «единое село», без рассмотрения судеб народов, которые окажутся на околице этого «единого села», но это, как считают глобалисты, надо узаконить, чтобы не было столкновений их интересов с центром, не усугублялись противоречия.

Однако встает вопрос: с чего начинать? И здесь поднимается тема нового мирового порядка. А. Н. Чумаков отмечает, что «вопрос о мировом порядке такой же древний, как и мир общественных отношений, в котором мы живем… вопрос о новом мировом порядке вставал каждый раз, как только мировое сообщество в очередной раз пережило катастрофу или вплотную приближалось к ее черте» [Чумаков 2019: 310, 311].

Глобализация приблизила человечество к этой черте, но с чего начать наведение порядка, оно не знает. И как не вспомнить «Мысли» Б. Паскаля, в то время как мы являемся свидетелями наведения нового мирового порядка. «За политические писания (в данном случае – глобалисты. – *О. П.*) брались, как берутся наводить порядок в сумасшедшем доме и напускают при этом на себя важность» [Таранов 2002: 139].

Исследуя процесс становления глобального мира, ряд зарубежных глобалистов признает кризисное и даже хаотическое состояние переходного периода и предлагает свое видение решения проблем, не отклоняясь от общей оси задач по формированию этого мира, где превалируют субъективизм и зашоренность. Так, И. Валлерстайн в работе «Конец знакомого мира. Социология XXI века» отмечает, что «сложившаяся историческая система вступила в критическую фазу, когда неизбежны нарастание неопределенности и накопление кардинальных перемен, означающих, по сути, “конец знакомого мира”, а зарождающиеся в точках бифуркации незначительные воздействия приводят к масштабным изменениям, последствия которых непредсказуемы» [Валлерстайн 2004: 13]. Он отдает предпочтение формированию социально-экономической и социально-политической систем как основных систем формирующегося глобального мира.

Односторонний подход к формированию такого мира обостряет проблемы столкновения и раскола цивилизаций [Хантингтон 2005; Иноземцев 1999], столкновение интересов, особенно ведущих стран современного мира [Чумаков 2019].

Большое заблуждение западных глобалистов заключается в игнорировании диалектики объективных условий и субъективного фактора. Объективные условия не находили своего отражения в их концепциях, приоритет отдавался субъективному фактору. Но природа преподнесла человечеству сюрприз в виде пандемии коронавируса – своеобразного объективного препятствия, на которое глобалисты и наткнулись. COVID-19 стал негативным «стартапом» раскола глобализирующего мира, а развернувшийся в этом мире хаос перерос в социальный страх, и природа в очередной раз дает человечеству шанс поумнеть во взаимоотношениях с ней.

2. Синдром пандемии как исходная негативная стадия «стартапа» в социодинамике глобализирующегося мира

Когда развернулись теоретические конструкты глобализационных процессов в пространстве мирового сообщества, встал основной вопрос: «Как сформировать глобальный мир?» Ни американские, ни проамериканские теоретики не обратили внимания на работу Н. Винера «Кибернетика», в которой он пишет, оценивая результаты первых промышленных революций, что у человечества «выход один – построить общество, основанное на человеческих ценностях, отличных от купли-продажи. Для строительства такого общества потребуется большая подготовка и большая борьба, которая при благоприятных обстоятельствах может вестись в идейной плоскости, а в противном случае – кто знает как?» [Винер 2004: 96]. Из практики глобализации мира идейная плоскость вышеотмеченными идеологами была отброшена, выбор пал на второе, «кто знает как», в котором и возникли

конфронтации, угрозы, санкции, применение «мягкой силы», конфликты, противоборство, то есть весь негативный «букет», отвечающий на этот вопрос. Но сегодня ведение большой войны между великими державами невозможно ввиду того, что экономическая глобализация накрепко связала всех, следовательно, война слишком дорого обойдется – ее следствием станут разрушение инфраструктуры стран, потеря человеческих ресурсов, особенно у тех государств, которые являются полюсами глобальной экономики. Поэтому в решение глобализационных задач включаются управленческие структуры страны, которые пытаются идеологически влиять на «строптивое» руководство самостоятельно развивающихся стран. Примеров здесь много. В частности, неудачный визит Ж. Борреля в Москву, где его главной задачей было подчинить руководство в России требованиям ЕС, а «лакмусовой бумагой» выступала идея несоблюдения демократических прав человека в России. В Брюсселе его визит охарактеризовали как крайне неудачный, в утешение Ж. Боррелю по его просьбе ввели санкции против России. Результаты таких визитов раскрывают двойные стандарты политики ЕС. Подобных примеров можно приводить массу, все они подтверждают игнорирование диалектического взаимодействия объективных условий и субъективного фактора, отдавая приоритет последнему.

Игнорирование диалектики объективного фактора и субъективных условий позволяет утверждать, что природные условия всегда давали шанс субъективному фактору «поумнеть» во взаимоотношениях с ней. Природа многократно заставляла человечество обращать внимание на отношение к ней через различные природные катаклизмы. Так, природа заставила обратиться к исследованию процессов извержения вулканов, и только после гибели Помпеи (79 г. н. э.) возникла наука вулканология. А в ноябре 1775 г. имела место всемирно известная катастрофа, когда за 6 минут от землетрясения в Португалии погибли 90 тысяч человек. Затем последовали подземные толчки, пожары и цунами, и страна в целом сильно пострадала. Власти Португалии потребовали дать ответ и от религии, и от науки. Религия сочла, что это кара Божья за колониальную политику страны, повлекшую человеческие жертвы, после чего Португалия отказалась от колониальных амбиций. Это событие широко обсуждалось в науке того времени и стало триггером (спусковым крючком) эпохи Просвещения. Оно заставило человечество изучать землетрясение как природный феномен, и возникла наука сейсмология. Природные явления, вызвавшие различные эпидемии и болезни, заставляли человечество искать причины их возникновения и средства борьбы с ними. Можно утверждать, что эпидемии и пандемии, охватывающие весь земной шар, дамокловым мечом висят над человечеством и время от времени опускаются на его голову. Среди них можно выделить прежде всего чуму, по выражению А. С. Пушкина, «царицу грозную». Еще в шумерской и аккадской мифологиях значительное место уделяется богу чумы – Эрру, ужасному истребителю и опустошителю равнин, нагонявшему ужас на богов, демонов, царей гор и морей. Исследователи этой болезни [Крамер 1977: 154; Водопьянов, Крисаченко 2018: 216] и другие отмечают ее как «моровую болезнь», в 490–495 гг. до н. э. описанную крупнейшим древнегреческим историком и философом Фукидидом; «моровая чума» была

во времена Антониана (165–180 гг. н. э.); в 531–580 гг. свирепствовала «чума Юстиниана». Самая страшная эпидемия чумы пришлась на XIV в., унеся с собой, по разным подсчетам, от 25 до 50 млн жизней [Бароян 1967: 60]. Эта «царица» прокатилась по Руси, Украине, Китаю, Индии, Европе. Исследователи этой болезни практически не рассматривают такой ее вид, как «танцевальная чума», которая возникла в Страсбурге в 1518 г. Люди пускались в пляс, и танцующие заполнили все улицы города. Сначала их воспринимали как чудаков, но вскоре осознали, что люди не могут остановиться. Они стирали ноги в кровь, теряли сознание, многие скончались от инсультов. Но в том же году эта эпидемия завершилась, свидетелем «танцевальной чумы» стал известный художник Питер Брейгель Старший, запечатлевший ее на полотне.

Помимо чумы человечество пережило оспу, холеру, дифтерию, корь, грипп в различных его формах (особенно опасной его формой была испанка, унесшая более 75 млн человеческих жизней), лихорадку, СПИД. Сегодня человечество переживает новую пандемию – COVID-19, охватившую практически все страны мира и по текущей статистике по коронавирусу на 23.11.2021 (во всем мире) обрушилась на более чем 258 млн человеческих жизней. И сегодня можно согласиться с А. Н. Чумаковым, что «проблема здравоохранения преодолела не только локальные, но и региональные границы и вышла на глобальный уровень» [Чумаков 2020: 8], то есть здравоохранение стало одной из составляющих глобальных проблем человечества. Ее главной задачей выступает поиск путей и стратегии выживания человечества.

Глобализация, столкнувшись с COVID-19, резко снизила рост темпов всех сфер материального, духовного и информационного производства. COVID-19 предстал как глобальный гео-, био-, социальный «квант» негативного воздействия на социально-экономические, коэволюционные, медицинские процессы, как исходная негативная стадия «стартапа» в социодинамике глобализирующегося мира, как отклик природы на отношение к ней человека, как ее месть человечеству за его хищническую стратегию природопользования. Понятие «квант» используется для исследования и понимания основы большинства макрообразований. Так, Х. Ортега-и-Гассет в работе «Восстание масс» утверждает, что таким макрообразованием является понятие «европеец». Он пишет, что «в каждом из нас европеец значительно преобладает над немцем, испанцем, французом. Современный человек не может жить только тем, что есть в нем “своего” национального: четыре пятых нашего внутреннего богатства – общеевропейское достояние» [Ортега-и-Гассет 1989: 150]. Таким же образованием у М. Галича выступает цивилизация, когда он обнаруживает общее более чем у 30 цивилизаций в Латиноамериканском регионе в доколумбовую эпоху [Галич 1990].

COVID-19 – это, по заявлениям ВОЗ, природный патоген, и борьбу с ним необходимо вести через тесное сотрудничество, видеть стремление ряда стран преодолеть пандемию и исходить в своем поведении из завета, что «в трудные времена мудрые строят мосты, а глупцы – стены». И нет смысла обвинять Китай в «открытии» этой пандемии (а сейчас в информационном пространстве Интернета обвиняют и США в разработке этого патогена), почву для его возникновения

подготовило все человечество. И если сегодня проигнорировать сотрудничество стран по борьбе с COVID-19, исходя из политических стремлений, то его «моровое» шествие по всему миру резко возрастет. «Стартап» этого патогена резко усилит раскол всех сфер общественного бытия.

COVID-19 резко обострил ритм приспособленности людей к условиям бытия в глобальном мире. И в условиях распада обычных форм организации жизни люди научились как-то выживать и приспосабливаться к нестабильному, неопределенному, негарантированному существованию. Эта адаптация стала природной реакцией на негативизм глобализационных процессов, а COVID-19 не просто внес социальный хаос в сложившийся ритм жизни, а перерос в социальный страх.

Встает проблема самоорганизации общественного бытия. Теоретические конструкты самоорганизации заложены в синергетическом подходе. С позиций его применения самоорганизация предстает как «понятие, характеризующее важнейшее свойство объективного мира (систем), его способность к внутренней самоорганизованности в случае изменения внешних условий существования, препятствующих достижению данными системами устойчивого положения в этой среде. Самоорганизация… – способность систем различной природы… к самопроизвольной, внутренне детерминированной активности в направлении роста их организованности в складывающейся негативной среде существования. Для социальных систем точками такой самоорганизации выступает фактор разумности человека» [Шалаев 2009: 345].

Для характеристики сложных социальных систем наука выделяет ряд режимов функционирования: первый отражает конструктивное прогрессивное развитие; второй – регресс (спад) развития; третий – одностороннее развитие; четвертый – застой, переходящий в стагнацию системы. Сегодня в единое целое объединились второй и четвертый режимы функционирования социальной системы. Применительно к современному состоянию общества, сегодня «режим застоя можно охарактеризовать следующими показателями: низкий уровень коллективного разума; слабое внедрение социальных инноваций; размытость моральных, правовых и других норм; изоляция отдельных социальных групп и институтов; бездуховность; ориентация членов общества преимущественно на стереотипные образцы действий в различных сферах и отсутствие ориентаций на движение вперед» [Воронкова 2012: 18].

С позиций самоорганизации системы COVID-19 предстал как препятствие, о которые разбились глобализационные конструкции. К. Шваб, известный основатель и бессменный руководитель Всемирного экономического форума, и футуролог Т. Маллере выпустили книгу «COVID-19: The Great Reset», что можно перевести как «великая перестройка» или «великая перезагрузка». В Интернете используется второй термин (наверное, потому, что великую горбачевскую перестройку мы пережили, правда, еще не полностью). Авторы работы на вопрос «Когда же мы вернемся к нормальной жизни?» отвечают: «Никогда». Историю глобализации они делят на два периода: до пандемии и после нее. До пандемии история нам известна, настоящая история для нас еще загадка, поскольку неиз-

вестно, когда она закончится, а вот период будущего развития общества после пандемии несколько утопичен.

Основные удары пандемия нанесла по политическим аспектам формирования глобального мира и управления им; по экономике и финансам ведущих стран и объединений мира; по коэволюционным процессам, по социальной сфере деятельности человечества. Общая характеристика этих направлений глобализирующегося мира показывает, что COVID-19 внес раскол в вышеотмеченные направления общественного развития. Но остановимся на первых двух.

Во-первых, политический аспект характеризуется расколом между основными игроками мира сего: США, Россией, Китаем и ЕС, а это вносит раскол и в политические отношения мира в целом. В истории так совпало, что во время пандемии в ряде стран происходит смена лидеров, а это означает смену курса взаимоотношений между странами. Произошла скандальная смена президента США. Почему скандальная? В истории США Капитолий штурмовали дважды: в XIX в. англичане и в январе 2021 г. – республиканцы, не согласные с итогами выборов. Речь идет не только о разногласиях в экономических программах демократов и республиканцев, но и о ценностях, устоях, образе жизни, которые у американцев серьезно различаются. Фактически внутренняя политика США оказалась расколотой.

Что же касается внешней политики США, то Дж. Байден сразу же отменил указ Д. Трампа о разрыве договора СНВ-3, и это стало единственным значимым событием для мирового сообщества. Все остальные аспекты взаимоотношений США и России лишь углубляют их противостояние, что характеризуется ростом санкций со стороны США в адрес России (в том числе по «Северному потоку-2», по «делу Навального» и др.).

В условиях пандемии разрушаются связи между США и Китаем, который становится лидером в экономическом развитии. Китай довольно ощутимо отвечает на санкции США и ЕС, и мир воочию убеждается, что сегодня исчезают основания для того, чтобы богатые страны могли вмешиваться в дела других государств. И нынешнюю эпоху можно охарактеризовать как глобализацию под китайским экономическим лидерством.

Еще одна проблема для США заключается в том, что Дж. Байден не знает, как будут развиваться отношения с ЕС. В этом году сменится канцлер в Германии. На данный момент известно лишь, что партия А. Меркель провалилась на выборах в Баден-Вюртемберге и Рейнланд-Пфальце, традиционно считавшихся оплотами христианских демократов, и это резко снизило шансы ХДС остаться у власти после выборов в Бундестаг. К тому же неизвестно, кто станет после выборов президентом Франции. А в ЕС также имеет место серьезный раскол, особенно в условиях пандемии. Реализовался *Brexit*, в Италии ушел в отставку Д. Конте, назвавший кризис из-за пандемии коронавируса «самым большим испытанием со времен Второй мировой войны»; Франция сегодня ставит вопрос о выходе из ЕС; Германия также признает процесс раскалывания ЕС. Так, известный немецкий политолог А. Рар утверждает, что ЕС был создан для «хорошей погоды», был европейской витриной, куда тянулись все страны Европы. Однако для трудных

времен он оказался непригодным, каждая страна стремилась перетянуть «финансовое одеяло» на себя, но многим это не удалось. Единственным консолидирующим фактором ЕС выступает НАТО, защищая его от угрозы России.

В условиях пандемии масла в «огонь раскола» подлили выборы в Белоруссии. Оппозиция в этой стране ни разу не поднимала вопрос о пересмотре основных положений Конституции, в том числе и о сроках пребывания на посту президента. Но прошли выборы, и оппозиция проснулась: С. Тихановская заявила, что она не согласна с результатами подсчета голосов. За помощью она обратилась к Литве и Польше, которые оказались готовы к такому шагу. И в Белоруссии разворачивается сценарий белорусской цветной революции. Идут митинги, снизились темпы промышленного и сельскохозяйственного производства. Сорос, «соросята», Литва и Польша торжествуют – внесен хаос в последний оплот России. «Железный занавес» Черчилля передвигается на границу с Россией от Балтийского до Черного моря.

Однако С. Тихановская забыла, сколько лет Белоруссия находилась под игом Литвы и Польши и как пострадала страна от немцев во Второй мировой войне. Уровень политического интеллектуального развития Тихановской виден из ее ответов в интервью, которое опубликовал «Медиакурьер в Украине» (17–23 февраля 2021 г.), где на 90 % вопросов журналиста она отвечает фразой «Так хочет белорусский народ». Откуда у нее такая информация? В Белоруссии живут 9,5 млн человек, участвовало в акциях 200–250 тысяч, а мнение остальных ее не интересует. И еще: и она, и ее окружение заявляют, что А. Лукашенко находится в безвыходной ситуации, забывая при этом об утверждении Б. Шоу, который писал, что «безвыходных ситуаций не бывает, есть ситуации, выход из которых вас не устраивает». А что если Лукашенко введет Белоруссию в состав России в качестве федерации? Запад это понимает из заявления В. В. Путина по Белоруссии, а Тихановская – нет.

Из вышесказанного видно, что политический раскол состояния глобализирующегося мира не способствует установлению на планете нового мирового порядка.

Что же касается развития экономической и финансовой сферы, то здесь дела обстоят не лучшим образом. За время пандемии резко снизились экономические показатели ряда стран. Прежде всего это падение ВВП. В США он упал почти на 3 %, в ЕС – на 2,2 %, в России и Китае перешагнул порог 3 %; на Украине снижение достигает 5 %. Украина обратилась в ЕС по поводу ускоренного пересмотра условий вхождения в ЕС и проиграла в том отношении, что ЕС требует перехода Украины на стандарты этого союза и цифровизацию, и это не ускоряет приближение входа Украины в союз, а отдаляет. Международные организации не поддерживают Украину извне, а выдвигают требования, еще более разоряющие страну. Так, МВФ потребовал продажи украинской земли, и президент Украины В. А. Зеленский вместе с Верховной Радой под аплодисменты приняли этот закон, но что осталось продавать? К тому же страна с 2014 г. находится в сложных отношениях с Россией, считая ее агрессором (политический аспект), а ведь РФ и оставшиеся члены СНГ – это большой рынок сбыта некачественной украинской

продукции. Теперь он перекрыт, а обращение к ЕС оказалось провальным. Не может же Европейский союз по квоте распределять украинский промышленный брак и сельскохозяйственную некачественную продукцию. К тому же на Западе хорошо знают «Капитал» К. Маркса.

Экономика, как считают глобалисты, может возродиться через два-три года и глобализация расцветет в своем новом качестве. Здесь глобалисты исходят из идей К. Шваба и Т. Маллере, которые утверждают, что пандемия стала «окном возможностей» для перестройки мира, базой формирования нового глобального мира. Следовательно, первой жертвой пандемии становится новый мировой порядок, в сфере которого США потеряли лидерство, особенно после штурма Капитолия, и все в стране идет к огромному экономическому кризису, который затмит и Великую депрессию, и крах после 11 сентября 2001 г. Однако К. Шваб утверждает, что пандемия – это реальная возможность «перезагрузить» экономику мира в пользу более экологичной и социально ориентированной модели развития глобализации. Но «перезагрузка» должна проходить под флагом капитализма, это четко просматривается в концепции Шваба, поскольку «перезагрузку» он рассматривает с точки зрения интересов капитала и максимизации его прибыли, а четвертая промышленная революция решает эту проблему с огромным ускорением. Экономика должна централизованно управляться гигантскими монополиями, государственные границы будут стерты, и таким образом возникает единое государство с единым правительством. И опять же – рулевым провозглашаются США, они устанавливают новые порядки во всех сферах бытия общества, например, освобождают капитал от издержек социальных выплат. Национальному же государству в новом глобальном мире места нет. А где же в этой утопии человек? Его нет в четвертой промышленной революции, он «отменяется», это балласт для капитала. И, по мнению Шваба, его заменят искусственный интеллект, роботизация, биотехнологии.

Встает вопрос, насколько хорошо авторы «Великой перезагрузки» помнят историю первой промышленной революции, повлекшей буржуазные революции, 400 лет бушевавшие в Европе. Не будет ли пандемия новой точкой отсчета мирового переустройства, когда каждая страна станет развиваться по своей стезе, будет иметь право на свое национальное развитие, реализацию своих интересов, а не выполнять указания извне? К. Шваб забыл, что постпандемическая глобализация, в его видении, отбрасывает все демократические начала, за которые радеют США и ЕС.

Да, экономика стран рухнула, она возродится через небольшой срок, но на ее теле останутся раны, которые будут долго заживать.

Что же касается финансовой сферы, то цель введения биткоина – это спасение от падения доллара и отказа от него ряда стран. Так, Индия приняла закон, запрещающий вести расчеты через биткоин, она не хочет исчезновения денег и введения цифровой валюты. А К. Шваб пропагандирует необходимость перехода к цифровой валюте. Но утверждение власти цифры, цифровизация всех сфер жизни человека – это прямое следствие закона самовозрастания капитала, предпринимательской экономики, основанной на принципе получения максимальной прибыли

идеологией экономизма, репрезентирующей ее в качестве одной из сторон «великой перезагрузки».

Реально же сегодня укрепляется юань в качестве будущей валюты постпандемического глобального мира.

Несомненно, глобализация после пандемии не уйдет в анналы истории человечества, но она должна осуществляться как форма подлинной интеграции человечества, реализовываться ради решения общих проблем, для достижения высших идей и целей.

Литература

Бароян О. В. Победа над эпидемиями // Природа. 1967. № 11.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI в. М. : Логос, 2004.

Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине // Информационное общество: сб. / сост. А. Лактионов. М. : АСТ, 2004. С. 45–218.

Водопьянов П. А., Бурак П. М. Философия и методология науки. Минск : БГТУ, 2006.

Водопьянов П. А., Крисаченко В. С. Стратегия бытия человечества. Минск : Беларуская навука, 2018.

Воронкова В. Г. Місце і роль синергетики у пізнанні соціальних процесів та розвитку сучасного суспільства // Гуманітарний вісник ЗДІА. Зб. наук. праць. Вип. 48. Запоріжжя: ЗДІА, 2012. С. 5–24.

Галич М. История доколумбовых цивилизаций. М. : Мысль, 1990.

Иноземцев В. Л. Расколотая цивилизация. М. : Academia-Наука, 1999.

Князева Е. А. Сложное мышление / Э. Морен, Ф. Варела, К. Майнцер // Философия мышления. Одесса : Печатный дом, 2013. С. 17–38.

Крамер С. Н. Мифология Шумера и Аккоды // Мифология древнего мира / отв. ред. В. А. Якобсон. М. : Азбука-классика, 1977.

Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории. М. : АСТ, 2003.

Махаматов Т. М. От эпохи глобализации к неоглобализации: культурно-цивилизационный аспект // Век глобализации. 2017. № 4 (24). С. 55–61.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс, XIV, 9 // Вопросы философии. 1989. № 4.

Родрик Д. Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2014.

Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП, 2011.

Таранов П. С. Золотая философия. М. : АСТ, 1999.

Таранов П. С. 120 философов. Б. Паскаль. Симферополь : Реноме, 2002. С. 125–144.

Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. М. : Логос, 2001.

Фернандес-Арместро Ф. Цивилизации. М. : АСТ; АСТ-Москва, 2009.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка. М. : АСТ, 2005.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М. : Проспект, 2019.

Чумаков А. Н. Глобалистика в контексте современности: испытание пандемией // Век глобализации. № 3. 2020. С. 3–14.

Шалаев В. П. Синергетика в пространстве философских проблем современности. Йошкар-Ола : МГТУ, 2009.

Яковец Ю. В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М. : Экономика, 2003.

References

Baroyan O. V. Pobeda nad epidemiyami [Victory Over Epidemics] // Priroda. 1967. No. 11.

Wallerstein I. Konets znakomogo mira. Sotsiologiya HHI v. [The End of the World as We Know. Social Science for the XXI Century]. Moscow : Logos, 2004.

Wiener N. Kibernetika ili upravlenie i svyaz v zhivotnom i mashine [Cybernetics Or Control and Communication in the Animal and the Machine] // Informatsionnoe obshestvo. Moscow : AST, 2004. Pp. 45–218.

Vodopyanov P. A., Burak P. M. Filosofiya i metodologiya nauki [Philosophy, and Methodology of Science]. Minsk : BGTU, 2006.

Vodopyanov P. A., Krisachenko V. S. Strategiya bytiya chelovechestva [The Strategy of Human Existence]. Minsk : Belaruskaya Navuka, 2018.

Voronkova V. G. Misce i rol sinergetiki u piznanni sotsialnih protsesiv ta rozvitku suchasnogo suspilstva [The Place and Role of Synergetics in the Knowledge of Social Processes and the Development of Modern Society] // Gumanitarnij visnik ZDIA. Zb. nauk. prac. Vol. 48. Zaporizhzhya : ZDIA, 2012. Pp. 5–24.

Galich M. Istoriya dokolumbovyh tsivilizatsij [History of Pre-Columbian Civilizations]. Moscow : Mysl, 1990.

Inozemtsev V. L. Raskolotaya tsivilizatsiya [A Shattered Civilization]. Moscow : Academia-Nauka, 1999.

Knyazeva E. A. Slozhnoe myshlenie: E. Moren, F. Varela, K. Majncer [Complex Thinking: E. Morin, F. Varela, K. Mainzer] // Filosofiya myshleniya. Odessa : Pechatnyj dom, 2013. Pp. 17–38.

Kramer S. N. Mifologiya Shumera i Akkody [The Mythology of Sumer and Akkoda] // Mifologiya drevnego mira / ed. by V. A. Yakobson. Moscow : Azbuka-klassika, 1977.

Mackinder H. J. Geograficheskaya os istorii [Geographical Pivot of History]. Moscow : AST, 2003.

Mahamatov T. M. Ot epohi globalizatsii k neoglobalizatsii: kulturno-tsivilizatsionnyj aspekt [From the Era of Globalization to Neoglobalization: The Cultural and Civilizational Aspect] // Vek globalizatsii. 2017. No. 4 (24). Pp. 55–61.

Ortega-i-Gasset H. Vosstanie mass, XIV, 9 [Rise of the Masses, XIV, 9] // Voprosy filosofii. 1989. No. 4.

Rodrik D. Paradoks globalizatsii: demokratiya i budushee mirovoj ekonomiki [The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy]. Moscow : The Gaidar Institute Publishing, 2014.

Stepin V. S. Tsivilizatsiya i kultura [Civilization and Culture]. St. Petersburg : SPbGUP, 2011.

Taranov P. S. Zolotaya filosofiya [Golden Philosophy]. Moscow : AST, 1999.

Taranov P. S. 120 filosofov. B. Paskal [120 Philosophers. B. Pascal]. Simferopol : Renome, 2002. Pp. 125–144.

Utkin A. I. Globalizatsiya: Process i Osmyslenie [Globalization: Process and Reflection]. Moscow : Logos, 2001.

Fernandes-Armestro F. Tsivilizatsii [Civilizations]. Moscow : AST; AST-Moskva, 2009.

Huntington S. Stolknovenie tsivilizatsij I preobrazovanie mirovogo poryadka [The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order]. Moscow : AST, 2005.

Chumakov A. N. Globalnyj mir: stolknovenie interesov [Global World: The Clash of Interests]. Moscow : Prospekt, 2018.

Chumakov A. N. Globalistika v kontekste sovremennosti: ispytanie pandemiej [Globalistics in the Context of Modernity: A Pandemic Test] // Vek globalizatsii. 2020. No. 3. Pp. 3–14.

Shalayev V. P. Sinergetika v prostranstve filosofskih problem sovremennosti [Synergetics in the Space of Modern Philosophical Problems]. Joshkar-Ola : Bauman University, 2009.

Yakovets Yu. V. Globalizatsiya i vzaimodejstvie tsivilizatsij [Globalization and Interaction of Civilizations]. Moscow : Ekonomika, 2003.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО СТАРЕНИЯ НА ГЛОБАЛЬНУЮ СИСТЕМУ ЦЕННОСТЕЙ[1]

Коротаев А. В., Бутовская М. Л., Шульгин С. Г., Зинькина Ю. В.[*]

Используя данные Всемирного обследования ценностей (World Values Survey), мы показываем, что респонденты старшего возраста склонны поддерживать просоциальные ценности и ценности заботы о других в большей степени, чем более молодые респонденты. Новизна нашего открытия заключается в том, что поддержку этих ценностей следует напрямую связывать именно с влиянием возраста, а не с фактором принадлежности к той или иной когорте. Главный вывод из этого открытия состоит в том, что глобальное старение будет фактором роста глобального уровня поддержки просоциальных ценностей, по мере того как мировое население будет стареть и средний возраст его станет повышаться. Наши результаты могут предоставить дополнительную поддержку гипотезе о двойственных эволюционных основаниях политической идеологии.

Ключевые слова: *глобальное старение, ценности пожилых, религиозность, просоциальные ценности, ценности Шварца, изменение ценностей с возрастом.*

---

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

[*] Коротаев Андрей Витальевич – д. и. н., профессор, руководитель Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ, в. н. с. Международной лаборатории демографии и человеческого капитала РАНХиГС. E-mail: akorotayev@gmail.com.

Korotayev, Andrey V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization at Higher School of Economics, Leading research fellow at International Laboratory of Demography and Human Capital, RANEPA. E-mail: akorotayev@gmail.com.

Бутовская Марина Львовна – д. и. н., член-корр. РАН, профессор, г. н. с., заведующая Центром кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии РАН, профессор, главный научный сотрудник НИУ ВШЭ. E-mail: marina.butovskaya @gmail.com.

Butovskaya, Marina L. – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the RAS, professor, chief Researcher and Head of the Center for Cross-Cultural Psychology and Human Ethology of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Professor, Chief Researcher, Higher School of Economics. E-mail: marina.butovskaya@gmail.com.

Шульгин Сергей Георгиевич – к. э. н., заместитель заведующего Международной лаборатории демографии и человеческого капитала РАНХиГС. E-mail: sergey@shulgin.ru.

Shulghin, Sergey G. – Candidate of Economics, Deputy Head of International Laboratory of Demography and Human Capital, RANEPA. E-mail: sergey@shulgin.ru.

Зинькина Юлия Викторовна – к. и. н., с. н. с. Международной лаборатории демографии и человеческого капитала РАНХиГС. E-mail: juliazin@list.ru.

Zinkina, Yulia V. – Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow at International Laboratory of Demography and Human Capital, RANEPA. E-mail: juliazin@list.ru.

IMPACT OF GLOBAL AGING ON THE GLOBAL VALUES SYSTEM

We use World Values Survey to show that older respondents tend to support pro-social values and values of care for the others more than younger respondents. The novelty of out finding lies in the fact that support for these values should be directly attributed to the age factor rather than cohort factor. We reveal that support of pro-social values and values of care for the others is not related to the particular values of the cohorts of the currently elderly people. The main implication of this finding is that support of pro-social values can be expected to grow with age as the currently younger cohorts enter their senior ages, as well. Conservatism and cooperation appear to be the main strategies of the older generation. Our results may provide additional support for the hypothesis of dual evolutionary foundations of political ideology.

Keywords: *global ageing, values of the elderly, religiosity, pro-social values, Schwartz values, value change with age.*

Введение

Все демографические прогнозы единогласно предсказывают значительное старение мирового населения в ближайшие десятилетия [Alkema *et al.* 2011; Kaneda *et al.* 2016; Lutz *et al.* 2018; Raftery *et al.* 2012; UN Population Division 2021; Vollset *et al.* 2020; Wittgenstein Center 2020]; см. Рис. 1 и 2.

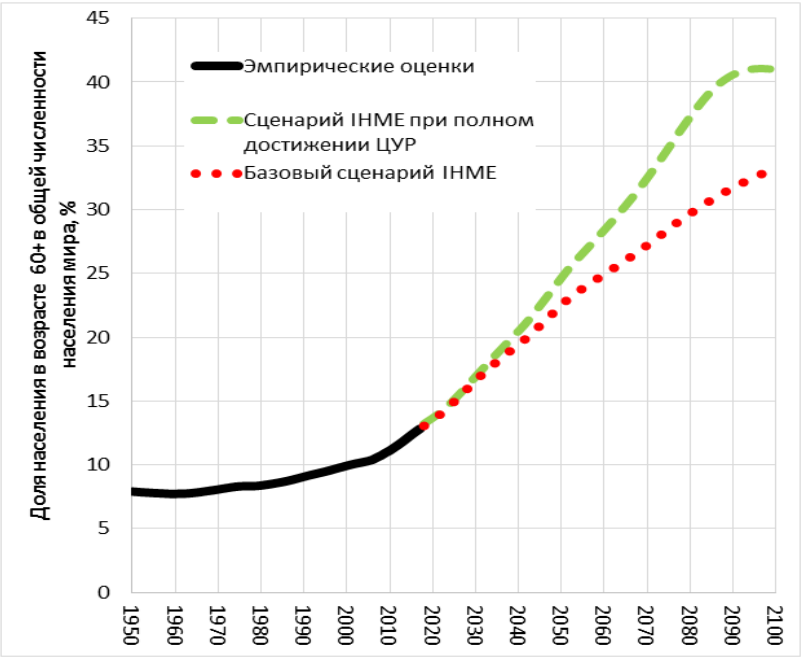

Рис. 1. Население в возрасте 60+, доля в общей численности населения (%); эмпирические оценки IHME на 1950–2020 гг.; базовый сценарий IHME на 2021–2100 гг.; сценарий IHME на 2021–2100 гг. при полном достижении целей устойчивого развития. «Этот сценарий показывает, какого вида популяционных трендов можно ожидать, если каждая страна и территория достигнет целей устойчивого развития по образованию и удовлетворению спроса на контрацепцию к 2030 г.» [Vollset *et al.* 2020: 1295]

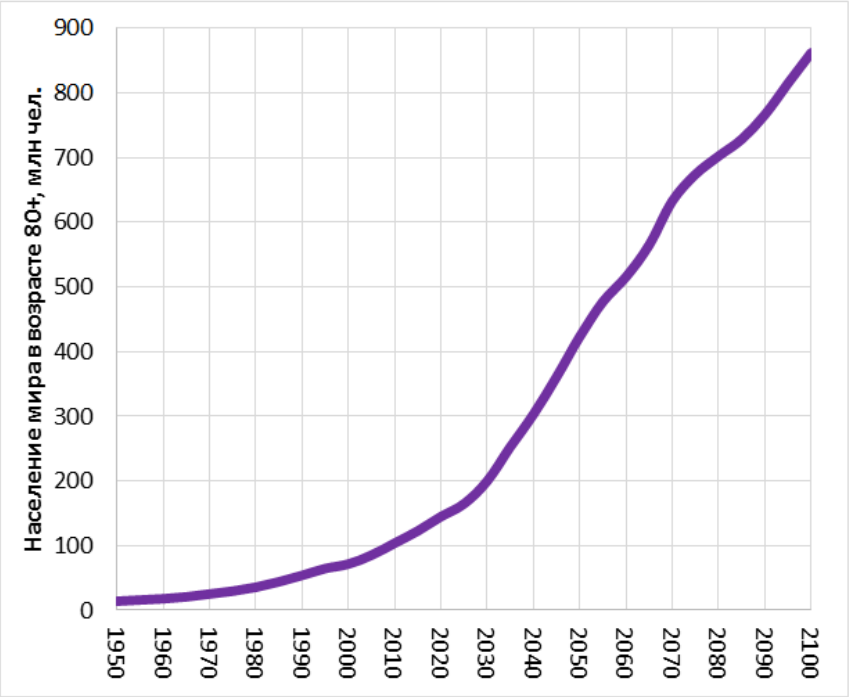

Рис. 2. Население мира в возрасте 80+, млн чел.; эмпирические оценки Отдела народонаселения ООН на 1950–2020 гг. и средний прогнозный сценарий Отдела народонаселения ООН на 2021–2100 гг.

Источник данных: UN Population Division 2021.

Итак, учитывая продолжающееся глобальное старение, важно понимать, какие последствия оно несет для возможных предстоящих изменений в глобальной системе ценностей. Действительно, известно, что многие важные ценности связаны с возрастом. Обзор литературы показывает, что ценности пожилых людей отличаются от ценностей молодежи по ряду существенных аспектов – например, пожилые люди, как правило, более религиозны, более консервативны и имеют более правые политические взгляды [Moberg 1953; Aging… 1968; Wilson 1973; Levin, Taylor 1997; Argue *et al.* 1999; Deaton 2009; Cornelis *et al.* 2009; Van Hiel, Brebels 2011; Tilley, Evans 2014]. Однако природа этих различий может быть двойственной – они возникают либо из-за влияния возраста как такового, либо из-за влияния когорты (принадлежности к определенному поколению, которое социализировалось в конкретной исторической ситуации, сформировавшей различие в ценностях), либо вследствие сочетания того и другого. Например, известно, что пожилые люди более религиозны, чем молодые. Однако до сих пор остается спорным, следует ли связывать этот факт с тем, что люди в целом становятся более религиозными по мере того, как становятся старше (эффект возраста), или с процессом секуляризации, в рамках которого более ранние когорты (к которым принадлежат люди, находящиеся сейчас в более пожилом возрасте) социализировались в более религиозной атмосфере, чем появившиеся позже более молодые

когорты (когортный эффект). Мы пытаемся исследовать роль эффекта возраста, дифференцируя его от эффекта когорты, чтобы понять, какие последствия продолжающийся процесс глобального старения может иметь для глобальной системы ценностей.

Ценности консерватизма и кооперации растут с возрастом

Есть некоторые теоретические основания предполагать, что разница между старшими и более молодыми возрастными группами может быть результатом эффекта возраста, а не эффекта когорты. Важные возрастные изменения связаны с активизацией кооперации. Это касается как женщин, так и мужчин. Однако для мужчин это связано с сохранением и передачей ценного опыта внутригруппового и межгруппового общения и правил поведения, контролем над миротворчеством и разрешением конфликтов, а также внутригрупповой ориентацией [Handley, Mathew 2020; Doğan *et al.* 2018; Wiessner 2019; Hagmann 2007; Agwanda, Harris 2009; Olowolafe *et al.* 2020; Travis, Saa 2021; Barnes, Magdalena 2020], а для женщин – с передачей опыта межпоколенческого общения и непосредственной заботой о внуках [Akhter-Khan 2020; Burkart *et al.* 2017; Konner 2018; Chapman *et al.* 2021]. В целом эволюция индивидуального развития (онтогенез) человека связана с увеличением общей продолжительности жизни в сочетании со снижением репродуктивного потенциала, что особенно ярко проявляется у женщин. Эволюционное возникновение менопаузы с ярко выраженным комплексом физиологических перестроек в процессе старения многие антропологи считают важной предпосылкой усиления ухода за генетически родственным потомством [Hawkes, Blurton Jones 2005; Sear, Mace 2008]. Гипотеза заботливых бабушек предсказывает больший вклад бабушек, чем дедушек, в первую очередь со стороны бабушек по материнской линии, во внуков [Cant, Croft 2019; Hawkes 2020]. Вклад бабушек и других близких родственников продолжает оставаться значительным в современных обществах, что подтверждает эффект родственного отбора в этих условиях [Pashos 2017; Perry, Daly 2017].

Обсуждая роль старшей возрастной когорты в поддержании групповой стабильности и сотрудничества, ряд авторов предлагают учитывать демографические характеристики, такие как фактор избирательного давления [Rodrigues 2018]. На основе математических моделей, предложенных А. Родригесом, в современном обществе выделяются два значимых фактора, определяющих рост интеграции и внутригруппового сотрудничества: первый фактор связан с общим увеличением продолжительности жизни и накоплением доли пожилых людей, второй – с увеличением доли людей, не участвующих в демографическом воспроизводстве. Как предположил Родригес, сами эти демографические трансформации могут принести дополнительный репродуктивный успех женщинам, которые после утраты собственной детородной способности заботятся о своих детях, внуках и иных младших родственниках [Mattison *et al.* 2018; Sear 2018]. В обоих случаях уровень сотрудничества и отбора на взаимопомощь возрастает на фоне снижения общей конкуренции за репродуктивные ресурсы [Rodrigues 2018; Abraham, Feldman 2018; Willführ *et al.* 2018].

На основе этой литературы мы выдвигаем гипотезу, что не только рост консервативных ценностей, но и сдвиг в сторону просоциальных ценностей следует

связывать с эффектом возраста, а не с когортным эффектом и, следовательно, следует ожидать, что в ближайшие десятилетия такой сдвиг будет сопровождать глобальное старение.

Методы

Мы используем данные глобального социологического проекта «Всемирное обследование ценностей» (*World Values Survey*) с 1-й по 7-ю волну. Используется лонгитюдный файл данных (World Values Survey 2021).

Оценивается многофакторная модель, в которой переменные, описывающие ценности, зависят от переменных возраста и когорты и контролируются на уровень образования (численное значение от 1 до 8), семейное положение (категориальная переменная), положение на рынке труда/занятость (категориальная переменная), уровень дохода (численная переменная), также мы контролируем на все страно-волны.

В качестве базовой мы используем логистическую модель (1) для объяснения связи между переменными в том случае, когда зависимая переменная является бинарной (то есть когда имеется лишь два типа ответов, к примеру, «Да» (1) / «Нет» (0)). Результаты оценки коэффициента для переменной «возраст» в логистической модели представлены в столбце 1 (см. табл. А1–А6 в онлайн-приложении).

Столбец ODDS (см. столбец 3 в табл. А1–А6 в онлайн-приложении) представляет отношение шансов, которое показывает, насколько вероятность выбора ответа (1) по сравнению с ответом (0) увеличивается с возрастом.

Ординарная логистическая модель (2) используется для объяснения связи в тех случаях, когда зависимая переменная имеет три или более порядковых уровней (например, «Очень счастлив» (1) «Довольно счастлив» (2), «Довольно несчастлив» (3), «Совсем не счастлив» (4)). Результаты оценки коэффициента для переменной «возраст» в ординарной логистической модели представлены в столбце 2 (см. Табл. А1–А6 в онлайн-приложении).

Для всех проанализированных переменных мы также представляем МНК-оценки модели (3). Влияние возраста оценивается в рамках модели множественной линейной регрессии (см. столбец 4 в табл. А1–А6 в онлайн-приложении).

Для МНК-модели спецификации уравнения представлены ниже:

$$Value = \beta_0 + \beta_1 age + \beta_2 cohort + \beta_3 education + \beta_4 sex + \beta_5 income + \sum_{m=2}^{8} \gamma_m D_m + \sum_{l=2}^{8} \delta_l D_l + \sum_{cw=2}^{45} \mu_{cw} D_{cw} + e \quad (1),$$

где *Value* в МНК заключает собой ответ респондента относительно его представлений о ценностях. В логистической и ординарной логистической моделях P(*Value)* означает вероятность выбора респондентом соответствующего ответа;

age, *cohort*, *education*, *sex*, *income* – это переменные, описывающие возраст, когорту, образование, пол и уровень дохода респондента;

D_m, D_l, D_{cw} – дамми-переменные для соответствующих уровней семейного положения, положения на рынке труда и участия в одной из страно-волн;

β, γ, δ, μ – коэффициенты регрессионного уравнения, оценочные значения которых получены в результате оценки этой модели на данных.

Мы оцениваем модели (1), (2) и (3) для шести региональных подвыборок респондентов обоих полов из экономически развитых стран – членов ОЭСР с высоким уровнем дохода (подгруппа развитых стран); Восточной Европы; Латинской Америки; Ближнего Востока и Северной Африки; Африки южнее Сахары; Восточной и Юго-Восточной Азии. Списки стран, входящих в каждый из регионов, и годы проведения в них опросов WVS представлены в табл. 1.

Таблица 1

Страны и страно-волны, вошедшие в шесть региональных подвыборок

Регион	Страны и страно-волны
ОЭСР 16 стран 56 страно-волн 78 102 респондента	Австралия (1981, 1995, 2005, 2012, 2018), Канада (1990, 2000, 2006), Финляндия (1981, 1996, 2005), Франция (2006), Германия (1997, 2006, 2013, 2018), Израиль (2001), Италия (2005), Япония (1981, 1990, 1995, 2000, 2005, 2010, 2019), Нидерланды (2006, 2012), Новая Зеландия (1998, 2004, 2011, 2020), Норвегия (1996, 2007), Испания (1990, 1995, 2000, 2007, 2011), Швеция (1982, 1996, 1999, 2006, 2011), Швейцария (1989, 1996, 2007), Великобритания (1998, 2005), США (1982, 1990, 1995 , 1999, 2006, 2011, 2017)
Восточная Европа 22 страны 52 страно-волны 64 760 респондентов	Албания (1998, 2002), Беларусь (1990, 1996, 2011), Босния и Герцеговина (1998, 2001), Болгария (1997, 2005), Хорватия (1996), Чехия (1991, 1998), Эстония (1996, 2011), Греция (2017), Венгрия (1982, 1998, 2009), Латвия (1996), Литва (1997), Македония (1998, 2001), Молдова (1996, 2002, 2006), Черногория (1996, 2001), Польша (1989, 1997, 2005, 2012), Румыния (1998, 2005, 2012, 2018), Россия (1990, 1995, 2006, 2011, 2017), Сербия (1996, 2001, 2017), Словакия (1990, 1998), Словения (1995, 2005, 2011), Украина (1996, 2006, 2011), Югославия, Сербия и Черногория (2005)
Латинская Америка 17 стран 53 страно-волн 74 341 респондент	Аргентина (1984, 1991, 1995, 1999, 2006, 2013, 2017), Боливия (2017), Бразилия (1991, 1997, 2006, 2014, 2018), Чили (1990, 1996, 2000, 2006, 2012, 2018), Колумбия (1997, 2005, 2012, 2018), Доминиканская Республика (1996), Эквадор (2013, 2018), Сальвадор (1999), Гватемала (2004, 2020), Гаити (2016), Мексика (1981, 1990, 1996, 2000), 2005, 2012, 2018), Никарагуа (2020), Перу (1996, 2001, 2006, 2012, 2018), Пуэрто-Рико (1995, 2001, 2018), Тринидад и Тобаго (2006, 2010), Уругвай (1996, 2006 , 2011), Венесуэла (1996, 2000)
Ближний Восток и Северная Африка 16 стран 40 страно-волн 64 298 респондентов	Алжир (2002, 2014), Египет (2001, 2008, 2013, 2018), Иран (2000, 2007, 2020), Ирак (2004, 2006, 2013, 2018), Иордания (2001, 2007, 2014, 2018), Кувейт (2014), Ливан (2013, 2018), Ливия (2014), Марокко (2001, 2007, 2011), Пакистан (1997, 2001, 2012, 2018), Палестина (2013), Катар (2010), Саудовская Аравия (2003), Тунис (2013, 2019), Турция (1990, 1996, 2001, 2007, 2011, 2018), Йемен (2014)
Африка южнее Сахары 11 стран 25 страно-волн 44 109 респондентов	Буркина-Фасо (2007), Эфиопия (2007, 2020), Гана (2007, 2012), Мали (2007), Нигерия (1990, 1995, 2000, 2011, 2018), Руанда (2007, 2012), Южная Африка (1982, 1990, 1996, 2001, 2006, 2013), Танзания (2001), Уганда (2001), Замбия (2007), Зимбабве (2001, 2012, 2020)

Окончание табл. 1

Регион	Страны и страно-волны
Восточная и Юго-Восточная Азия 18 стран 55 страно-волн 82 467 респондентов	Бангладеш (1996, 2002, 2018), Китай (1990, 1995, 2001, 2007, 2018), Гонконг (2005, 2013, 2018), Индия (1990, 1995, 2001, 2006, 2014), Индонезия (2001, 2006 , 2018), Казахстан (2011, 2018), Кыргызстан (2003, 2011, 2020), САР Макао (2020), Малайзия (2006, 2012, 2018), Мьянма (2020), Филиппины (1996, 2001, 2012, 2019), Сингапур (2002, 2012), Южная Корея (1982, 1990, 1996, 2001, 2005, 2010, 2018), Тайвань (1994, 2006, 2012, 2019), Таджикистан (2020), Таиланд (2007, 2018), Узбекистан (2011 г.), Вьетнам (2020 г.)

Результаты

Религиозность. Во всех шести подвыборках респонденты старшего возраста значительно чаще сообщают о частом посещении религиозных служб (F028). Кроме того, респонденты старшего возраста значительно чаще утверждают, что Бог очень важен в их жизни (F063), в странах ОЭСР, Восточной Европе, Восточной и Юго-Восточной Азии. Респонденты старшего возраста также чаще утверждают, что религия очень важна в их жизни (A006), в странах ОЭСР, Латинской Америке и Восточной Европе. Они также чаще сообщают о том, что являются активными членами церкви / религиозной организации (A098), в странах ОЭСР и странах Африки к югу от Сахары.

Просоциальные ценности. Во всех подвыборках респонденты старшего возраста значительно чаще утверждают, что:

– безбилетный проезд в общественном транспорте (F115) никогда не является оправданным (значимо для стран ОЭСР, Восточной Европы, Латинской Америки, Ближнего Востока и Северной Африки, Африки южнее Сахары; статистически незначимо, но в прогнозируемом направлении в Восточной и Юго-Восточной Азии);

– уклонение от уплаты налогов (F116) никогда не является оправданным (значимо для стран ОЭСР, Восточной Европы, Латинской Америки, Ближнего Востока и Северной Африки, Восточной и Юго-Восточной Азии; маргинально значимо при одностороннем тесте в странах Африки южнее Сахары);

– получение взятки (F117) никогда не является оправданным (значимо в ОЭСР, Восточной Европе, Латинской Америке, на Ближнем Востоке и в Северной Африке; маргинально значимо с односторонним тестом в Восточной и Юго-Восточной Азии; статистически незначимо, но в предсказанном направлении в Африке южнее Сахары).

Сохранение против открытости изменениям. Мы также используем модель Шварца, данные для которой были собраны в рамках 5-й и 6-й волн Всемирного обследования ценностей. Согласно этой модели, ценности делятся на четыре измерения, а именно: сохранение («ценности, подчеркивающие порядок, самоограничение, сохранение прошлого и сопротивление изменениям»), открытость изменениям («ценности, подчеркивающие независимость мысли, действия и чувств, и готовность к изменениям»), выход за пределы своего «я» / забота о других («ценности, подчеркивающие заботу о благополучии и интересах других»), самоутверждение/саморазвитие («ценности, подчеркивающие следование собствен-

ным интересам и относительный успех и превосходство над другими») [Schwartz 2012: 8].

• Сохранение включает в себя безопасность, традицию и конформизм (безопасность = «безопасность, гармония и стабильность общества, связей и себя самого»; традиция = «уважение, приверженность и принятие обычаев и идей, предоставляемых соответствующей культурой или религией»; конформизм = «ограничение действий, наклонностей и импульсов, которые, вероятно, расстроят или повредят другим и нарушат общественные ожидания или нормы»).

• Открытость изменениям включает самостоятельность, стимуляцию и гедонизм (самостоятельность = «независимость мысли и выбора действия, созидания, исследования»; стимуляция = «волнение, новизна и вызов в жизни»; гедонизм = «удовольствие или чувственное вознаграждение себя»).

• Самоутверждение/саморазвитие включает гедонизм, власть и достижение (Hedonism = «удовольствие или чувственное вознаграждение себя»; власть = «социальный статус и престиж, контроль или доминирование над людьми и ресурсами»; достижение = «личный успех через демонстрирование компетенций, соответствующих социальным стандартам»).

• Выход за пределы своего «я» / забота о других включает благожелательность и универсализм (благожелательность = «сохранение и увеличение благополучия тех, с кем человек находится в частом личном контакте (“своя группа”)»; универсализм = «понимание, признание, толерантность и защита благополучия всех людей и природы») [*Ibid.*].

В нашем анализе группы ценностей, находящиеся напротив друг друга в круговой диаграмме Ш. Шварца, были попарно объединены в оси. Таким образом были получены две оси: первая – сохранение («ценности, подчеркивающие порядок, самоограничение, сохранение прошлого и сопротивление изменениям») против открытости изменениям («ценности, подчеркивающие независимость мысли, действия и чувств, и готовность к изменениям»); вторая – выход за пределы своего «я» / забота о других («ценности, подчеркивающие заботу о благополучии и интересах других») и самоутверждение («ценности, подчеркивающие следование собственным интересам и относительный успех и превосходство над другими») [*Ibid.*]. Во всех шести подвыборках стран респонденты старшего возраста больше склоняются к ценностям сохранения, а не открытости (значимо в ОЭСР, Восточной Европе, а также в Восточной и Юго-Восточной Азии; значимо при одностороннем тесте значимости в Латинской Америке; маргинально значимо при одностороннем тестировании в Африке южнее Сахары; статистически незначимо, но в предсказанном направлении в регионе Ближнего Востока и Северной Африки).

Выход за пределы своего «я» / забота о других против самоутверждения. Наш анализ этой оси показывает, что во всех подвыборках респонденты старшего возраста более склонны поддерживать такие ценности, как забота о других (благожелательность, универсализм), и менее склонны к ценностям *самоутверждения* (значимо в странах ОЭСР, Восточной Европы, Восточной и Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Северной Африки; значимо при одностороннем тесте в Латинской Америке; маргинально значимо при одностороннем тесте в Африке к югу от Сахары).

Обсуждение

Таким образом, респонденты старшего возраста склонны поддерживать просоциальные ценности и ценности заботы о других больше, чем респонденты более молодого возраста, и, как показывает наш анализ, этот вывод следует напрямую связывать с возрастным фактором, а не с фактором когорты. Другими словами, поддержка просоциальных ценностей и ценностей заботы о других не связана с конкретными ценностями когорт нынешних пожилых людей и, как можно ожидать, будет расти с возрастом по мере того, как молодые в настоящее время когорты будут также вступать в пожилой возраст. Таким образом, наши результаты согласуются с данными, представленными недавно другими авторами, показывающими, что общий рост просоциальных мотиваций с возрастом (включая благотворительные пожертвования или волонтерство на общее благо) носит чисто альтруистический характер [Mayr, Freund 2020]. Просоциальное поведение коренным образом меняется с возрастом, и пожилые люди менее склонны к эгоистической тенденции при принятии решений [Lockwood *et al.* 2020]. Кроме того, наряду с общим ростом просоциального поведения с возрастом, антисоциальное поведение и насилие значительно уменьшаются на протяжении жизни [Hiraiwa-Hasegawa 2005; Liberman 2008]. Консерватизм и сотрудничество кажутся главными стратегиями старшего поколения. Следовательно, ранее развившаяся как базовая эволюционная адаптация, направленная на поддержание стабильности общества и благоприятных условий для выживания потомства в небольших обществах в палеолите, эта адаптация продолжает приносить очевидные преимущества, несмотря на интенсивные процессы технологического (информационного) развития и преобразования в сфере занятости и организации общественной жизни. Стабильность такой адаптации свидетельствует о ее исключительной важности для выживания человечества в прошлом и настоящем. Наши результаты могут предоставить дополнительную поддержку гипотезе о двойственных эволюционных основаниях политической идеологии [Claessens *et al.* 2020; Duckett, Sibley 2009; Feldman, Johnston 2014].

Выводы

Таким образом, учитывая общую тенденцию населения мира к старению, можно ожидать усиления социального консерватизма наряду с увеличением бескорыстной приверженности просоциальным ценностям. Это можно рассматривать как усиление сильной реципрокности, которую С. Боулз и Х. Гинтис определяют следующим образом: «Если генетически неродственные члены группы извлекают выгоду из взаимной приверженности социальной норме, агенты могут подчиняться норме и наказывать ее нарушителей, даже если такое поведение не может быть оправданным с точки зрения самооценки, предпочтений, ориентированных на результат» [Bowles, Gintis 1998: 1]. Глобальное старение, кажется, вызывает в основном негативные коннотации. Однако наш анализ показывает, что в области ценностных ориентаций глобальное старение может иметь некоторые положительные эффекты за счет усиления поддержки просоциальных ценностей на глобальном уровне.

Литература / References

Abraham E., Feldman R. The Neurobiology of Human Allomaternal Care; Implications for Fathering, Coparenting, and Children's Social Development // Physiology & Behavior. 2018. Vol. 193. Pp. 25–34.

Aging and Society: An Inventory of Research Findings / ed. by M. W. Riley, A. Foner. New York : Russell Sage Foundation, 1968.

Agwanda T., Harris G. People-to-People Peacemaking and Peacebuilding: A Review of the Work of the New Sudan Council of Churches // African Security Studies. 2009. Vol. 18. No. 2. Pp. 42–52.

Akhter-Khan S. C. Providing Care is Self-care: Towards Valuing Older People's Care Provision in Global Economies // The Gerontologist. 2020. Vol. 20. No. 20. Pp. 1–9.

Alkema L., Raftery A. E., Gerland P., Clark S. J., Pelletier F., Buettner T., Heilig G. K. Probabilistic Projections of the Total Fertility Rate for All Countries // Demography. 2011. Vol. 48. No. 3. Pp. 815–839.

Argue A., Johnson D. R., White L. K. Age and Religiosity: Evidence From a Three-Wave Panel Analysis // Journal for the Scientific Study of Religion. 1999. Vol. 38. No. 3. Pp. 423–435.

Barnes B. E., Magdalena F. V. Traditional Peacemaking Processes Among Indigenous Populations in the Northern and Southern Philippines // Conflict Resolution in Asia: Mediation and Other Cultural Models / ed. by S. P. Stobbe. Lanham : Lexington Books, 2020. Pp. 63–82.

Burkart J. M., Van Schaik C., Griesser M. Looking for Unity in Diversity: Human Cooperative Childcare in Comparative Perspective // Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. 2017. Vol. 284. No. 1869. Pp. 1–10.

Bowles S., Gintis H. The Evolution of Strong Reciprocity. 1998. SFI Working Paper 1998-08-073 [Электронный ресурс]. URL: https://sfi-edu.s3.amazonaws.com/sfi-edu/production/uploads/sfi-com/dev/uploads/filer/a3/cf/a3cf6a69-5ff8-4eb8-8f26-235b5405d4cb/98-08-073.pdf (дата обращения / accessed: 01.08.2021).

Cant M. A., Croft D. P. Life-History Evolution: Grandmothering in Space and Time // Current Biology. 2019. Vol. 29. No. 6. Pp. R215–R218.

Chapman S. N., Lahdenperä M., Pettay J. E., Lynch R. F., Lummaa V. Offspring Fertility and Grandchild Survival Enhanced by Maternal Grandmothers in a Pre-Industrial Human Society // Scientific Reports. 2021. Vol. 11. P. 3652.

Claessens S., Fischer K., Chaudhuri A., Sibley C. G., Atkinson Q. D. The Dual Evolutionary Foundations of Political Ideology // Nature Human Behaviour. 2020. Vol. 4. Pp. 336–345.

Cornelis I., Van Hiel A., Roets A., Kossowska M. Age Differences in Conservatism: Evidence on the Mediating Effects of Personality and Cognitive Style // Journal of Personality. 2009. Vol. 77. No. 1. Pp. 51–88.

Deaton A. Aging, Religion, and Health. No. w15271. National Bureau of Economic Research, 2009 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nber.org/papers/w15271 (дата обращения / accessed: 01.08.2021).

Duckitt J., Sibley C. G. A Dual-Process Motivational Model of Ideology, Politics, and Prejudice // Psychological Inquiry. 2009. Vol. 20. Pp. 98–109.

Doğan G., Glowacki L., Rusch H. Spoils Division Rules Shape Aggression Between Natural Groups // Nature Human Behaviour. 2018. Vol. 2. No. 5. Pp. 322–326.

Feldman S., Johnston C. Understanding the Determinants of Political Ideology: Implications of Structural Complexity // Political Psychology. 2014. Vol. 35. Pp. 337–358.

Hagmann T. Bringing the Sultan Back in: Elders as Peacemakers in Ethiopia's Somali Region // State Recognition and Democratization in Sub-Saharan Africa. New York : Palgrave Macmillan, 2007. Pp. 31–51.

Handley C., Mathew S. Human Large-Scale Cooperation as a Product of Competition Between Cultural Groups // Nature Communications. 2020. Vol. 11. No. 702.

Hawkes K. The Centrality of Ancestral Grandmothering in Human Evolution // Integrative and Comparative Biology. 2020. Vol. 60. No. 3. Pp. 765–781.

Hawkes K., Blurton Jones N. G. Human Age Structures, Paleodemography, and the Grandmother Hypothesis // Grandmotherhood: The Evolutionary Significance of the Second Half of Female Life. N. p.: Rutgers University Press, 2005. Pp. 118–140.

Hiraiwa-Hasegawa M. Homicide by Men in Japan, and its Relationship to Age, Resources and Risk Taking // Evolution and Human Behavior. 2005. Vol. 26. No 4. Pp. 332–343.

Kaneda T., Greenbaum C., Patierno K. 2018 World Population Data Sheet. Population Reference Bureau, 2016. URL: https://www.prb.org/2016-world-population-data-sheet/ (дата обращения / accessed: 01.08.2021).

Konner M. Nonmaternal Care: A Half-Century of Research // Physiology & Behavior. 2018. Vol. 193. Pp. 179–186.

Levin J. S., Taylor R. J. Age Differences in Patterns and Correlates of the Frequency of Prayer // Gerontologist. 1997. Vol. 37. No. 1. Pp. 75–88.

Liberman A. The Long View of Crime: A Synthesis of Longitudinal Research. N. p. : Springer, 2008.

Lockwood P., Abdurahman A., Gabay A. S., Drew D., Tamm M., Husain M., Apps M. A. Ageing Increases Prosocial Motivation for Effort. 2020. Preprint. DOI: 10.31234/osf.io/8c5ra.

Lutz W., Goujon A., Kc S., Stonawski M., Stilianakis N. Demographic and Human Capital Scenarios for the 21st Century: 2018 Assessment for 201 Countries. Publications Office of the European Union, 2018.

Mattison S., Moya C., Reynolds A., Towner M. C. Evolutionary Demography of Age at Last Birth: Integrating Approaches From Human Behavioural Ecology and Cultural Evolution // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2018. Vol. 373. No. 1743. P. 20170060.

Mayr U., Freund A. M. Do We Become More Prosocial as We Age, and if so, Why? // Current Directions in Psychological Science. 2020. Vol. 29. No. 3. Pp. 248–254.

Moberg D. O. Church Membership and Personal Adjustment in Old Age // Journal of Gerontology. 1953. Vol. 8. No. 2. Pp. 207–211.

Olowolafe O. V., Olonade O. Y., Adetunde C. O. A Contextual Analysis of Three Major Tribes' Traditional Conflict Resolution Mechanisms in Pre-Literate Nigerian Society // Applied Research Journal of Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 3. No. 3. Pp. 1–13.

Pashos A. Asymmetric Caregiving by Grandparents, Aunts, and Uncles and the Theories of Kin Selection and Paternity Certainty: How Does Evolution Explain Human Behavior Toward Close Relatives? // Cross-Cultural Research. 2017. Vol. 51. No. 3. Pp. 263–284.

Perry G., Daly M. A Model Explaining the Matrilateral Bias in Alloparental Investment // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2017. Vol. 114. No. 35. Pp. 9290–9295.

Raftery A. E., Li N., Ševčíková H., Gerland P., Heilig G. K. Bayesian Probabilistic Population Projections for all Countries // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2012. Vol. 109. No. 35. Pp. 13915–13921.

Rodrigues A. M. M. Demography, Life History and the Evolution of Age-Dependent Social Behavior // Journal of Evolutionary Biology. 2018. Vol. 31. No. 9. Pp. 1340–1353.

Sear R. Family and Fertility: Does Kin Help Influence Women's Fertility, and How Does This Vary Worldwide? // Population Horizons. 2018. Vol. 14. No. 1. Pp. 18–34.

Sear R., Mace R. Who Keeps Children Alive? A Review of the Effects of Kin on Child Survival // Evolution and Human Behavior. 2008. Vol. 29. Pp. 1–18.

Schwartz S. H. An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values // Online Readings in Psychology and Culture. 2012. Vol. 2. No. 1. DOI: 10.9707/2307-0919.1116.

Tilley J., Evans G. Ageing and Generational Effects on Vote Choice: Combining Cross-Sectional and Panel Data to Estimate APC Effects // Electoral Studies. 2014. Vol. 33. Pp. 19–27.

Travis C., Saa W. Restorative Peacebuilding in Liberia: Traditional Practices of Mourning and Reconciliation // Natural Healing as Conflict Resolution. IGI Global, 2021. Pp. 100–125.

UN Population Division. World Population Prospects 2021. Vol. I. Comprehensive Tables. New York : United Nations : UN Population Division, 2021.

Van Hiel A., Brebels L. Conservatism Is Good for You: Cultural Conservatism Protects Self-Esteem in Older Adults // Personality and Individual Differences. 2011. Vol. 50. No. 1. Pp. 120–23.

Vollset S. E., Goren E., Yuan C.-W., Cao J., Smith A. E., Hsiao T. *et al.* Fertility, Mortality, Migration, and Population Scenarios for 195 Countries and Territories From 2017 to 2100: A Forecasting Analysis for the Global Burden of Disease Study // The Lancet. 2020. URL: https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30677-2.

Wiessner P. Collective Action for War and for Peace // Current Anthropology. 2019. Vol. 60. No. 2. Pp. 224–244.

Willführ K. P., Johow J., Voland E. When the Mother-in-Law is Just as Good – Differential Mortality of Reproductive Females by Family Network Composition // PLoS ONE. 2018. Vol. 13. No. 3. P. e0193252.

Wilson G. D. The Psychology of Conservatism. New York : Academic Press, 1973.

Wittgenstein Centre. Wittgenstein Centre Human Capital Data Explorer, 2020. URL: http://dataexplorer.wittgensteincentre.org/wcde-v2/ (дата обращения / accessed: 01.08.2021).

WVS [World Values Survey, 2020] / Longitudinal Data File, 1981–2020 (file: "WVS_TimeSeries_R_v1_2.rds") – Vienna: Institute for Comparative Survey Research, 2020. URL: https://www.worldvaluessurvey.org/ (дата обращения / accessed: 01.08.2021).

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА В ГЛОБАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОМ МИРЕ

Розенберг Г. С.*

В. В. Снакин. Экология, глобальные природные процессы и эволюция биосферы. Энциклопедический словарь. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2020. 528 с.

Автор анализирует новый экологический словарь В. В. Снакина «Экология, глобальные природные процессы и эволюция биосферы», вышедший под эгидой МГУ имени М. В. Ломоносова и Института фундаментальных проблем биологии РАН по проекту РФФИ [Снакин 2020]. Подчеркиваются фундаментальность подхода автора в ходе подготовки статей словаря, разносторонний и взвешенный взгляд на глобальные экологические проблемы. Отмечаются дискуссионные моменты трактовки некоторых понятий. Рецензируемое издание несомненно вносит свою лепту в утверждение русскоязычной научно-экологической терминологии и может стать важным элементом современного экологического образования.

Ключевые слова: *эволюция биосферы, антропогенное воздействие, глобальные природные процессы, экологический словарь.*

WHAT IS THE TRUTH IN THE GLOBAL ECOLOGICAL WORLD

The article is devoted to the new encyclopedic dictionary 'Ecology, Global Natural Processes and the Evolution of the Biosphere', published under the auspices of the Lomonosov Moscow State University and the Institute of Basic Biological Problems of the Russian Academy of Sciences under the project of the Russian Foundation for Basic Research [Snakin 2020]. The reviewer emphasizes the fundamental nature of the author's approach during the preparation of the dictionary entries, a versatile and balanced view of global environmental problems. The reviewed edition should undoubtedly become an important element of modern environmental education.

Keywords: *biosphere evolution, anthropogenic impact, global natural processes, ecological dictionary.*

Время разрушит то, что сделано,
а язык – то, что надо сделать.
Русская пословица

Еще одна русская пословица гласит: «Хромое слово – кривая речь». Действительно, чем больше слов знает человек, тем точнее, ярче, образнее выражает он

* Розенберг Геннадий Самуилович – д. б. н., профессор, чл.-корр. РАН, г. н. с. Института экологии Волжского бассейна РАН (г. Тольятти). E-mail: genarozenberg@yandex.ru.

Rozenberg, Gennady S. – D.Sc. in Biology, professor, corresponding member of RAS, chief scientist of Institute of Ecology of the Volga River Basin of the RAS. E-mail: genarozenberg@yandex.ru.

свою мысль[1]. Чтобы речь не была «кривой», надо не только знать слова и их смысл, но и уметь с ними обращаться. Особое содержание эта пословица приобретает при знакомстве с научными текстами (например, о недопустимом использовании экологических понятий: «экосистема Сбербанка», «экология культуры», «популяции организаций» и пр. – я уже неоднократно высказывался [Розенберг 2010б; 2020; 2021]). И в этом смысле новый энциклопедический словарь профессора В. В. Снакина, несомненно, вносит свой вклад в унификацию научной терминологии, дает системное представление об общей, эволюционной, глобальной и социальной экологии, устойчивом развитии, воздействии климатических изменений и пр. Особый интерес и, если хотите, «экологический шарм» этой работе придает тот факт, что В. В. Снакин[2] в начале XXI в. занял «словарную нишу» [Снакин и др., 1995; Снакин 2000; 2001; 2007; 2008; 2014; Дежкин, Снакин 2003; Снакин, Акимов 2004; Бобров и др. 2013]. На один из словарей [Снакин 2008] я уже писал рецензию [Розенберг 2010а]. Добавим сюда же словари по глобалистике [Мазур и др. 2003; 2006; Глобалистика... 2012], нишу которых в последней четверти XX в. полноправно и достойно занимал крупный отечественный эколог профессор Н. Ф. Реймерс [Каверин 2020].

Рецензируемый энциклопедический словарь «Экология, глобальные природные процессы и эволюция биосферы»[3], содержащий около 11 тысяч статей, открывается четырехстраничным Предисловием, особенностью которого является с десяток конкретных вопросов, одно перечисление которых дает представление о масштабе проведенного автором обобщения [Снакин 2020: 3–5].

- Что есть прогресс, а что регресс?
- Что ждет человечество завтра?
- В каком направлении развивается биосфера?
- Насколько достоверны выводы на основании этих ничтожных по длительности в сравнении с историей Земли и биосферой наблюдений?
- В чем причины тех следствий, которые мы наблюдаем в природе?
- Насколько реальны апокалиптические предупреждения из работ Римского клуба?
- Погубит ли человечество себя на Земле или его ждет миссия заселения Вселенной?
- Реализуется ли идея ноосферы, или это очередной миф, и человек исчезнет, как его многочисленные предшественники в цепочке эволюции?
- Действительно ли отмечаемый в последние десятилетия рост температуры поверхности планеты представляет собой глобальный необратимый процесс, вызванный деятельностью человека?
- Или это обусловленный флуктуацией солнечной активности всплеск тепла на фоне глобального похолодания?

---

[1] Словарный запас Уильяма Шекспира, как известно, составлял около 25 тыс. слов (причем 3 тысячи были им придуманы).

[2] Замечу также, что В. В. Снакин в составе коллектива авторов стал лауреатом премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники за 2004 г. за разработку экологических и природно-ресурсных атласов России (Постановление Правительства РФ от 2 марта 2005 г. № 109).

[3] Следует отметить, что рецензируемый словарь уже стал предметом рассмотрения в работах [Рыбальский 2020; 2021].

• Если говорят о таянии ледников, повышении уровня Мирового океана, то как это сочетается с данными об увеличении площади суши на планете за последние 30 лет?

• Насколько научно обоснованы эти методы (генная инженерия, искусственный интеллект), каковы последствия их применения – вопросы, также требующие понимания.

Многие из этих вопросов носят дискуссионный характер и далеки от ответа, но, по мнению автора [Снакин 2020: 6], «настало время обобщить, хотя бы на уровне феноменологическом, достижения в области изучения глобальных природных процессов, совместив их с новыми научными материалами и воззрениями на эволюционные процессы в природе». Фундаментальность подхода автора к решению этой непростой задачи и демонстрирует рецензируемый словарь.

Писать рецензию на словарь (будь то коллективный труд, а тем более – субъективно-индивидуальный) – задача, как говаривал классик, «архисложная». Вспомним афоризм выдающегося британского поэта и лексикографа Сэмюэла Джонсона [1709–1784]: «Dictionaries are like watches; the worst is better than none, and the best cannot be expected to go quite true. – Словари подобны часам; худшие лучше, чем никакие, и нельзя ожидать, что лучшие окажутся полной истиной». В предыдущей рецензии на словарь В. В. Снакина [Розенберг 2010а] я уже говорил об этом; повторюсь, кроме субъективного подхода к написанию словаря как к своеобразной форме монографии «на заданную тему», имеется и другая причина, по которой трудно рецензировать экологические словари, – это современная расплывчатость (если не сказать размазанность) самих понятий «экология», «глобальная экология», «глобалистика» и ряда других.

Пятая часть XXI в. уже прошла; в конце она ознаменовалась пандемией COVID-19, что несколько «отодвинуло» на второй план собственно экологию, которая повсеместно в мире стала восприниматься в качестве важнейшей фундаментальной науки (хотя любая пандемия вправе рассматриваться как глобальная экологическая проблема). Но экологические проблемы XXI в. остались с нами, и энциклопедический словарь В. В. Снакина лишь подчеркивает их. Такие статьи, как «Возобновимые природные ресурсы», «Невозобновимые природные ресурсы» – проблемы их рационального использования и исчерпания, «Биоразнообразие» – проблемы безвозвратной утраты, «Народонаселение» – проблемы экспоненциального роста, «Загрязнение», ведут к переосмыслению нашего отношения к природе, к новому пониманию целей и стратегии развития цивилизации. Именно «глобальная экология», которая «в настоящее время находится в стадии активного становления, формулирования основных понятий и законов» [Снакин 2020: 101], призвана вскрыть механизмы и просчеты взаимоотношений человека с природой, наметить направления совершенствования природопользования и экономики в целом.

Совершенно очевидно, что В. В. Снакин не «просто так» привлекался к написанию ряда статей в энциклопедии по глобалистике. Его ви́дение процессов в глобальной экологии созвучно представлениям наших ведущих глобалистов [Мамедов, Чумаков 2009; Чумаков 2013]. В частности, А. Н. Чумаков пишет: «Рассматриваемая идея эволюции отношений общества и природы базируется на новом понимании закономерностей, определивших возникновение и развитие

на земной поверхности органического, а впоследствии и социального мира. Результатом же взаимодействия живой и неживой природы стало качественно новое состояние литосферы, гидросферы и атмосферы Земли, что нашло отражение в таких синтетических понятиях, как “биосфера” и “ноосфера”, а их введение в научный обиход и философское обоснование этих терминов стало важным шагом вперед в понимании преобразованной природы» [Чумаков 2013: 29–30]. А вот цитата из статьи «Ноосфера» рецензируемого словаря; «В эпоху Н. [ноосферы] возрастающая деятельность человека не должна противоречить развитию природы» [Снакин 2020: 279], и из статьи «Коэволюция биосферы и человечества»: «Однако следует заметить, что эволюция биосферы и ее составной части – человечества, происходит согласно единым законам функционирования природы, и если человечество не будет соответствовать этим законам, оно рискует оказаться вне биосферы» [Там же: 213]. Близко и по смыслу, и по духу.

Кстати, здесь можно «прицепиться» к автору и попенять В. В. Снакину на «излишнюю доверчивость» к авторитетам. Н. Н. Моисеев представлял возникновение ноосферы как результат коэволюции природы и общества [Моисеев 1990; 1998]. Ошибочность такой интерпретации очевидна. Коэволюция – это не параллельное развитие, а прежде всего взаимная адаптация. В этом случае коадаптировать (коэволюционировать) могут только виды разных трофических уровней (хозяин – паразит, хищник – жертва). В ходе таким образом представленной эволюции происходят дифференциация экологических ниш и плотная упаковка видов сообщества в эти ниши. Человечество, наконец, пришло к выводу, что оно должно соизмерять свою деятельность с законами природы, чтобы сохраниться как виду. Это еще как-то можно назвать адаптацией. *Но никаких признаков адаптации Природы к человеческой деятельности просто нет*. Единственный ответ ее – деградация. Даже при большом желании разрушение невозможно превратить в эволюцию. Следует учитывать и еще один немаловажный факт. Антропогенные системы имеют примитивную структуру, устойчивость их по сравнению с естественными – мала. Без постоянной заботы человека они в лучшем случае замещаются естественными ценозами (например, «поглощение» железной дороги через бразильскую сельву). Речь идет, конечно, не об эволюционном переходе биосферы в новое качественное состояние, а о замещении биосферы техносферой [Краснощеков, Розенберг 1998; Данилов-Данильян 1998; Розенберг и др. 1999].

Самый простой способ критиковать энциклопедический словарь – это обсуждать список персоналий. Но здесь действует так называемый «эффект запечатления», и никуда не уйти от субъективности. Поэтому в рецензируемом словаре достаточно много почвоведов и заметно меньше, например, гидробиологов (по основному образованию В. В. Снакин – инженер-физико-химик, работавший в области почвоведения и экологии). И все-таки двух крупнейших экологов XX в. хотелось бы видеть в этой энциклопедии – испанского гидробиолога и эколога Рамона Маргалефа (Margalef [i López], Ramón) и американского эколога Роберта Мак-Артура (MacArthur, Robert Helmer). Мне кажется, что очень уж кратко представлен в энциклопедии младший из братьев Одумов – Говард (Howard Thomas Odum), чей вклад в глобальную экологию (например, представления об «эмергии») трудно переоценить [Розенберг 2014; 2017]. Но все это, повторюсь, – вкусовщина.

Рецензируемое издание – это, несомненно, удача профессора Валерия Викторовича Снакина. Энциклопедический словарь, изданный под эгидой Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Института фундаментальных проблем биологии РАН, отличают прекрасная полиграфия, высокое качество иллюстративного материала, взаимоувязанность, лаконичность и научная обоснованность статей, дающих представление о широком спектре понятий по экологии и других связанных с ней («пограничных») наук (статьи сопровождаются ссылками на литературу, список которой включает 442 наименования), информация о международных организациях по охране природы (и иной близкой деятельности) и наиболее распространенных аббревиатурах экологических и природоохранных терминов и организаций (в русском и англоязычном вариантах).

Не случайно на III Международном отраслевом конкурсе изданий для вузов «Университетская книга – 2020» по направлению «Здоровье и безопасность» энциклопедический словарь получил диплом в номинации «Лучший издательский проект», а на IX Общероссийском конкурсе изданий для высших учебных заведений «Университетская книга – 2020» был отмечен грамотой в номинации «Лучшее справочное издание». Все это делает данное издание важным элементом современного экологического образования, и оно вполне может стать настольной книгой и удобным справочно-учебным пособием для широкого круга читателей (в полном соответствии с моим любимым высказыванием Йозефа Швейка «Заняться, простите за выражение, самообразованием» [Гашек 1956: 458]).

Я начал рецензию с двух русских пословиц, поэтому закончу ее еще одной цитатой: «Каждая культура уникальна, неповторима, она обособляет тот народ, который является ее носителем, и непременно стремится к укреплению своих позиций, в явной и неявной форме противоборствуя с другими культурами. В то же время стержень любой культуры – естественный язык, а потому борьба за укрепление его позиций и более высокое положение среди других языков всегда будет протекать в контексте противостояния отдельных культур. По мере нарастания глобализации острота противоречий может только усиливаться, поскольку глобализация не только унифицирует отношения, но и обнажает имманентно присущие различным культурам разногласия, сокращая дистанцию между ними, которую они сохраняли веками, отстаивая свою самобытность и неповторимость» [Чумаков 2015]. Энциклопедический словарь В. В. Снакина вносит свою лепту в утверждение русскоязычной научно-экологической терминологии.

Литература

Бобров А. Л., Бобылев С. Н., Думнов А. Д., Кривичев А. И., Максимов Ю. И., Малинников В. А., Медведева О. Е., Палт М. В., Папенов К. В., Сидоренко В. Н., Снакин В. В. Словарь-справочник по экономике природопользования для студентов экономических специальностей. М. : РГ-Пресс, 2013.

Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны. М. : Госиздат худож. лит-ры, 1956.

Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / гл. ред. И. В. Ильин, И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М. : Альфа-М, 2012.

Данилов-Данильян В. И. Возможна ли «коэволюция природы и общества»? // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 15–25.

Дежкин В. В., Снакин В. В. Заповедное дело: Толковый терминологический словарь-справочник с комментариями. М. : НИА-Природа – РЭФИА, 2003.

Каверин А. В. К 90-летию проф. Николая Федоровича Реймерса // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2020. № 4. С. 80–83.

Краснощеков Г. П., Розенберг Г. С. К понятию среды обитания // Любищевские чтения, 1998. Ульяновск : УлГПУ, 1998. С. 36–39.

Мазур И. И., Чумаков А. Н., Снакин В. В., Агаджанян Н. А. и др. Глобалистика: Международный энциклопедический словарь. М.; СПб; Нью-Йорк : ИЦ «Элима»; ИД «Питер», 2006.

Мазур И. И., Чумаков А. Н., Снакин В. В., Кацура А. В. и др. Глобалистика : Энциклопедия. М. : Радуга, 2003.

Мамедов Н. М., Чумаков А. Н. Этика окружающей среды и устойчивое развитие: российский подход // Биология в школе. 2009. № 5. С. 36–42.

Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М. : Молодая гвардия, 1990.

Моисеев Н. Н. Еще раз о проблеме коэволюции // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 26–32.

Розенберг Г. С. Рецензия на книгу: Снакин В. В. Экология и природопользование в России: Энциклопедический словарь. (М. : Academia, 2008. 816 с.) // Биосфера. 2010а. Т. 2. № 1. С. 177–181.

Розенберг Г. С. Еще раз к вопросу о том, что такое «экология»? // Биосфера. 2010б. Т. 2. № 3. С. 324–335.

Розенберг Г. С. Энергия, экология и экономика. К 40-летию выхода статьи и 90-летию со дня рождения Говарда Т. Одума. Перевод и комментарии // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2014. Т. 23. № 4. С. 6–19.

Розенберг Г. С. Энергия, экология и экономика // Энергия: экономика, техника, экология. 2017. № 2. С. 34–41.

Розенберг Г. С. Экосистемы в бизнесе: что стоит за словами и куда это может привести? // Биосфера. 2020. Т. 12. № 4. С. 161–167.

Розенберг Г. С. Техноценозы, бизнес-экосистемы, популяции всего, что есть, или еще раз про «чистоту рядов» // Акценты. Новое в массовой коммуникации (Альманах). 2021. Вып. 1–2 (176–177). С. 58–62.

Розенберг Г. С., Мозговой Д. П., Гелашвили Д. Б. Экология. Элементы теоретических конструкций современной экологии: учеб. пособие. Самара : Самар. НЦ РАН, 1999.

Рыбальский Н. Г. Глобальные природные процессы и судьба цивилизации // Век глобализации. 2020. № 4. С. 90–96.

Рыбальский Н. Г. Новый синтез экологических знаний // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2021. № 1. С. 94–97.

Снакин В. В. Экология и охрана природы: Словарь-справочник / под ред. А. Л. Яншина. М. : Academia, 2000.

Снакин В. В. Природные ресурсы и окружающая среда: Словарь-справочник. М. : НИА-Природа – РЭФИА, 2001.

Снакин В. В. Экология и природопользование: Энциклопедический словарь. М. : RusConsulting Group МПР России, 2007.

Снакин В. В. Экология и природопользование в России: Энциклопедический словарь М. : Academia, 2008.

Снакин В. В. Глобальные экологические процессы и эволюция биосферы: Энциклопедический словарь. М. : Academia, 2014.

Снакин В. В. Экология, глобальные природные процессы и эволюция биосферы. Энциклопедический словарь. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2020.

Снакин В. В., Акимов В. Н. Термины и определения в сфере водных ресурсов. М. : НИА-Природа, 2004.

Снакин В. В., Пузаченко Ю. Г., Макаров С. В., Добрынина Н. Г., Алябина И. О., Кречетов П. П., Пузаченко А. Ю., Гусева Т. В. Толковый словарь по охране природы. М. : Экология, 1995.

Чумаков А. Н. Ноосфера В. И. Вернадского: философское и естественнонаучное содержание // Вестник Моск. ун-та. Сер. XXVII. «Глобалистика и геополитика». 2013. № 1. С. 27–37.

Чумаков А. Н. Язык как средство коммуникации и решения проблем в глобальном мире // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 7–8.

References

Bobrov A. L., Bobylev S. N., Dumnov A. D. *et al.* Slovar'-spravochnik po ekonomike prirodopol'zovaniya [Dictionary Handbook of Environmental Economics for Students of Economics]. Moscow : RG-Press, 2013.

Hasek J. Pohozhdeniya bravogo soldata Shvejka vo vremya mirovoj vojny [The Adventures of the Brave Soldier Švejk During the World War]. Moscow : State Publishing House of Art. literature, 1956.

Globalistika. Personalii, organizatsii, trudy. Entsiklopedicheskiy spravochnik [Globalistics. Personalities, Organizations, Works. Encyclopedic Reference Book] / ed. by I. V. Il'in, I. I. Mazur, A. N. Chumakov. Moscow : Al'fa-M, 2012.

Danilov-Danilyan V. I. Vozmozhna li "koevoljucija prirody I obshchestva"? [Is "Co-Evolution of Nature and Society" Possible?] // Voprosy filosofii. 1998. No. 8. Pp. 15–25.

Dezhkin V. V., Snakin V. V. Zapovednoe delo: Tolkovyj slovar-spravochnik s kommentarijami [Nature Reservation: Explanatory Terminological Dictionary with Comments]. Moscow : NIA-Priroda, 2003.

Kaverin A. V. K 90-letiyu prof. Nikolaya Fedorovicha Rejmersa [On the 90th Anniversary of prof. Nikolai Fedorovich Reimers] // Ispol'zovanie I ohrana prirodnyh resursov v Rossii. 2020. No. 4. Pp. 80–83

Krasnoshchekov G. P., Rosenberg G. S. K ponyatiyu sredy obitaniya [On the Concept of Habitat] // Lyubishchevskie chteniya, 1998. Ulyanovsk : UlGPU, 1998. Pp. 36–39.

Mazur I. I., Chumakov A. N., Snakin V. V. *et al.* Globalistika: Mezhdunarodnyj enciklopedicheskij slovar' [Globalistics: International Encyclopedic Dictionary]. Moscow; St. Petersburg – New York : Elima; Piter, 2006.

Mazur I. I., Chumakov A. N., Snakin V. V. *et al.* Globalistika: Enciclopedia [Globalistics: Encyclopedia]. Moscow : Raduga, 2003.

Mamedov N. M., Chumakov A. N. Etika okryzhayushchej sredy I ustojchivoe razvitie; rossijskij podhod [Environmental Ethics and Sustainable Development: The Russian Approach] // Biologiya v shkole. 2009. No. 5. Pp. 36–42.

Moiseev N. N. Chelovek i noosfera [Human and the Noosphere]. Moscow : Molodaya gvardiya, 1990.

Moiseev N. N. Eshche raz o probleme koevolyutsii [Once Again on the Problem of Co-evolution] // Voprosy filosophii. 1998. No. 8. Pp. 26–32.

Rosenberg G. S. Recenziya na knigu [Book review: V. V. Snakin. Ecology and Nature Management in Russia: Encyclopedic Dictionary. (Moscow: Academia, 2008)] // Biosfera. 2010a. Vol. 2. No. 1. Pp. 177–181.

Rosenberg G. S. Eshche raz k voprosu o tom, chto takoe "ecologiya"? [Once Again to the Question of What is "ecology"?] // Biosfera. 2010b. Vol. 2. No. 3. Pp. 324–335.

Rosenberg G. S. Energiya, ekologiya I ekonomika [Energy, Ecology and Economics. To the 40th Anniversary of the Publication of the Article and the 90th Anniversary of the Birth of Howard T. Odum. Translation and Commentary] // Samarskaya Luka: problemy regional'noj i global'noj ekologii. 2014. Vol. 23. No. 4. Pp. 6–19.

Rosenberg G. S. Energiya, ekologiya I ekonomika [Energy, Ecology and Economics] // Energiya, ekonomika, tehnika, ekologiya. 2017. No. 2. Pp. 34–41.

Rosenberg G. S. Ekosistemy v biznese [Ecosystems in Business: What is Behind the Words and Where Can it Lead?] // Biosfera. 2020.Vol. 12. No. 4. Pp. 161–167.

Rosenberg G. S. Tehnotsenozy, biznes-ecosistemy, populyatsii vsego, chto est', ili eshcho raz pro "chistoty ryadov" [Technocenoses, Business Ecosystems, Populations of Everything That is, or Once Again About the "Purity of Rows"] // Aktsenty (Al'manah) [Accents. New in Mass Communication (Almanac)]. 2021. Issue 1–2 (176–177). Pp. 58–62.

Rosenberg G. S., Mozgovoy D. P., Gelashvili D. B. Ekologiya. Elementy teoreticheskih konstrukcij sovremennoj ekologii [Ecology. Elements of Theoretical Constructions of Modern Ecology]: textbook. Samara : Samar. NTs RAN, 1999.

Rybalsky N. G. Global'nye prirodnye processy i sud'ba tsivilizatsii [Global Natural Processes and the Fate of Civilization] // Vek globalizatsii. 2020. No. 4. Pp. 90–96.

Rybalsky N. G. Novyj sintez ekologicheskih znanij [New Synthesis of Ecological Knowledge] // Ispol'zovanie i ohrana prirodnyh resursov v Rossii. 2021. No. 1. Pp. 94–97.

Snakin V. V. Ekologija i ohrana prirody: Slovar'-spravochnik [Ecology and Nature Protection: Dictionary-Reference Book] / ed. by A. L. Janshin. Moscow : Academia, 2000.

Snakin V. V. Prirodnye resursy i okruzhayuschaya sreda [Natural Resources and Environment: Encyclopedic Dictionary] / ed. by V. N. Lopatin, N. G. Rybalsky. Moscow : NIA-Priroda – REFIA, 2001.

Snakin V. V. Ekologiya I prirodopol'zovznie: Entsiklopedicheskij slovar' [Ecology and Nature Management: Encyclopedic Dictionary]. Moscow : RusConsulting Group of the Ministry of Natural Resources of Russia, 2007.

Snakin V. V. Ekologija i prirodopol'zovanie v Rossii [Ecology and Nature Management in Russia: Encyclopedic Dictionary]. Moscow : Academia, 2008.

Snakin V. V. Global'nyye ekologicheskiye protsessy i evolyutsiya biosfery: Entsiklopedicheskiy slovar' [Global Ecological Processes and Evolution of the Biosphere: An Encyclopedic Dictionary]. Moscow : Academia, 2014.

Snakin V. V. Ekologija, global'nye prirodnye processy i evoluciya biosfery: Entsiklopedicheskiy slovar' [Ecology, Global Natural Processes and Evolution of the Biosphere: Encyclopedic Dictionary]. Moscow : MSU Publishing House, 2020.

Snakin V. V., Akimov V. N. Terminy i opredeleniya v sfere vodnyh resursov [Terms and Definitions in the Field of Water Resources]. Moscow : NIA-Priroda, 2004.

Snakin V. V., Puzachenko Ju. G., Makarov S. V. *et al.* Tolkovyj slovar' po ohrane prirody [Explanatory Dictionary for Nature Conservation]. Moscow : Ekologiya, 1995.

Chumakov A. N. Noosfera Vernadskogo: filosofskoe I estestvennonauchnoe soderzhanie [Noosphere V. I. Vernadsky: Philosophical and Natural Science Content] // Bulleten' Moskovskogo Universiteta. Series XXVII. Global Studies and Geopolitics. 2013. No. 1. Pp. 27–37.

Chumakov A. N. Jazyk kak sredstvo kommunikatsii i resheniya problem v global'nom mire [Language as Means of Communication and Problem Solving in the Global World] // Voprosy filosophii. 2015. No. 12. Pp. 7–8.

В МИРЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ГЛОБАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ КАК «МЯГКОЙ СИЛЫ»*

Махаматов Т. М., Касимова З. Г.**

В статье анализируется проблема взаимосвязи культурной дипломатии как составной части политики «мягкой силы» и глобальной цивилизации. Авторы на основе исследования особенностей роли и значений культурной дипломатии в международных отношениях приходят к выводу, что эффективность культурной дипломатии и, в частности, политики «мягкой силы» находится в определенной зависимости от уровня цивилизованности субъектов современного глобализирующегося человечества. Отталкиваясь от концепций «глобальной (мировой) цивилизации» А. Н. Чумакова, исторических уровней цивилизации З. М. Оруджева и единых принципов цивилизаций современного китайского философа Чун-ин Чена, авторы раскрывают воздействие культуры и цивилизации на развитие друг друга, обосновывают объективность и необходимость формирования глобальной цивилизации как системы единых общечеловеческих принципов и ценностей.

Ключевые слова: *культурная дипломатия, политика «мягкой силы», имидж государства, глобальная цивилизация, исторические этапы цивилизации.*

GLOBAL CIVILIZATION AND EFFICIENCY OF CULTURAL POLICY AS A SOFT POWER

The article analyzes the problems of the relationship between cultural diplomacy as an integral part of the "soft power" policy and global civilization. Basing on the study of the role and significance of cultural diplomacy in international relations, the authors come to the conclusion that the efficiency of cultural diplomacy, and of the "soft power" policy, in particular, depends to a certain degree on the

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований («Культурно-философские основания китайско-российского сотрудничества»), проект № 19-511-93002.

** Махаматов Таир Махаматович – д. ф. н., профессор Финансового университета при Правительстве РФ, профессор Дипломатической академии Министерства иностранных дел РФ. E-mail: makhamatov.tair@mail.ru.

Makhamatov, Tair M. – Doctor of philosophy, Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: makhamatov.tair@mail.ru.

Касимова Зилола Гуломиддин кызы – доктор философии (Ph.D.), Ташкентский государственный университет востоковедения. E-mail: falsafa2009@gmail.com.

Kasimova, Zilola G. – Ph. D., Tashkent State University of Oriental Studies. E-mail: falsafa2009@gmail.com.

level of civilization of the actors of the modern globalizing humanity. Proceeding from the concepts of "global (world) civilization' introduced by Alexander Chumakov, to historical levels of civilization by Zaid M. Orujev and to the common principles of civilizations of the modern Chinese philosopher Chun-ying Chen, the authors reveal the mutual interaction between culture and civilization, substantiate the objective necessity for the formation of a global civilization as a system of common universal principles and values.

Keywords: *cultural diplomacy, soft power policy, state image, global civilization, historical stages of civilization.*

Введение

Новый этап глобализации – неоглобализация – отличается множеством противоречивых процессов и тенденций. Одним из таких противоречий диалектического характера является объективное взаимодействие между культурной политикой как составной частью «мягкой силы» в международных отношениях и уровнем цивилизованности глобализирующегося мира, или «глобальной (мировой) цивилизацией» [Чумаков 2018]. В этом противоречии раскрывается объективная зависимость эффективности культурной политики от состояния цивилизации в международных отношениях.

На этапе неоглобализационного процесса наблюдается стремление каждого народа, каждой нации посредством культурной политики демонстрировать уровень эволюции своего самопознания, свою уникальность, национально-этническую идентичность и формировать культурно-цивилизованный имидж своего государства. В то же время противоречивое углубление и расширение глобализации раскрывает необходимость демократического единения стран мира для достижения единой общечеловеческой конечной цели. Как свидетельствуют исследования В. М. Бондаренко, И. А. Алешковского, И. В. Ильина, «будущее основано на принципе единства человеческого сообщества, имеющего общее целеполагание, общую ценность и жизненную мотивацию выхода на новый путь развития всего мирового сообщества и каждого конкретного человека в отдельности» [Бондаренко и др. 2019: 37]. В осуществлении такой цели оказывает позитивное содействие проводимая Россией, Китаем, Японией, Узбекистаном и многими другими государствами мира культурная дипломатия, которая служит формированию позитивного имиджа каждой страны [Касимова 2021]. Но она способствует также образованию общемировой цивилизации, недостаток которой проявляется в двойных стандартах, попытках навязывать единый критерий демократичности, культурности и цивилизованности, применяемых Западом к странам незападного мира.

Поэтому вслед за А. Н. Чумаковым следует особо подчеркнуть, что «в понимании культуры и цивилизации настало время выявить их реальное единство и различие. Но что еще более важно – надо *развеять миф о множественности цивилизаций,* так как это «блокирует» понимание истории как единого, целостного процесса, каковым он на самом деле и является, если мыслить в масштабах всего человечества [Чумаков 2021: 300–301].

Проблемы национальной культуры как «мягкой силы» в международной политике

Культура любого народа заключает в себе его историю, уровень материальных, духовных достижений и его отличие от других национально-этнических групп [Тросби 2013; Бёрк 2015]. На определенном уровне исторической эволюции национальной культуры в ней формируются элементы гуманизма и антропоцентризма, то есть складываются зачатки цивилизации.

С началом этапа неоглобализации наблюдается, что если отношения между странами обостряются и переговоры заходят в тупик, культурная дипломатия становится одним из ключевых факторов международного сотрудничества, мирного разрешения экономических и политических споров. Как неотъемлемая часть политики «мягкой силы» она включает передовые идеи, информацию о произведениях искусства, истории, образе жизни народа стран и других компонентах культуры, что способствует укреплению взаимопонимания между государствами и народами [Waller 2009: 107].

Применение политики «мягкой силы» опирается на определенные методы, которыми «могут быть: – во-первых, методы альтернативной дипломатии (публичная, гражданская, культурная дипломатии, деятельность НПО); – во-вторых, гуманитарные методы и реализация гуманитарных проектов. Россия может и должна конкурировать в глобальном мире посредством повышения качества образования, науки, культуры и здравоохранения, достижений национального спорта» [Леонова 2020: 118].

В условиях глобальных трансформаций расширяется роль культуры в широком ее значении, как составной части политики «мягкой силы»: она начинает оказывать существенное влияние на международные социально-экономические процессы и отношения [Чумаков 2011]. Культурная дипломатия как инструмент внешней политики способствует установлению дружеских и культурно-гуманитарных связей между государствами, общественными организациями и людьми, популяризации содержания и сути достижений страны за рубежом, налаживанию межгосударственного сотрудничества [Митрофанова 2019].

В условиях процветания науки и технологий, либерализации торговли, интеграции социальных, экономических и политических процессов в мире развитые страны в своих внешнеполитических стратегиях пытаются использовать «мягкую силу» в росте позитивного имиджа своих государств на основе культурной дипломатии. Кроме этого, как пишет О. Г. Леонова, «феномен “мягкой силы” – это универсальный способ для любой страны использовать свою привлекательность и убеждение для достижения своих внешнеполитических целей без высоких издержек и риска, свойственных политике “жесткой силы”». Она считает, что в настоящее время не размер государства определяет степень его успешности на международной арене, «а количество и качество ресурсов “мягкой силы”, а также степень эффективности их использования» [Леонова 2020: 105].

Эффективность реализации стратегии культурной дипломатии современными государствами находится в прямой зависимости от уровня развития производственной, политической, изобразительной и других форм национальной культуры в широком ее смысле, а также от финансово-экономического, политического и военного потенциала страны. В этом отношении опыт КНР очень примечателен,

о чем пишут китайские и зарубежные исследователи [Ван Хунин 1993; Чжао Сичжен 2011; Jian Wang 2011; Xin Liu 2020; Barr 2015; Sheng Ding 2008; Ho Wai-Chung 2018; D`Hooghe 2014; Deepak 2018].

Ярким примером эффективного использования Китаем исторических достижений материальной и духовной культуры в культурной дипломатии можно считать широкое распространение институтов Конфуция по всему миру. К другой форме публичной дипломатии, которую осуществляет Китай, отнесена «панда-дипломатия». Ее суть заключается в том, что большую панду, национальный символ КНР, преподносят в качестве подарка зоопаркам зарубежных стран. Китайская Народная Республика разработала собственные средства публичной дипломатии с целью формирования позитивного имиджа в глазах общественности многих стран от Азии до Америки.

Следует отметить еще очень интересный и поучительный компонент китайской культурной дипломатии – это перевод на китайский язык произведений классиков литературы и философии других стран, в том числе и России. Этот факт свидетельствует об открытости китайской культурной политики для сотрудничества с другими государствами в области духовной культуры. Следовательно, концепция «Один пояс – один путь» заключает в себе не только торгово-экономическую задачу, но и широкую стратегическую философию познания достижений духовной культуры своих партнеров.

Перед китайскими дипломатами поставлены три задачи по продвижению концепции «Один пояс – один путь» и положительного имиджа Китайской Народной Республики. Первая задача – устранить сомнения и недопонимание сущности международной политики Китая, повысить уровень признания программы; вторая задача – укрепление стратегического доверия между странами – участницами данной концепции; третья задача – распространить в мировом сообществе представление о том, что Китай – «гуманное общество с общей судьбой» [Zhang, Yan 2016], что проявляется в действенном интересе Китая к изучению истории культуры и культурной политики других стран [Теория… 2020].

В Китае культура и пропаганда традиционной китайской культуры на международной арене рассматриваются как средство сохранения национальной идентичности в условиях глобализации. Целью внутренней культурной политики является построение вбирающего в себе все лучшие достижения мировой культуры «социалистического культурного государства» и обеспечение его конкурентоспособности в мире. Она включает в себя комплекс мероприятий, направленных на повышение уровня образованности китайского народа, воспитание молодежи в духе патриотизма, создание системы преемственности культурных традиций. В не всегда объективном в своей оценке рейтинге *Portland Communication «Top-30»* в 2018 г. по оценке имиджа стран Китай занял 27-е место, опередив Россию на 1 пункт [Леонова 2020].

Однако на международной арене национально-культурные ценности незападных стран сталкиваются с проблемами их адекватного восприятия и понимания государствами Западной Европы. Еще в XVII–XVIII вв. достижения материальной и духовной культуры стран Востока в Европе воспринимались через призму христианства и западноевропейской культуры. Например, И. А. Фролова отмечает, что французский миссионер в Китае в конце XVII – начале XVIII в. Иохим

Буве «пытался обнаружить связь между библейскими и доконфуцианскими текстами. В итоге Буве пришел к выводу, что в древние времена китайцы обладали истинной христианской верой. Следы христианских истин он пытался обнаружить в китайских классических текстах, которые были гораздо древнее Библии» <…> Поразительно, как Буве интерпретирует многие факты, – пишет И. А. Фролова, – исходя из знаний и символики собственной культуры» [Фролова 2020: 258, 262].

Примерно так же происходит в настоящее время – культура незападных стран западным миром не всегда оценивается по объективным критериям [Barr 2015; Махаматов 2020] и рассматривается как *отсталая, недоразвитая до уровня Запада цивилизация*. Такая ситуация связана отчасти с отождествлением культуры и цивилизации и еще недостаточным уровнем развития ценностей и принципов общечеловеческой глобальной цивилизации у многих политиков западного мира. Как пишет А. Н. Чумаков, «недооценка как культурного разнообразия, так и цивилизационного единства мирового сообщества все еще продолжает оставаться доминирующей линией поведения крупнейших государств современного мира» [Чумаков 2018: 30]. Глобальная цивилизация в своем становлении исходит из единого объективного стандарта оценки достигнутого уровня принципов гуманизма и антропоцентризма, равенства всех наций, народностей при их разнообразии, неповторимости и равноценности как результата материальной и духовной культуры каждого народа.

Современный дискурс о глобальной цивилизации

Концепция цивилизации как глобальной ценности, способной объединять все человечество в единый диалектический организм, раскрывающей человечность в человеке через призму разнообразия национальных культур, разрабатывается в основном З. М. Оруджевым [2009], А. Н. Чумаковым [2018], Чун-ин Ченом [2019].

Согласно З. М. Оруджеву, рождение цивилизации происходит на определенном уровне развития культуры, когда начинается «освоение человеком *социальной силы* (не общественной, каковой является, например, любая “лопата”, характеризующая *отношение человека к природе*, а социальной, относящейся к области *отношения человека к человеку*, усиливающего человека) на основе… “справедливого равенства”… Условием освоения социальной силы для утверждения цивилизации любого уровня является формула: *“свобода, равенство, справедливость”*» [Оруджев 2009: 382–383]. Хотя З. М. Оруджев не использует термин «глобальная цивилизация», но по содержанию его исследования понятно, что речь идет о цивилизации как об общечеловеческом достижении исторического развития человечества.

Можно сказать, что одним из первых авторов, кто сформулировал понятие «глобальная цивилизация» и выделил основные ценности и логику ее становления, является А. Н. Чумаков. На основе исследования противоречивой восходящей эволюции человечества и перспективы логики истории социального организма автор приходит к выводу, «что есть все основания говорить о единых для различных обществ цивилизационных признаках, которые рано или поздно проявляются у каждого народа, достигшего определенной зрелости в своем культурном развитии». Логика истории такова, «что единая цивилизация произрастает не

из какого-то одного центра, а проявляется везде, но при этом в каждом месте в свое время. …В конечном счете, стремится к глобальному охвату» [Чумаков 2021: 301, 302].

Близкую такой позиции мысль мы видим в работе известного современного китайского философа Чун-ин Чена. Он пишет, что «цивилизации развиваются в разных локусах на Земле (и, возможно, на некоторых планетах других “Солнечных систем” во Вселенной), они должны обладать некоторыми общими качествами и целями, как минимум волей к осуществлению жизни на коллективной основе и сохранению своей идентичности в творческом процессе своевременного возрождения, сотрудничества, взаимной адаптации и взаимообмена» [Чун-ин Чен 2019: 26].

Чун-ин Чен считает, что объединяющими основаниями цивилизаций разных народов является преодоление «невежества, которое состоит в игнорировании реальности и других людей, а не просто в отсутствии знаний», приоритет гуманности как сущности «конфуцианской моральной мудрости и практического разума», что является «творческим источником и ресурсом решения проблем» [Там же: 32, 41]. Однако китайский исследователь, в отличие от А. Н. Чумакова, не использует понятие глобальной цивилизации.

В этом же направлении, на наш взгляд, идет логика последних исследований Ю. Д. Гранина. Например, он считает, что в качестве «достаточно сложных социальных общностей “цивилизации” не следует отождествлять с “культурами”, но можно, подчеркивая их культурную разноликость, полагать… наличие “центрального ядра” цивилизации, состоящего из культурных смыслов, ценностей и норм совместного проживания» [Гранин 2020: 37]. Но автор не рассматривает проблему образования единой общечеловеческой цивилизации как сложного синтеза гуманистических начал в национально-культурных достижениях.

Общечеловеческая цель развития человеческого сообщества, которую исследуют В. М. Бондаренко, И. А. Алешковский, И. В. Ильин, по своему содержанию в действительности представляет основную сущность глобальной цивилизации, о чем было сказано выше. «Поиск общечеловеческой цели развития с мировоззренческих позиций показал, – пишут они, – что развитие человеческого сообщества происходит ради достижения единой конечной цели. А именно – удовлетворить высшую потребность, высшую ценность каждого конкретного человека: стать совершенным в физическом, интеллектуальном, духовном плане и иметь высокий уровень сознания. Получается, что высшей ценностью является сам человек и возможность достижения им совершенства» [Бондаренко и др. 2019: 37].

Однако такая «высшая ценность» этих авторов очень напоминает разумный эгоизм французских просветителей и Л. Фейербаха, так как отсутствует признание необходимости преодоления индивидуализма и эгоизма, понимания индивидом объективности общественной сущности человека. Вряд ли в таком понимании высшей ценности можно раскрыть общечеловеческую природу цивилизации. Но другая мысль авторов о том, что «будущее основано на принципе единства человеческого сообщества» [Там же], ближе к концепции глобальной цивилизации как объективной сущности глобального будущего человечества.

В своей недавней публикации Н. М. Мамедов рассматривает развитие гуманистических идей и их практическое воплощение как глобальный процесс, что

также можно рассматривать как один из факторов становления единой общечеловеческой цивилизации [Мамедов 2021].

Концепцию объективности формирования глобальной цивилизации через создание ее отдельных ценностей в эволюции локальных религиозно-этнических сообществ исследуют И. Р. Мамедзаде и Т. М. Махаматов. На основании своих исследований тюрко-мусульманской культурно-цивилизационной истории они приходят к выводу, «что каждое религиозно-этническое сообщество – тюрко-мусульманское, православно-славянское, католико-латиноамериканское, индо-буддийское и т. д. – вносит свой посильный вклад в формирование глобальной цивилизации» [Мамедзаде, Махаматов 2020: 43].

Исторические этапы становления глобальной цивилизации

Объективно-историческая обусловленность формирования глобальной цивилизации проявляется в возникновении в культуре разных народов разных регионов схожих цивилизационных ценностей. Первые признаки цивилизованности сообщества людей проявляются тогда, когда в них, наряду с осознанием необходимости защиты стабильности и целостности социального организма, возникают понятия гражданина, равенства, личности, нравственности, ценности человеческой жизни.

Формирование основных принципов и ценностей цивилизации в истории человечества происходило, согласно З. М. Оруджеву, поэтапно. Первоначально оно шло в рамках определенных национально-этнических образований и регионах мира, где начиналось, как отмечал К. Ясперс, «осевое время».

На первом историческом этапе, который имел место в Древней Греции и чуть позже в Древнем Риме, выделяется личность, появляется понятие гражданина, формируются отношения равенства между гражданами и уважительное отношение общества к свободе личности, то есть рождается первоначальная форма демократии. Самое главное – эти факторы закрепляются в *писаном публичном праве*, которое выступает, согласно З. М. Оруджеву, «первым уровнем цивилизации, и значение его в том, что оно является *первым ограничением силы, утверждением права человека вместо силы*. Писаное право являлось стабилизирующим фактором по отношению к достигнутым этическим нормам, правилам, которым подчинялось множество» [Оруджев 2009: 384]. То есть люди те или иные проблемы, возникающие между ними, решают не с помощью грубой физической силы, но на основе правовых законов.

В этот же период в древнегреческих полисах формируются первые элементы демократии. Эти факторы, будучи первыми зачатками цивилизованного общества, способствуют формированию нового рационально-логического способа мышления – философии. Рождение же философии конкретизирует и закрепляет в общественном сознании такие категории цивилизации, как дружба, добродетель, нравственность и др.

Однако здесь следует отметить неизбежную историческую ограниченность этого уровня цивилизации. Гражданские права, равенство и другие ценности цивилизации распространяются только на коренных жителей-граждан данного полиса-государства, что было предопределено самим ее генезисом и необходимой функцией сохранения целостности государства-полиса и его стабильности.

Начало второго исторического этапа становления цивилизации связано с формированием религиозного *принципа всеобщего равенства людей перед богом*, что остается одним из основных постулатов мировых религий – буддизма, христианства и мусульманства. На этом этапе диалектически «снимаются» ограниченности принципа равенства и других цивилизационных ценностей, что были выработаны Древней Грецией и Римом. Согласно священным книгам буддизма, христианства и ислама – Сутры, Евангелии и Корана, все люди, независимо от их расы, национальности, равны перед богом, все верующие должны соблюдать Заветы Бога, являются божьими творениями и лишить их жизни может только Бог.

Однако из-за примитивности и низкого уровня материального производства, всеобщей правовой анархии и неграмотности населения, перманентной борьбы между наследниками пророка Мухаммада в арабо-мусульманском мире новые цивилизационные принципы мировых религий оставались только морально-нравственными, философско-идеологическими положениями и не могли быть реализованы на практике.

Тем не менее цивилизационные ценности, выраженные в таких этических принципах, как «не убий», «не укради», «возлюби ближнего своего» и др., а также в требовании равенства *всех* перед Богом, постепенно проникали в сознание философов, деятелей культуры и благодаря их творчеству начали отпочковываться от религиозной оболочки, приобретать рационально-научный характер. Цивилизационные принципы Евангелия через призму принципов гуманизма и антропоцентризма эпохи Возрождения получали конкретизацию, дальнейшее понятийное и художественно-образное развитие, передавались в массы и подготавливали духовно-идеологическую основу европейской эпохи Просвещения, а затем и Великой французской революции.

Цивилизационные нормы и принципы, выработанные в эпоху Возрождения Микеланджело, Томасом Мором, Кампанеллой, Монтенем, Рабле, Мольером, Эразмом Роттердамским, Шекспиром, Сервантесом и другими гениями этого периода, в эпоху европейского Просвещения соединились с идеей прогресса. Можно сказать, что с этого периода идея прогресса становится субстанциальной основой дальнейшего развития цивилизационных начал во всех просвещенных государствах Европы.

Завершением эволюции второго этапа становления общечеловеческой цивилизации можно считать появление *конституций государств и свода правовых норм* общественно-политической жизни европейских стран как одного из основных признаков цивилизованности части человечества и определенный шаг в направлении общечеловеческой цивилизации.

Третий этап исторической эволюции цивилизации охватывает уже более широкий круг стран и регионов. Этот этап, согласно З. М. Оруджеву, обусловлен установлением господства стоимостных отношений, то есть *денег*. «Уравнивающая функция денег, – пишет автор, – сыграла здесь свою решающую цивилизационную роль…» [Оруджев 2009: 392]. Здесь З. М. Оруджев отчасти прав – в том, что действительно капиталистический способ производства, в основе которого находятся стоимостные отношения, начинает объединять все человечество, глобализирует его бытие. Однако трудно согласиться с утверждением З. М. Оруджева, что «деньги в форме финансового капитала», уравнивая «всех людей и их деятельности в их кастовых и сословных различиях, творчество всего предметного

мира… олицетворяют сегодня высшую ступень цивилизации, которой достигло развитие человечества» [Оруджев 2009: 392].

Во-первых, деньги – категория экономическая, всеобщий эквивалент в рыночной экономике, и они являются материализованной формой проявления количества абстрактного труда. Господство отношения стоимости означает господство *абстрактного равенства*, принципа *«незаменимых людей не бывает»*. Ценности же цивилизации связаны в первую очередь с признанием именно уникальности каждого индивида, с принципом *«каждый человек незаменим»* [Makhamatova *et al.* 2019: 215–224]. Поэтому не совсем правомерно применять господство денег для определения нравственности, справедливости, толерантности. Общеизвестно, что ради сверхприбыли, если переиначить слова К. Маркса, капиталист готов продать душу дьяволу.

Во-вторых, реальность социального положения в мире капитала такова, что господство финансового капитала усиливает социально-экономическое неравенство в обществе, нарушает принципы социальной справедливости. Об этом свидетельствуют глубокие исследования Дж. Стиглица, Э. Аткинсона, М. Сэндела и многих других [Аткинсон 2018; Стиглиц 2017; Сэндел 2013; Иглтон 2013].

Превращение денег в специфический товар финансового рынка усугубляет последствия глобальных финансово-экономических кризисов; деятельность крупных международных финансовых компаний усиливает мировое экономическое неравенство и подталкивает их политических представителей *к двойным стандартам* по отношению к своим конкурентам.

На наш взгляд, *третьим историческим уровнем и принципом цивилизации выступают основные ценности демократии и либерализма* в их взаимосвязи. Лозунг «Свобода, равенство, братство» французской революции связан с требованиями устранения феодальных оков, либерализации жизнедеятельности людей, права граждан требовать от государства защиты частной собственности, жизни и общественного порядка. Непоследовательность власти в реализации требований граждан приводит к тому, что политически активная часть граждан уже требует права участия в государственных делах посредством выбора представителей высших органов власти всеобщим голосованием.

Как пишет известный американский исследователь политической философии Марк Ф. Платтнер, «сегодня, где бы мы ни встречали либерализм (понимаемый как конституционное и ограниченное правительство, верховенство закона и защита индивидуальных прав), он почти всегда сочетается с демократией (понимаемой как выбор государственных должностных лиц всеобщим голосованием)» [Plattner 1999: 121]. Не деньги в форме финансового капитала, но либерализм в его социальной форме, не сведенный к крайнему индивидуализму, способствует расширению границ правового равенства и свободы, без чего капитал не смог бы развернуться [Крауч 2016].

В настоящее время именно недостаток либерализации и демократизации международных отношений на основе международного права и принципа объективности препятствует полноценной реализации культурной политики как «мягкой силы» в международных отношениях.

Как свидетельствует опыт современного Китая и Российской Федерации, дальнейшее развитие, углубление цивилизационных достижений современных субъектов глобализации и их вклад в глобальную цивилизацию зависят от политики либерализации общества в сочетании с демократией, от культурной, социальной политики и активизации институтов гражданского общества.

Заключение

На наш взгляд, процесс формирования глобальной цивилизации является сущностным составляющим общечеловеческого прогресса, той ценностью, которая, выражаясь словами Роберта Нисбета, «может быть затем переведена из разряда просто желаемой в исторически необходимую» [Нисбет 2007: 34].

Однако сегодняшние цветные революции, санкционные войны свидетельствуют, что *глобальная цивилизация, имеющая объективные основания своего образования*, не сможет стихийно сформироваться как целостная система. Такой процесс нуждается как в открытой, без двойных стандартов, политике субъектов международных отношений, так и в деятельности независимых от отдельных государств международных институтов ООН, Совета Безопасности, ЮНЕСКО и т. п. Только активная беспристрастная деятельность таких организаций сможет превратить гуманистические принципы и ценности цивилизации, достигнутые в отдельных странах и регионах, в общепланетарную норму взаимодействия народов на международной арене и объединить человечество в единое целое. Только в таком случае эффективность политики «мягкой силы», культурной дипломатии возрастет и достигнет своей цели в формировании положительного имиджа каждого национального государства, утверждения национальной идентичности и развития дружественных, взаимовыгодных и цивилизованных отношений с другими странами.

Быть цивилизованным обществом, государством означает быть им не только внутри своей страны, но и вне ее. Без понимания объективности единой глобальной цивилизации и необходимости совместного практического ее формирования не будет у человечества мирного и светлого будущего.

Литература

Аткинсон Э. Б. Неравенство: как с ним быть? М. : Дело, РАНХиГС, 2018.

Бёрк П. Что такое культурная история? М. : Изд. дом ВШЭ, 2015.

Бондаренко В. М., Алешковский И. А., Ильин И. В. Глобальные ценности в контексте понимания будущего России и мира // Век глобализации. 2019. № 1(29). С. 35–46.

Ван Хунин. Культура как национальная сила: мягкая сила // Известия Фиданского университета. 1993. № 3. С. 23–28 (на кит. яз.).

Гранин Ю. Д. «Цивилизация» и цивилизационная эволюция России // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 34–44.

Иглтон Т. Почему Маркс был прав. М. : Карьера Пресс, 2013.

Касимова З. Г. Формирование позитивного имиджа государства на основе культурной дипломатии (на примере опыта Японии и Китайской Народной Республики): автореф. дис. … д-ра философии (Ph.D.) по политическим наукам. Ташкент, 2021.

Крауч К. Как сделать капитализм приемлемым для общества. М. : Изд. дом ВШЭ, 2016.

Леонова О. Г. Динамика рейтинга «мягкой силы» России // Век глобализации. 2020. № 2. С. 104–118.

Мамедзаде И. Р., Махаматов Т. М. От религиозно-этнической цивилизации к глобальной: цивилизация тюрко-мусульманского мира // Век глобализации. 2020. № 4(36). С. 36–46.

Мамедов Н. М. Развитие гуманистических идей как глобальный процесс // Век глобализации. 2021. № 1(37). С. 19–31.

Махаматов Т. Т. Диалектика цивилизаций Запада и Востока в новом Великом Шелковом пути // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10. № 1. С. 47–53.

Митрофанова А. В. Духовно-нравственные ценности в современной России // Век глобализации. 2019. № 1(29). С. 96–111.

Нисбет Р. Прогресс: история идеи. М. : ИРИСЭН, 2007.

Оруджев З. М. Природа человека и смысл истории. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.

Стиглиц Д. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М. : Эксмо, 2017.

Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013.

Теория и практика российско-китайских отношений / отв. ред. А. Н. Чумаков, Ли Хэй. М. : Российский фонд фундаментальных исследований; Китайская академия общественных наук; факультет глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова, 2020.

Тросби Д. Экономика и культура. М. : Изд. дом ВШЭ, 2013.

Фролова И. А. Г. В. Лейбниц о задачах исследования духовных оснований китайской цивилизации и ее достижений // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». 2020. № 1(51). С. 254–266.

Чжао Сичжен. Народная дипломатия и связи между странами. Пекин: Изд-во народного ун-та Пекина, 2011 (на кит. яз.).

Чумаков А. Н. Культура в условиях глобальных трансформаций // Вестник Московского университета. Сер. XXVII. Глобалистика и геополитика. 2011. № 1–2. С. 105–121.

Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационные исследования: их роль и ценность в глобальном мире // Вестник Московского университета. Сер. XXVII. Глобалистика и геополитика. 2018. № 1. Январь-март. С. 30–44.

Чумаков А. Н. Путь в философию. Работы разных лет. М. : Проспект, 2021.

Чун-ин Чен. Моральное осмысление глобального кризиса: изучение гармонии и этики как решение // Век глобализации. 2019. № 3(31). С. 25–41.

Barr M. Chinese Cultural Diplomacy : Old Wine in New Bottles? London : Palgrave Macmillan, 2015.

Deepak B. R. China's Global Rebalancing and the New Silk Road. N. p. : Springer, 2018.

D`Hooghe I. China`s Public Diplomacy. Leiden : Brill, Nijhoff, 2014.

Ho Wai-Chung. Culture, Music Education, and the Chinese Dream in Mainland China. N. p. : Springer, 2018.

Jian Wang. Soft Power in China. Public Diplomacy Through Communication. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2011.

Makhamatova S. T., Makhamatov T. M., Makhamatov T. T. Dialectics of Equality and Justice in the Economic Theory of Karl Marx // Marx and Modernity. A Political and Economic Analysis of Social Systems Management. Charlotte : Information Age Publishing Inc., 2019. Pp. 215–224.

Plattner M. F. From Liberalism to Liberal Democracy // Journal of Democracy. 1999. July. Vol. 10. No. 3. Pp. 121–134.

Sheng Ding. The Dragon`s Hidden Wings. How China Rises With Its Soft Power. Lanham, MD : Lexington Books, 2008.

Waller J. M. Cultural Diplomacy, Political Influence, and Integrated Strategy // Strategic Influence: Public Diplomacy, Counterpropaganda, and Political Warfare. Washington : Institute of World Politics Press, 2009.

Xin Liu. China`s Cultural Diplomacy: A Great Leap Outward? New York : Routledge, 2020.

Zhang S., Yan Zh. Public Diplomacy of the Belt and Road Initiative: Goals, Challenges and Solutions // Leading Journal of Ideological & Theoretical Education. 2016. No. 6. Pp. 79–83 (in Chinese).

References

Atkinson E. B. Neravenstvo: kak s nim byt'? [Inequality: What Can Be Done?] Moscow : Delo, RANEPA, 2018.

Burke P. Chto takoe kul'turnaja istorija? [What is Cultural History?]. Moscow : HSE Publishing House, 2015.

Bondarenko V. M., Aleshkovskij I. A., Il'in I. V. Global'nye tsennosti v kontekste ponimaniya budushhego Rossii i mira [Global Values in the Context of Understanding the Future of Russia and the World] // Vek globalizatsii. 2019. No. 1 (29). Pp. 35–46.

Van Hunin. Kul'tura kak natsional'naja sila: myagkaya sila [Culture as a National Force: Soft Power] // Izvestija Fidanskogo universiteta. 1993. No. 3. Pp. 23–28 (in Chinese).

Granin Ju. D. "Tsivilizatsiya" i tsivilizatsionnaya evoljucija Rossii ["Civilization" and the Civilizational Evolution of Russia] // Voprosy filosofii. 2020. No. 12. Pp. 34–44.

Eaglton T. Pochemu Marks byl prav [Why Marx was Right]. Moscow : Kar'era Press, 2013.

Kasimova Z .G. Formirovanie pozitivnogo imidzha gosudarstva na osnove kul'turnoj diplomatii (na primere opyta Japonii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki) [Formation of a Positive Image of the State on the Basis of Cultural Diplomacy (the Experience of Japan and the People's Republic of China)]: Ph.D. dissertation abstracts. Tashkent, 2021.

Crouch, K. Kak sdelat' kapitalizm priemlemym dlja obshhestva [How to Make Capitalism Acceptable to Society]. Moscow : HSE Publishing House, 2016.

Leonova O. G. Dinamika rejtinga “myagkoy sily” Rossii [Dynamics of Russia's “Soft Power” Rating] // Vek globalizatsii. 2020. No. 2. Pp. 104–118.

Mamedzade I. R., Mahamatov T. M. Ot religiozno-etnicheskoy tsivilizatsii k global'noy: tsivilizatsiya tyurko-musul'manskogo mira [From Religious-Ethnic Civilization to Global: Civilization of the Turkic-Muslim World] // Vek globalizatsii. 2020. No. 4(36). Pp. 36–46.

Mamedov N. M. Razvitie gumanisticheskih idej kak global'nyj process [The Development of Humanistic Ideas as a Global Process] // Vek globalizatsii. 2021. No. 1 (37). Pp. 19–31.

Mahamatov T. T. Dialektika tsivilizatsij Zapada i Vostoka v novom Velikom Shelkovom puti [Dialectics of Western and Eastern Civilizations in the New Great Silk Road] // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2020. Vol. 10. No. 1. Pp. 47–53.

Mitrofanova A. V. Duhovno-nravstvennye tsennosti v sovremennoj Rossii [Spiritual and Moral Values in Modern Russia] // Vek globalizatsii. 2019. No. 1(29). Pp. 96–111.

Nisbet R. Progress: istorija idei [Progress: History of the Idea]. Moscow : IRISJeN, 2007.

Orudzhev Z. M. Priroda cheloveka i smysl istorii [Human Nature and the Meaning of History]. Moscow : LIBROKOM, 2009.

Stiglitz D. Tsena neravenstva. Chem rassloenie obshhestva grozit nashemu budushhemu [The Price of Inequality. How the Stratification of Society Threatens Our Future]. Moscow : Eksmo, 2017.

Sandel M. Spravedlivost'. Kak postupat' pravil'no? [Justice. What's the Right Thing to Do?]. Moscow : Mann, Ivanov i Ferber, 2013.

Teoriya i praktika rossijsko-kitajskih otnoshenij [Theory and Practice of Russian-Chinese Relations] / Ed. by A. N. Chumakov, Li Hjej. Moscow : Russian Foundation of Basic Research; Kitajskaja akademija obshhestvennyh nauk; FGP MSU, 2020.

Throsby D. Ekonomika i kul'tura [Economics and Culture]. Moscow : Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2013.

Frolova I. A. G. V. Lejbnits o zadachah issledovaniya duhovnyh osnovanij kitajskoj tsivilizatsii i ee dostizhenij [G. W. Leibniz on the Tasks of Investigating the Spiritual Foundations of Chinese Civilization and Its Achievements] // Vestnik TvGU. Philosophy Series. 2020. No. 1(51). Pp. 254–266.

Chzhao Sichzhen. Narodnaya diplomatiya i svyazi mezhdu stranami [People's Diplomacy and Communication between Countries]. Peking : People's University of Beijing Publishers, 2011.

Chumakov A. N. Kul'tura v usloviyah global'nyh transformatsij [Culture in Conditions of Global Transformation] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Series XXVII. Globalistika i geopolitika. 2011. No. 1–2. Pp. 105–121.

Chumakov A. N. Kul'turno-tsivilizatsionnye issledovaniya: ih rol' i tsennost' v global'nom mire [Cultural and Civilization Studies: Their Role and Value in a Global World] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Series XXVII. Globalistika i geopolitika. 2018. No. 1. January-March. Pp. 30–44.

Chumakov A. N. Put' v filosofiyu. Raboty raznyh let [The Path to Philosophy. Works of Different Years]. Moscow : Prospekt, 2021.

Chun-in Chehn. Moral'noe osmyslenie global'nogo krizisa: izuchenie garmonii i etiki kak reshenie [Moral Reflection on the Global Crisis: Exploring Harmony and Ethics as a Solution] // Vek globalizatsii. 2019. No. 3(31). Pp. 25–41.

Barr M. Chinese Cultural Diplomacy : Old Wine in New Bottles? London : Palgrave Macmillan, 2015.

Deepak B. R. China's Global Rebalancing and the New Silk Road. N. p. : Springer, 2018.

D`Hooghe I. China`s Public Diplomacy. Leiden : Brill, Nijhoff, 2014.

Ho Wai-Chung . Culture, Music Education, and the Chinese Dream in Mainland China. N. p. : Springer, 2018.

Jian Wang. Soft Power in China. Public Diplomacy Through Communication. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2011.

Makhamatova S. T., Makhamatov T. M., Makhamatov T. T. Dialectics of Equality and Justice in the Economic Theory of Karl Marx // Marx and Modernity. A Political and Economic Analysis of Social Systems Management. Charlotte : Information Age Publishing Inc., 2019. Pp. 215–224.

Plattner M. F. From Liberalism to Liberal Democracy // Journal of Democracy. 1999. July. Vol. 10. No. 3. Pp. 121–134.

Sheng Ding. The Dragon`s Hidden Wings. How China Rises With Its Soft Power. Lanham, MD : Lexington Books, 2008.

Waller J. M. Cultural Diplomacy, Political Influence, and Integrated Strategy // Strategic Influence: Public Diplomacy, Counterpropaganda, and Political Warfare. Washington : Institute of World Politics Press, 2009.

Xin Liu. China`s Cultural Diplomacy: A Great Leap Outward? New York : Routledge, 2020.

Zhang S., Yan Zh. Public Diplomacy of the Belt and Road Initiative: Goals, Challenges and Solutions // Leading Journal of Ideological & Theoretical Education. 2016. No. 6. Pp. 79–83 (in Chinese).

К ИТОГАМ 30-ЛЕТНЕГО РАЗВИТИЯ СТРАН БЫВШЕГО СССР, ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА И ЮГОСЛАВИИ

Тарко А. М.[*]

Проведен анализ экономического, демографического и социально-психологического развития России, других бывших стран СССР, Варшавского договора и Югославии в настоящее время. Исследована связь высокотехнологичного сектора экономики и продажи природных ресурсов этих стран. Сделано сравнение развития исследуемых стран с высокоразвитыми странами мира.

Ключевые слова: *валовой внутренний продукт, темпы экономического роста, прямые иностранные инвестиции, ожидаемая продолжительность жизни, вероятность дожития до возраста 65 лет, высокотехнологичное развитие, природные ресурсы, сырьевое развитие.*

ABOUT THE RESULTS OF THE THIRTY YEARS OF DEVELOPMENT OF THE COUNTRIES OF THE FORMER USSR, THE WARSAW TREATY AND YUGOSLAVIA

The author performs the analysis of the economic, demographic and socio-psychological development of Russia, other former USSR countries, the Warsaw Pact and Yugoslavia countries at the present time. He studies the link between the high-tech economic sector and natural resources sales in these countries and compares these countries' development with developed countries of the world.

Keywords: *gross domestic product, economic growth rates, foreign direct investment, life expectancy, probability of surviving to the age of 65, high-tech development, natural resources, raw materials development.*

Введение

В данной работе будет проведен анализ результатов, достигнутых странами, вышедшими в 1991 г. из СССР и Варшавского договора. В связи с предстоящим тридцатилетним юбилеем новых стран мы сравним их экономическое и социальное развитие, рассмотрим перспективы движения вперед.

В 1991 г. в республиках бывшего СССР, Варшавского договора и Югославии был проведен переход на режим рыночной экономики. Страны Варшавского до-

[*] Тарко Александр Михайлович – д. ф.-м. н., профессор, академик РАЕН, г. н. с. Вычислительного центра им. А. А. Дородницына Российской академии наук ФИЦ «Информатика и управление» РАН. E-mail: tarko@bmail.ru.

Tarko, Alexander M. – Doctor of Physical and Mathematical sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Chief Researcher at Computing Center after A. A. Dorodnitsyn of the Federal Research Center "Informatics and Management" of the RAS. E-mail: tarko@bmail.ru.

говора и Югославии начали развиваться на основе многосекторной экономики, в России главным сектором экономики стали добыча и продажа природных ресурсов.

Россия и страны, вышедшие из СССР, в основном объединились в Союз независимых государств (СНГ). Страны бывшего Варшавского договора и Югославии после 1991 г. стали ориентироваться на государства Европы, многие вошли или стремятся войти в Евросоюз и НАТО.

Целью данного исследования являются анализ и сравнение развития стран бывшего Советского Союза (БСС), бывшего Варшавского договора (включая и страны Балтии, примкнувшие к их системе) (БВДБ), бывшей Югославии (БЮ). Также будем проводить сравнение с развитыми странами Евросоюза и мира.

Россия не занята только сырьевом сектором. Особенно после наступления мирового экономического кризиса 2008 г. понадобились и стали быстрее внедряться элементы высокотехнологичного развития.

Задачей статьи является изучение как самих экономических систем в рассматриваемых странах, так и условий жизни в них человека. Этим данное направление будет отличается от задачи в программе ООН по определению индекса человеческого развития (ИЧР).

Отметим, что исследование ИЧР, соединенное с анализом экономического развития страны, мы недавно провели при расчете и анализе в субъектах РФ [Тарко 2018]. Этот анализ был проведен на основе обновленных баз Федеральной службы государственной статистики [Федеральная … 2021]. К работе были привлечены также данные космического зондирования.

Исследование состояния и развития стран бывшей системы СССР и Варшавского договора было проведено автором несколько лет назад [Тарко и др. 2020]. Однако появление новых событий и данных о динамике развития мира и человека привели к необходимости нового рассмотрения, и это послужило поводом для написания данной статьи.

В настоящее время развитие содержит два одновременно протекающих процесса: 1) научно-технический прогресс на фоне роста экономики и продолжения глобализации в странах мира; 2) тормозящий экономику и все зависящие от нее процессы системный мировой экономический кризис [Тарко 2015; 2016]. Развитие экономики во все более глобализирующейся экономической системе сопровождается насыщением емкости рынка, который, достигая некоторого порога, становится замкнутым и занимает весь мир. Финансовая деятельность банковских систем имеет только «запускающую» роль. В пользу того, что кризис системный, говорит слишком большая для финансового кризиса продолжительность – ему идет уже 13-й год, при этом отсутствуют объяснения его продолжения.

Все количественные данные здесь были получены из баз данных Всемирного банка [World Bank… 2021] и данных British Petroleum [Statistical… 2021].

Экономика

Начнем работу с анализа доходов в странах – валового внутреннего продукта на душу населения (ВВП) в каждой из стран – БСС, БВДБ и БЮ (рис. 1). Мы будем проводить сравнение развития государств, в том числе и с другими развитыми странами Евросоюза (ЕС) и мира. На графике страны каждой группы пред-

ставлены группами столбиков, в каждой группе в порядке убывания значения параметра. После трех групп стран даны средние значения параметров по терминологии Всемирного банка. Дальше вправо идут значения параметров некоторых развитых стран ЕС и мира. ВВП выражается в долларах США с учетом паритета покупательной способности доллара в текущих международных ценах [World Bank… 2021].

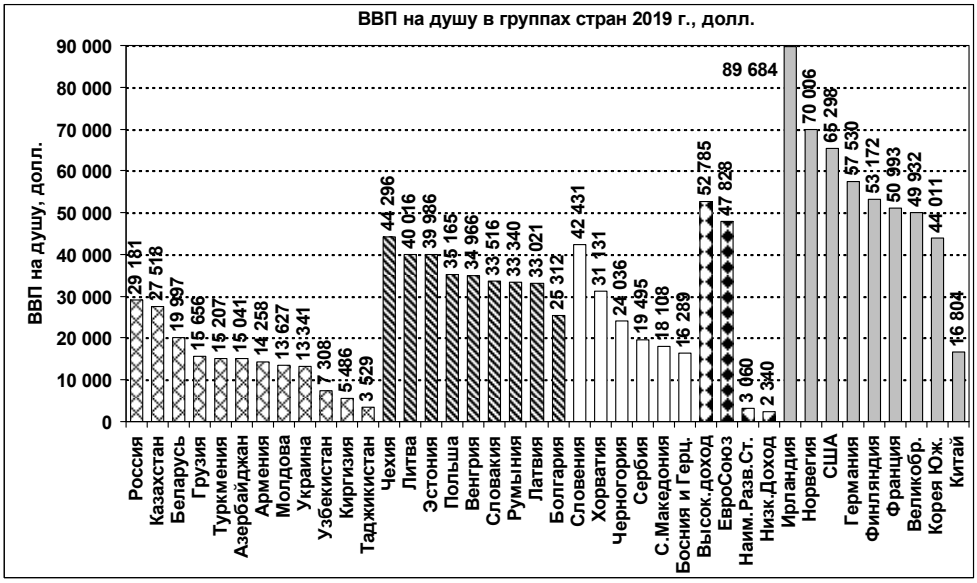

Рис. 1. ВВП на душу населения в 2019 г. в четырех группах стран. Параметры каждой группы представлены в порядке убывания. Далее вправо идут значения параметра у Евросоюза, стран с высоким доходом (Высок. доход), а также наименее развитых стран (Наим. разв. ст.) по классификации ООН и стран с низким доходом (Низк. доход)

Отметим, что средние значения доходов трех групп стран соответственно равны: БСС – 15 012 долларов, БВДБ – 35 513 долларов, БЮ – 25 248 долларов. Видно, что страны БВДБ добились более высокого развития, за ними следуют страны БЮ, страны БСС имеют наименьшие результаты. Однако добавим, что наиболее высокий массив на графике – это занимающие его правую часть развитые страны мира – от Ирландии (89 684 долларов) до Франции (50 993 долларов). С учетом того, что ВВП на душу населения Евросоюза равняется 47 828 долларов, мы видим, что ни одна из рассматриваемых нами стран не достигла ни уровня ЕС, ни уровня передовых развитых государств.

Среди стран БСС у России ВВП на душу населения был наибольшим – 29 181 доллар. Это значение ниже, чем у всех стран БВДБ, кроме Болгарии, а из стран БЮ Россию опережают Словения и Хорватия. Это не слишком большое достижение бывшего лидера социалистического лагеря после почти 30 лет развития в новой экономике. В 2019 г. доходы США превысили доходы России в 2,4 раза, Германии – в 1,97 раза, Финляндии – в 1,8 раза. По величине ВВП на душу населения Россия занимает 54-е место в мире, находясь между Малайзией и Оманом. Также

отметим, что она занимает 52-е место в списке ООН по ИРЧ, а в списке из 27 стран БСС, БВДБ и БЮ, по нашим расчетам, находится на 12-м месте.

Внимательный читатель, несомненно, заметил, что ВВП на душу населения в Китае (16 804 доллара) очень низок. Это типичное явление для ряда стран. При общих доходах Китая, соизмеримых с США, доход на одного человека невысок – высокотехнологичное развитие происходит не по всей стране, и доход на одного человека отстает от дохода жителя Белоруссии.

Мы видим, что страны БВДБ и БЮ не добились результатов развития передовых стран Европы и мира. Очевидно, система участия этих стран в ЕС имеет пороки, пока не ставшие понятными. Приходит мысль, что богатый Евросоюз мог бы организовать активную материальную поддержку новым вступающим в него странам вроде европейского аналога плана Маршалла. Однако, похоже, эти страны получили весьма «облегченную» форму такой помощи.

Рассмотрим темпы роста ВВП на душу населения в 2019 г. в изучаемых группах стран (рис. 2). Сразу заметим неожиданные явления по сравнению с докризисным состоянием 2008 г. Средние темпы роста ВВП на душу населения в трех изучаемых нами группах стран: БСС – 3,6 %, БВДБ – 3,9 % и БЮ – 3,5 % – превышали темпы роста не только Евросоюза (1,87 %), но и передовых стран – от Дании (2,41 %) до Финляндии (1,06 %). Низкие темпы роста ВВП передовых развитых стран свидетельствуют о том, что большинство из них до сих пор подвержено действию продолжающегося системного кризиса экономики. Исключением является имеющая особое развитие Ирландия – 3,97 %.

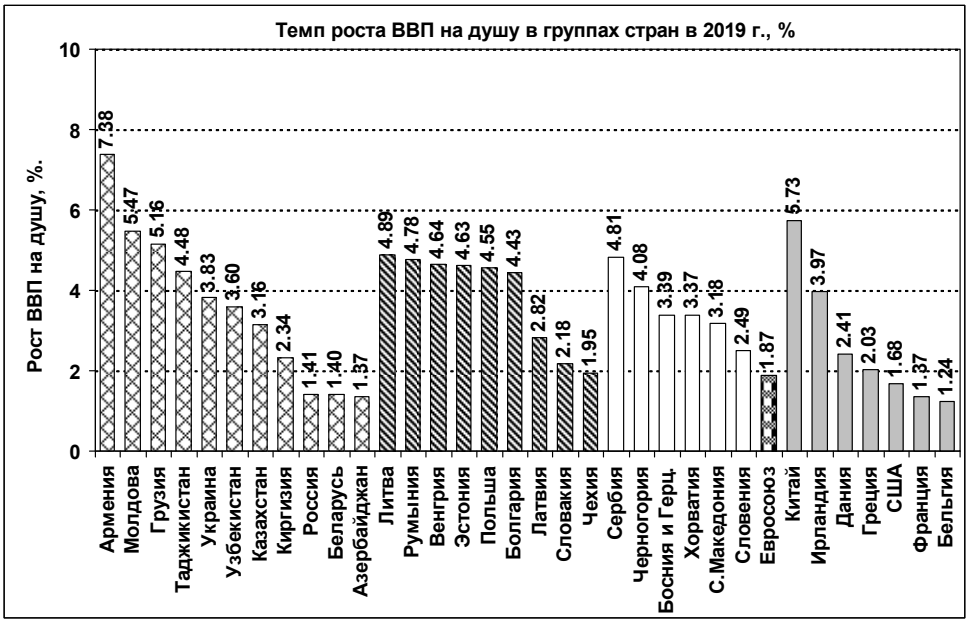

Рис. 2. Темпы роста ВВП на душу населения в странах БСС, БВДБ и БЮ и передовых развитых стран мира в 2019 г. Система представления данных и обозначения – как на рис. 1

Нельзя не заметить, что в России, Белоруссии и Азербайджане – самые малые темпы развития не только в своей группе, но и по сравнению со странами БВДБ и БЮ: Россия – 1,41 %, Белоруссия – 1,40, Азербайджан – 1,37 %. Несомненно, каждый «провал» в темпах роста имеет свои причины, прежде всего в этом можно увидеть экономический кризис и уменьшение продажи нефти в рассматриваемые годы.

Важной характеристикой как уровня жизни человека, так и уровня экономического и технологического развития его страны является потребление электроэнергии на душу населения. Эти данные представлены на рис. 3.

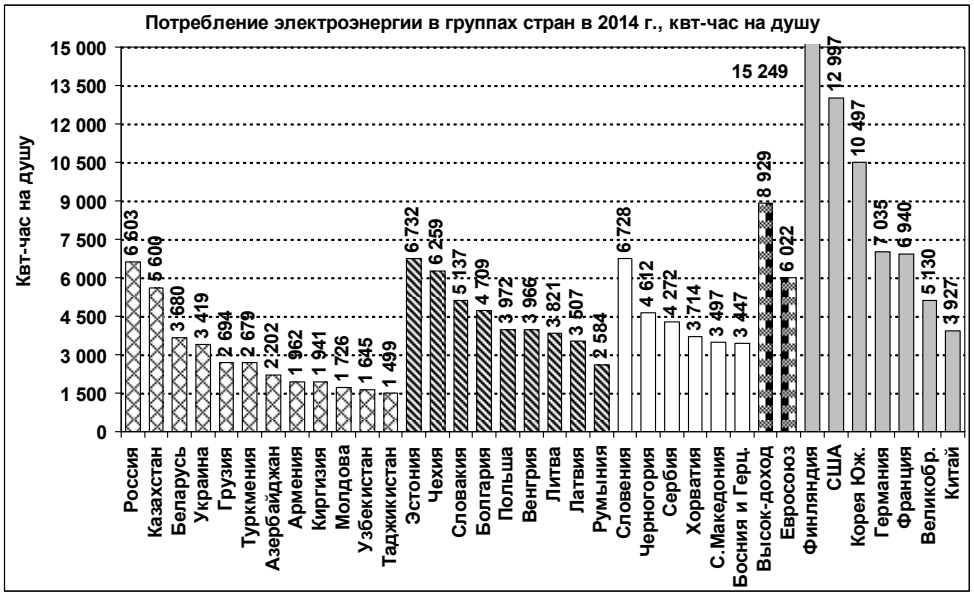

Рис. 3. Потребление электроэнергии в странах БСС, БВД и БЮ и в передовых развитых стран мира в 2014 г. (кВт/ч на душу населения)

В данном году электропотребление (кВт/ч на душу населения) четырех из рассматриваемых нами стран – Эстонии (6732), Словении (6728), России (6603) и Чехии (6259) превысило среднее значение в Евросоюзе – 6022. В то же время электропотребление Финляндии (15 249) превышает российское в 2,3 раза, США (12 997) – в 2 раза, Южной Кореи (10 497) – в 1,6 раза. В целом передовые развитые страны живут в более комфортных условиях, средние значения электропотребления: БСС – 2971, БВДБ – 4521, БЮ – 4378 – меньше среднего значения Евросоюза (6022). При этом самое малое электропотребление – у стран БСС.

Демография

Обратимся к анализу демографических процессов. Начнем с текущих расходов на здравоохранение в 2019 г. (рис. 4). Выведем расходы на здравоохранение в реальном денежном выражении на душу населения.

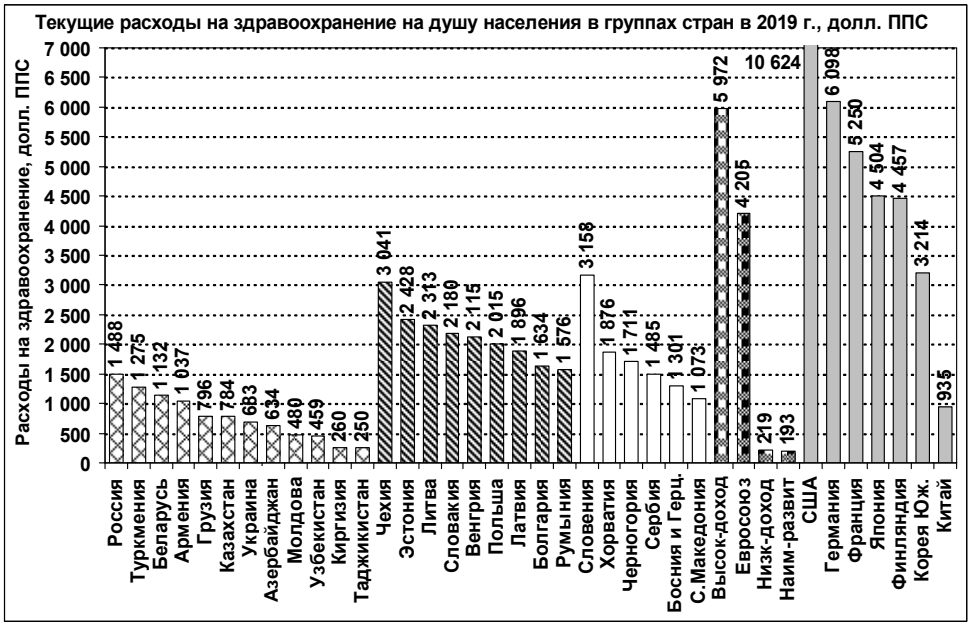

Рис. 4. Расходы групп стран на здравоохранение в 2019 г. Расходы выражены в долларах США с учетом паритета покупательной способности (ППП)

Из графика следует, что в 2019 г. в БСС в среднем было потрачено 773 доллара на человека. Расходы в группе БВДБ самые большие – 2133 доллара, в БЮ они несколько меньше – 1767. Евросоюз потратил на одного человека гораздо больше – 4205 долларов. Это значит, что в странах БСС в среднем было потрачено в 5,4 раза меньше на человека, а расходы на здравоохранение, которые в России составили 1488 долларов, оказались в 3 раза меньше, чем в Евросоюзе.

Как мы видим из рис. 4, в отношении здравоохранения в России расходы от 3 до 7 раз меньше, чем в передовых развитых странах.

Важным фактором развития является то, что страны Центральной Азии Киргизия и Таджикистан живут как бы в особом мире. Имея доходы, близкие к наиболее бедным и наименее развитым странам мира (как видно из рис. 4, доход Таджикистана в 8,3 раза меньше России), они также имеют и близкое к этим странам здравоохранение: в Таджикистане – 250 долларов, меньше России в 5,9 раза.

Изучаемые нами страны БСС, БВД и БЮ значительно отстают от других государств Европы. Средние значения ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) для трех групп стран равны 72,4 года, 76,7 года и 77,6 года соответственно (рис. 5). Значение же Евросоюза заметно больше – 81,1 года. Для России с ОПЖ, равной 73,2 года, это отставание на 8 лет. Ни одна из трех групп стран БСС, БВДБ и БЮ, за исключением Словении (81,3 года), не превышает среднего значения в ЕС.

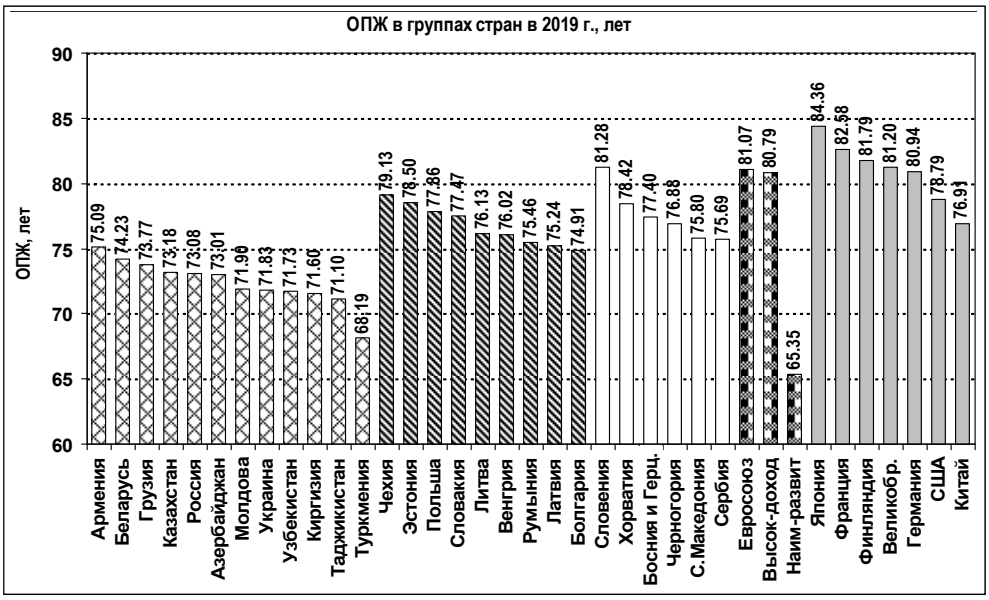

Рис. 5. Значения ОПЖ для групп стран в 2019 г.

Рассмотрим детскую смертность в 2019 г. (рис. 6). Показатель детской смертности в России – 4,9 – явно выше нормальных значений в Европе. Средние значения смертности на 10 000 человек составляют в БСС – 14,3, в БВДБ – 3,7, в БЮ – 3,8. В Евросоюзе же этот параметр равен 3,32, а в странах с высоким доходом – 4,3. В Туркмении детская смертность (36,3) близка к наименее развитым странам – 44,8. Во всех республиках Центральной Азии значение детской смертности выше 15, и это положение уже много лет не исправляется.

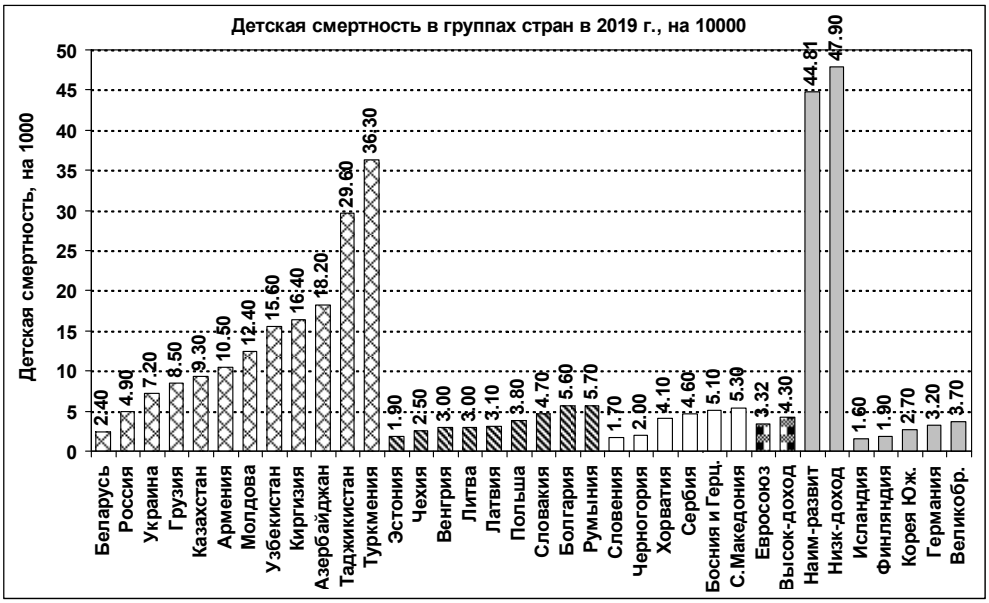

Рис. 6. Значения детской смертности для групп стран в 2019 г.

Следующий параметр – материнская смертность в 2019 г. (рис. 7). Ее значение в России – 7, такое же, как в Германии. Однако средние значения стран БСС – 9,7, БВДБ – 9,7, БЮ – 8,3 – превышают значение в Евросоюзе (6,0). Здесь ситуация похожа на состояние с детской смертностью – часть стран имеют минимальные в Европе значения, но особенно в Центральной Азии есть страны с большой смертностью – в Киргизии она максимальная (60). Так же как и в странах Центральной Азии, уменьшение этого вида смертности происходит очень медленно.

Рис. 7. Значения материнской смертности для групп стран в 2017 г.

Перейдем к новому применению демографических параметров – использованию их как индикаторов социально-психологических нарушений больших групп людей. Автор данной статьи, по-видимому, первый, кто нашел и применил такое использование демографических параметров в масштабах стран. Объяснение этого явления – негативные социально-психологических процессы в обществе (стране) приводят к изменению демографических параметров [Тихонова 2011]. Сначала это выглядит как непонятное нарушение их значений. Однако эти нарушения позволяют обнаружить и понять, что происходит в жизни.

Первое социально-психологическое нарушение – это миграция населения новых стран Евросоюза в его более богатые страны. Индикатором этого оказалась общая смертность населения.

Если рассмотреть на графике в плоскости «смертность – ОПЖ» точки значений стран мира (рис. 8), то можно ожидать, что значения смертности при увеличении ОПЖ будут уменьшаться – точки будут занимать диагональ соответствующей плоскости параметров. Однако в последнее время в диапазоне значений ОПЖ 72–77 лет точки перестали следовать указанному направлению – у ряда

стран смертность в этом диапазоне выросла! Так, смертность 15,5 на 1000 в 2019 г. была зарегистрирована у Болгарии, которая стала страной с самой высокой смертностью в мире, обгоняя уже несколько лет традиционных «чемпионов» – самые бедные страны Африки. Теперь к ней примыкают Украина – 14,7, Сербия – 14,6, Латвия – 14,5, Литва – 13,7, Румыния – 13,4, другие страны (рис. 8, 9).

Рис. 8. Связь смертности и ОПЖ в мире в 2018 г. Выделены значения стран БСС, БВДБ, БЮ и нескольких развитых стран мира

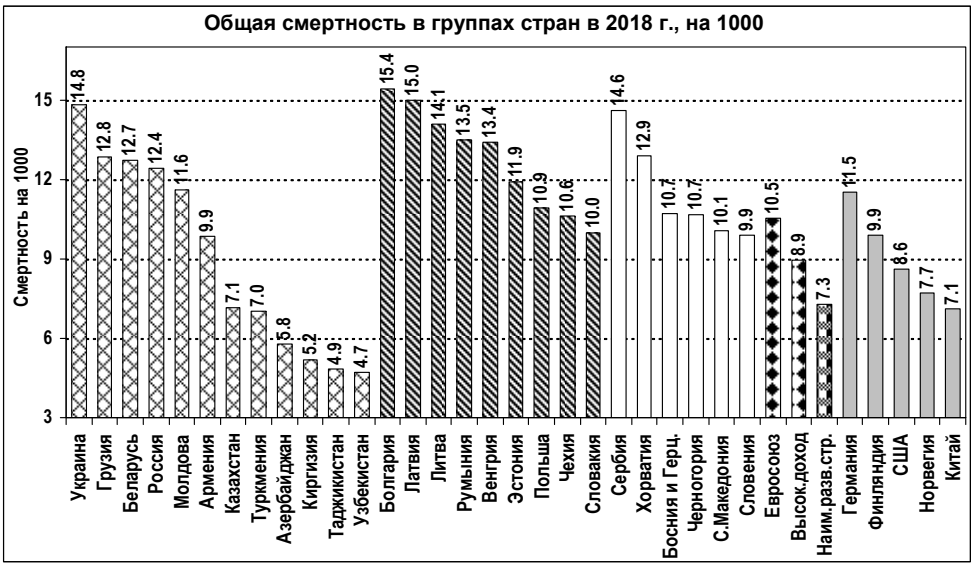

Рис. 9. Значения общей смертности для групп стран в 2018 г.

В данном случае миграция возникла несколько лет назад в Европе. Она началась, когда часть молодого трудоспособного населения из вступивших в ЕС и еще не вступивших туда стран воспользовалась свободным перемещением и стала переселяться на работу в более богатые государства Европы. Оставшееся пожилое население имеет существенно более высокую смертность, что и проявляется в статистике этих стран в виде «бумажного» роста смертности. Статистика показала рост общей смертности в таких государствах до значений выше максимальной смертности в беднейших странах мира. Отметим, что параметр смертности в данном случае стал индикатором серьезного изменения социально-психологического состояния народа. Об этом явлении автор данной статьи писал несколько лет назад [Тарко… 2016].

Сейчас увеличение миграций в другие страны в становящемся все более свободным мире усиливается. По прогнозу А. Н. Чумакова и М. С. Стычинского [Чумаков, Стычинский 2018], миграция из менее развитых в более развитые страны через несколько лет значительно увеличится во всем мире и станет новым фактором развития.

Еще одно проявление изменения социально-психологических условий жизни в Европе – это значительное усиление отрицательных ожиданий населения в части стран, главными из которых, видимо, являются Россия, Белоруссия и Украина. За это ответственен параметр «разность между ожидаемой продолжительностью жизни женщин и мужчин» (РОПЖ). Он был предложен для этой цели А. М. Тарко несколько лет назад (рис. 6). РОПЖ является показателем неблагоприятных социальных ожиданий в обществе. Еще одним индикатором этого состояния является общая смертность: население России не склонно к массовым миграциям, однако на графике рис. 8 хорошо видно увеличение смертности.

На графике РОПЖ в 2019 г. (рис. 10) мы видим, что максимальные значения РОПЖ имеют Белоруссия – 10,1 года, Украина – 10,06 года и Россия – 9,93 года. Остальные значения среди стран БСС заметно меньше. У стран БВДБ ситуация с максимальными значениями РОПЖ повторяется для максимальных значений стран: Литва – 9,5 года, Латвия – 9,1 года и Эстония – 8,4 года. Ничего подобного нет в передовых развитых странах мира.

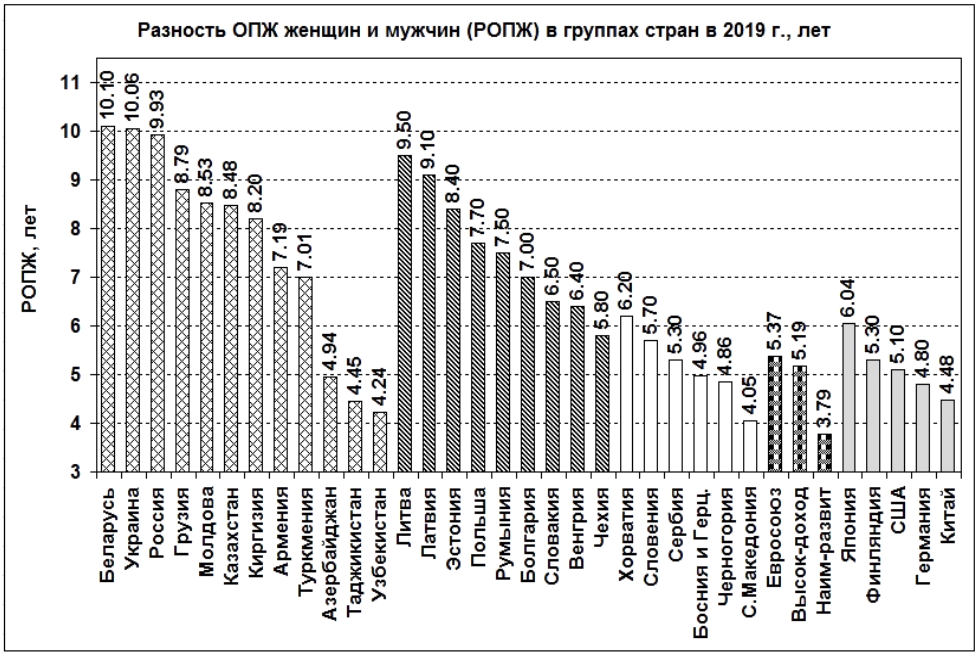

Рис. 10. Разность ОПЖ женщин и мужчин (РОПЖ) в группах стран в 2019 г.

Механизм «действия» РОПЖ известен. В неблагоприятных условиях с отрицательными или неопределенными ожиданиями проявляется генетическое различие физиологических свойств женщин и мужчин – у мужчин смертность увеличивается значительно сильнее [Гамбурцев и др. 2013]

Необходимо добавить, что увеличению смертности у мужчин способствуют отсутствие достойной работы, безработица и другие негативные обстоятельства. Несколько лет назад данные Росстата показали, что в основном вокруг Московской области существует полоса, состоящая примерно из 20 регионов, в которой общая смертность является самой высокой в мире [Тарко 2016]. Такая ситуация сохранялась несколько лет, вплоть до 2019 г.

Недавно автор обнаружил, что количество самоубийств в России, Белоруссии и на Украине, а также в Литве и Латвии – самое большое в Европе (рис. 11), а указанные страны с наибольшим РОПЖ (рис. 6) и наибольшим количеством самоубийств – одни и те же. Это самое надежное подтверждение того, что РОПЖ характеризует неблагополучное положение и отрицательные ожидания населения.

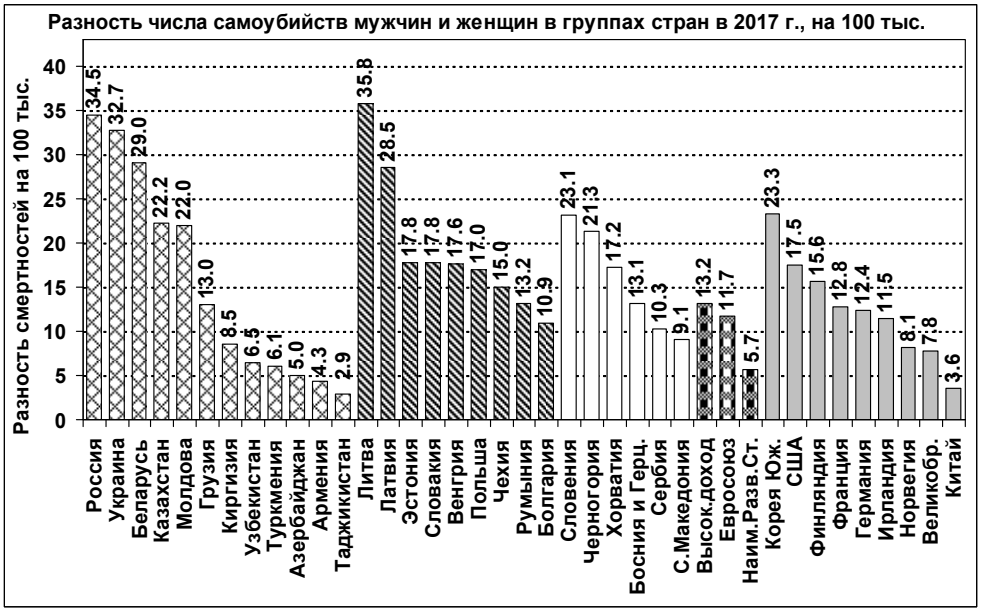

Рис. 11. Число самоубийств мужчин и женщин в группах стран в 2017 г.

Есть еще один параметр демографии – вероятность дожития мужчин до возраста 65 лет (рис. 12). Снова мы видим самую низкую полосу столбиков, принадлежащую группе БСС. В среднем вероятность дожить до 65 лет у стран БСС – 67,4 %, БСВДБ – 73,9 %, стран БЮ – 80,6 %. Весьма неожиданно, что минимальную среди всех рассматриваемых стран вероятность дожития имеет Россия – 60,8 %. Эта вероятность в Евросоюзе равна 84,4 %. Мы видим очень большое различие. Еще большее различие показывают Норвегия – 89,1 %, Ирландия – 89 %, Великобритания – 87,2 %.

Данный случай означает, что демографические параметры могут получить яркое социальное значение. Для России быть последней страной в Европе с важным параметром, характеризующим социальную жизнь народа, – неблагоприятное явление.

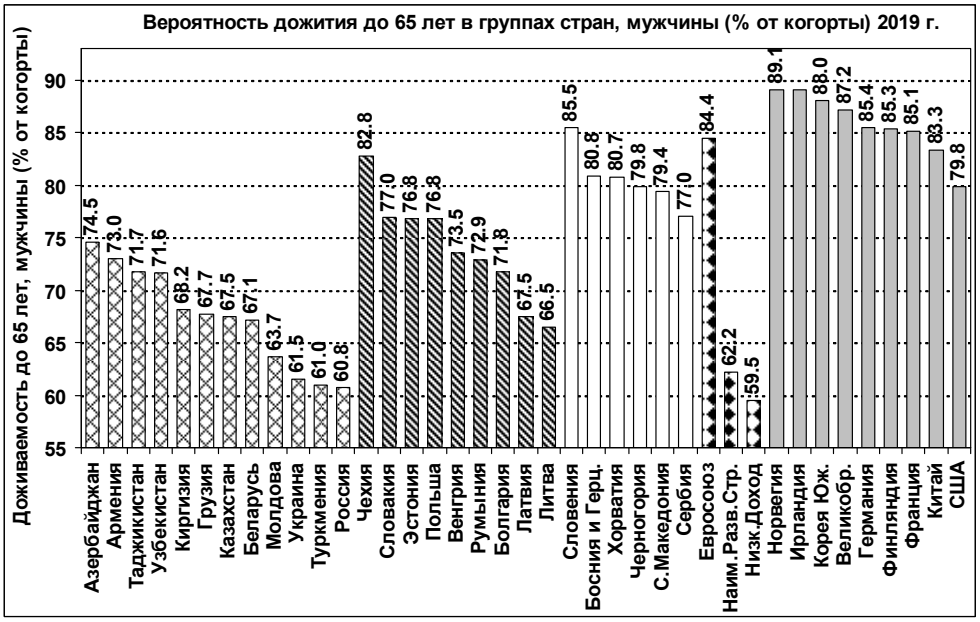

Рис. 12. Вероятность дожития до возраста 65 лет в 2018 г. для мужчин групп стран

Самый слабый результат в дожитии до 65 лет, наблюдаемый у России, – это уникальное явление. Однако вероятность дожития у России не только меньше всех стран в Европе – эта вероятность на 1,3 % больше стран с малым доходом (59,5 %) и на 1,4 % меньше наименее развитых стран – 62,2 %! Это говорит о чрезвычайном социальном положении жизни в стране, которая когда-то была ориентиром светлого будущего.

Техническое и высокотехнологичное развитие

Возможность создания высокотехнологичных продуктов зависит от уровня развития страны и направленности на получение высокотехнологичного производства.

Рассмотрим доли доходов трех групп стран от производства и экспорта высокотехнологичной продукции по отношению ко всей промышленной продукции в 2019 г. (рис. 13). Средние значения здесь таковы: БСС – 8,3 %, БВДБ – 12,8 %, БЮ – 6,3 %. Мы видим, что страны БВДБ обогнали и БСС, и БЮ. Однако «в личном зачете» на первом месте оказался представитель БСС – Казахстан (28,8 %). Россия попала в группе БСС на второе место (13 %). Экспорт Чехии, Венгрии и Латвии составил соответственно 20,8 %, 17,5 % и 17,2 %, что заметно больше, чем у России. Однако только Казахстан и Чехия превзошли страны с высоким доходом (20,6 %) и Евросоюз (16,1 %). Эти достижения малы по сравнению, например, с Южной Кореей (32,4 %), Францией (27,0 %) и Ирландией (26,0 %). Россия по высокотехнологичному экспорту находится на 9-м месте – между Румынией и Польшей. Такое положение России показывает, что высокотехнологичный экспорт не является главным пунктом ее развития.

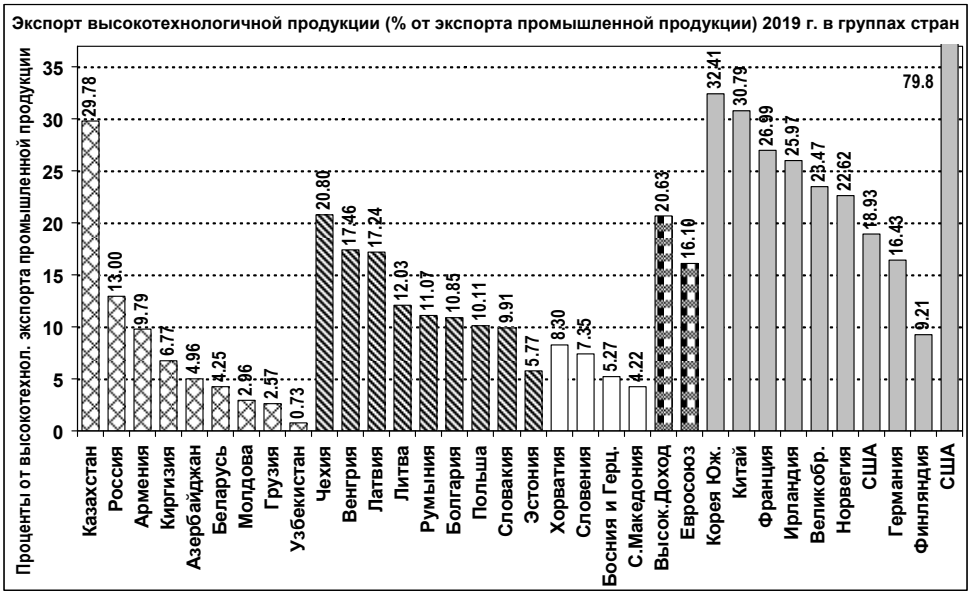

Рис. 13. Экспорт высокотехнологичной продукции в группах стран, % от экспорта промышленной продукции в 2019 г.

Рассмотрим высокотехнологичный экспорт изучаемых нами стран в 2019 г., выраженный в долларах США (рис. 14). Среди стран БСС Россия по высокотехнологичному экспорту занимает второе место после Казахстана. Из стран БВДБ ее опережают лишь Чехия, Польша и Венгрия, по сравнению со странами БЮ она выше всех.

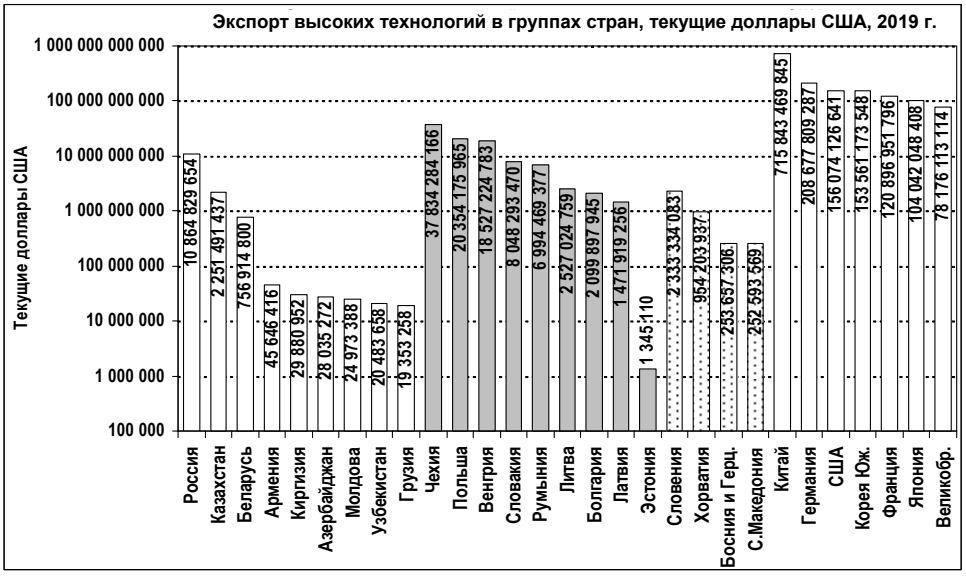

Рис. 14. Экспорт высоких технологий в группах стран мира, 2019 г., долл. США. По горизонтальной оси применен логарифмический масштаб

Однако раньше Россия являлась передовой страной мира, поэтому мы должны указать, что сейчас у Китая размер высокотехнологичного экспорта в 71,9 раза больше России, у Германии – в 20,6 раза, у США – в 15,3 раза, у Франции – в 11,6 раза. В целом Россия по этому параметру находится на 30-м месте в мире, опережая Данию и Словакию и уступая Израилю и Бразилии.

Нужно отметить, что у большинства стран БСС, кроме Казахстана и Белоруссии, высокотехнологичный экспорт очень мал. Так, если экспорт Казахстана составляет 20,7 % от России и 6,97 % от Белоруссии, то экспорт Армении – 0,42 %, Киргизии – 0,28 %, Узбекистана – 0,19 %, Грузии – 0,18 %. У Таджикистана, к сожалению, совсем нет данных о высокотехнологичном экспорте.

Прямые иностранные инвестиции в экономику позволяют развернуть на территории своей страны полезную деятельность заграничного капитала. Влияние прямых иностранных инвестиций позволяет проводить внедрение более совершенных технологий производства, более совершенных оборудования и продукции с помощью импорта более совершенных технологий управления.

Величина прямых иностранных инвестиций (рис. 15) составляет в странах с высоким доходом 1,87 % от ВВП, в Евросоюзе – 1,62 %, в странах с низким доходом – 2,89 %. При этом Финляндия позволяет себе иметь 5,9 % инвестиций, Норвегия – 3,16 %, США – 1,64 %, Китай – 1,09 %. Что касается анализируемых стран, то меньше, чем 1,85 %, у них нет. У России эта величина одна из самых малых – 1,88 %. Набольшие инвестиции, 19,6 %, – у Венгрии. Здесь хочется отметить, что даже небогатый Таджикистан имеет прямые инвестиции в 2,62 %. Одни из самых больших прямых инвестиций – у Туркмении (4,80 %), Узбекистана (4 %) и Азербайджана (3,13 %).

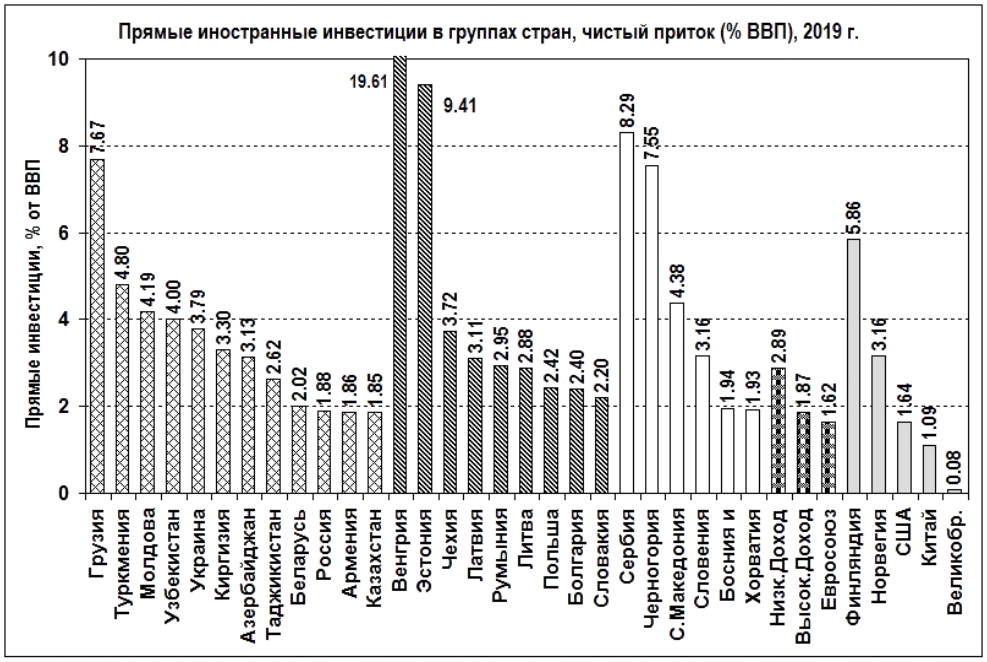

Рис. 15. Прямые иностранные инвестиции в группах стран в 2019 г.

Самое же большое значение иностранных инвестиций принадлежит Грузии – 7,67 %. Это обстоятельство, возможно, объясняется особым отношением к ней западных компаний в условиях, когда у страны предпоследнее место среди государств бывшего СССР как по экспорту высокотехнологичной продукции в процентах (позади нее – только Узбекистан) (рис. 13), так и по экспорту в денежных единицах (впереди Эстонии) (рис. 14).

Компьютерные коммуникационные услуги – важный вид деятельности, который заменить другими действиями невозможно. Это и международные телекоммуникации, и обработка компьютерных данных, и операции с новостями; строительные услуги, деловые, профессиональные и технические услуги и мн. др. Сейчас при глобализации жизнь простых людей была бы невозможна без этих услуг. Разные страны Европы по-разному участвуют в этой деятельности (рис. 16). В среднем в Евросоюзе 54 % услуг составляют коммерческие услуги.

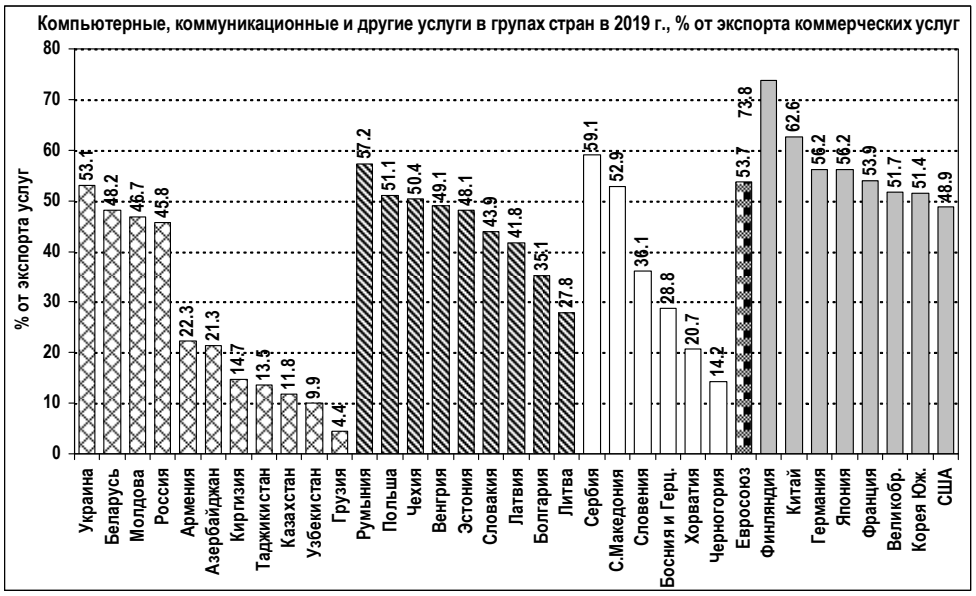

Рис. 16. Компьютерные, коммуникационные услуги в группах стран в 2019 г., % от экспорта

Однако распределение этих услуг сильно различается в разных странах. Ирландия выполняет максимум – 81,7 % этих работ, Финляндия – 73,8 %, Китай – 62,6 %, США – 48,9 %, Норвегия – 34,0 %. Такое разделение работ сложилось исторически. Сейчас первые позиции из стран БСС занимают Украина – 53,1 % и Белоруссия – 48,2 %. У России чуть меньше – 45,8 %. Однако здесь удивляет резкий спад выполнения этих работ среди части стран БСС: от Армении – 22,3 % и Азербайджана – 21,3 % до Узбекистана – 9,9 % и Грузии – 4,4 %. В целом эти показатели несколько меньше у стран БВДБ и части стран БЮ.

Отметим, что небогатые Киргизия и Таджикистан выполняют больше компьютерных услуг, чем более богатые сырьевые Казахстан и Узбекистан. В этом

видно проявление их более высокой научной подготовки, полученной еще во время СССР.

Минимум коммуникационных работ приходится на Грузию. Это явление для страны, стремящейся в европейские структуры, трудно объяснить. К тому же, как говорилось, она предпоследняя среди стран БСС, БВДБ и БЮ по экспорту высокотехнологичной продукции.

Элементом научной и технической работы являются написание и выпуск научно-технических статей. На рис. 17 даны сведения о выпуске научных и технических статей в журналах. Мы видим, что Россия была родиной 81 тыс. работ в 2018 г. Почти в 8 раз меньше статей вышло на Украине. Однако остальные страны БСС выпустили статей еще меньше. Из стран БВДБ наибольшее количество статей, 35 тыс., вышло в Польше. Однако все эти значения намного меньше количества статей, вышедших в Китае, – 528 тыс., США – 422 тыс.

Рис. 17. Количество статей, вышедших в научных и технических журналах разных стран в 2018 г. По горизонтальной оси применен логарифмический масштаб

Добыча и экспорт природных ресурсов (сырьевое развитие)

Если обратиться к сырьевому сектору экономики России и других стран, то мы увидим, что наиболее востребованной является добыча нефти. По добыче, согласно *British Petroleum* (табл. 1) [Statistical… 2021], Россия находится на втором месте в мире, Казахстан – на 13-м.

Таблица 1

Добыча сырой нефти (баррель в сутки, 2019 г.)
по данным British Petroleum [Statistical… 2021], млн т

	Страна	Млн т
1	США	**746,7**
2	Россия	**568,1**
3	Саудовская Аравия	**556,6**
4	Канада	**274,9**
5	Ирак	**234,2**
6	Китай	**191,0**
7	ОАЭ	**180,2**
8	Иран	**160,8**
9	Бразилия	**150,8**
10	Кувейт	**144,0**
11	Нигерия	**101,4**
12	Мексика	**94,9**
13	Казахстан	**91,4**
14	Катар	**78,5**
15	Норвегия	**78,4**
16	Ангола	**69,1**
17	Алжир	**64,3**
18	Ливия	**57,8**
19	Великобритания	**51,8**
20	Оман	**47,3**
21	Колумбия	**46,7**
22	Венесуэла	**46,6**
23	Индонезия	**38,2**
24	Азербайджан	**38,1**
25	Индия	**37,5**
26	Египет	**33,6**
27	Малайзия	**29,8**
28	Аргентина	**28,8**
29	Эквадор	**28,5**
30	Австралия	**20,6**
31	Республика Конго	**17,4**
32	Таиланд	**17,0**
33	Туркменистан	**12,5**
34	Вьетнам	**11,4**
35	Габон	**10,9**
36	Экваториальная Гвинея	**8,2**
37	Южный Судан	**6,8**
38	Чад	**6,7**
39	Перу	**6,1**
40	Бруней	**5,9**
41	Судан	**5,0**

Окончание Табл. 1

	Страна	Млн т
42	Дания	**5,0**
43	Италия	**4,3**
44	Йемен	**4,2**
45	Тринидад и Тобаго	**3,7**
46	Румыния	**3,6**
47	Узбекистан	**2,8**
48	Тунис	**2,3**
49	Сирия	**1,0**

Продажа топлива более изменчива – экономические и политические факторы меняются чаще оборудования для нефтедобычи, транспортировки и переработки нефти (рис. 18). В 2019 г. Россия по доле экспорта была на втором месте после Казахстана среди стран БСС и уступала Норвегии в Европе. При этом ее доля экспорта была в 4,2 раза больше, чем у стран с высоким доходом, и в 11,2 раза больше Евросоюза.

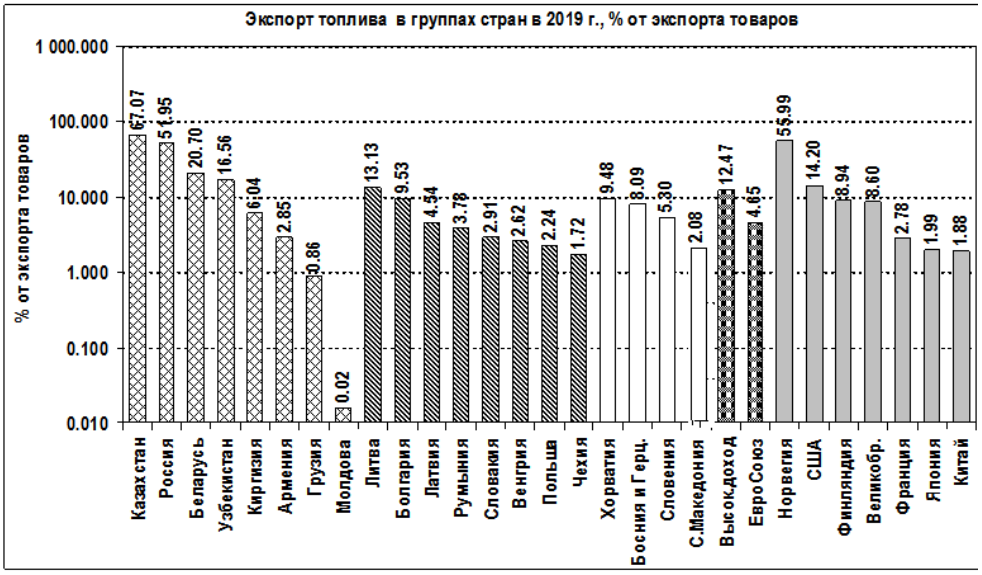

Рис. 18. Экспорт топлива на международном рынке в 2019 г. в группах стран. По горизонтальной оси применен логарифмический масштаб

Заметим, что если сравнить экспорт топлива России на международном рынке (52 %) и экспорт высокотехнологичной продукции в экспорте промышленной продукции (13 %) (рис. 13), то можно заключить, что это сырьевая страна с элементами высокотехнологичного развития. Поскольку по этим двум показателям РФ находится на втором месте, уступая Казахстану среди стран БСС, то можно сделать вывод, что у России основная часть доходов – продажа топлива, а другая часть – развивающиеся в меньшем масштабе высокотехнологичные продажи.

Потребление нефти, по данным British Petroleum, в 2019 г. было следующим (рис. 19): БСС – 28,3 млн т, БВДБ – 5,6 млн т, БЮ – 2,3 млн т. Согласно данным табл. 1 и рис. 13, потребление нефти в России (150,8 млн т) составило 26 % от добычи, в США – 112,7 %. Это подтверждает, что в отличие от США Россия – типичная сырьевая страна, продающая большую часть нефти от добычи. Для Казахстана эта величина равна 17,3 %, для Азербайджана – 12,9 %, а это тоже указывает, что эти две страны – пока также сырьевые.

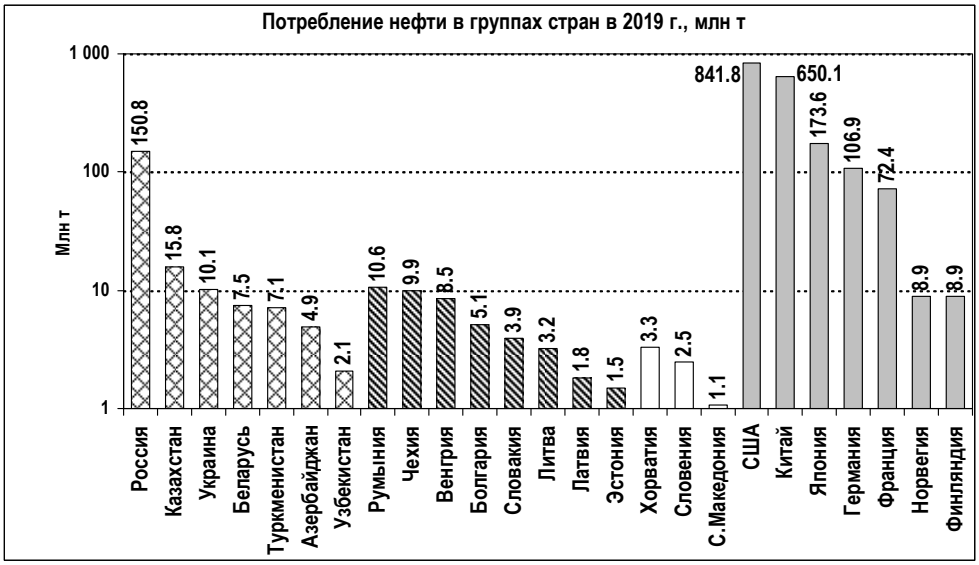

Рис. 19. Потребление нефти в группах стран в 2019 г. по данным British Petroleum (млн т). По горизонтальной оси применен логарифмический масштаб

Добыча, обработка и использование металлов исторически было уважаемым делом в России. Данные по продаже руд и металлов представлены на рис. 20. Исследуемые нами три группы стран в 2019 г. продали следующие доли от своего общего экспорта: БСС – 11,05 %, БВДБ – 3,30 %, БЮ – 4,96 %. Доля России составила немалый показатель – 6,17 %. Однако максимальная продажа была у Армении – 36,12 %, Грузии – 17,66 %, Болгарии – 12,78 %. Эти страны поддерживают свою экономику продажей металлов.

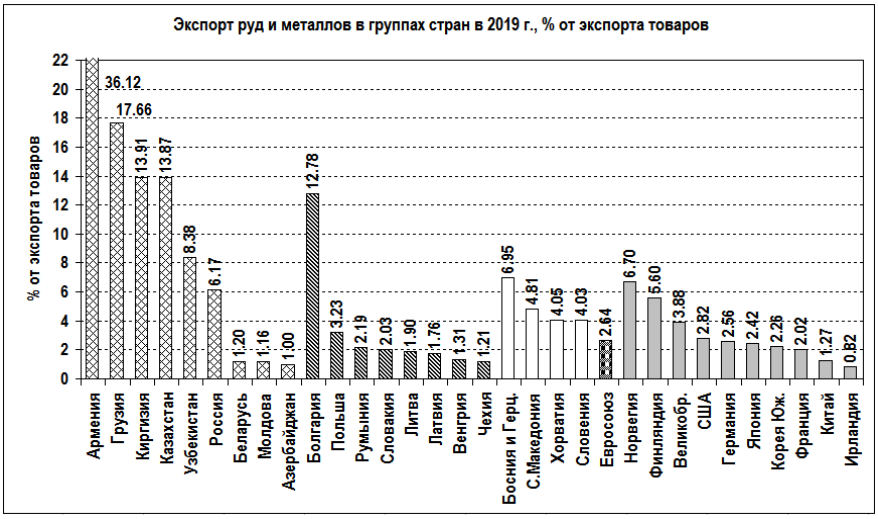

Рис. 20. Экспорт руд и металлов в группах стран в 2018 г., % от товарного экспорта

На рис. 21 показан экспорт продовольствия в группах стран в 2019 г. Экспорт стран БСС составил 21,9 %, БВДБ – 11,6 %, БЮ – 11,6 %. Среди стран БСС только у России и Казахстана экспорт был меньше Евросоюза, и можно заключить, что для остальных стран этой группы экспорт продовольствия дает заметные доходы. Отметим, что экспорт Молдовы составил 56,1 % от экспорта товаров, Грузии – 37,2 %, Армении – 31,7 %. Экспорт продовольствия – обычная форма существования многих стран, однако указанные три страны получают таким путем заметную часть доходов. Видимо, то же самое можно сказать про Литву, Латвию и Болгарию, поскольку экспорт высокотехнологичной продукции и продажа руд и металлов у них меньше, чем продовольствия.

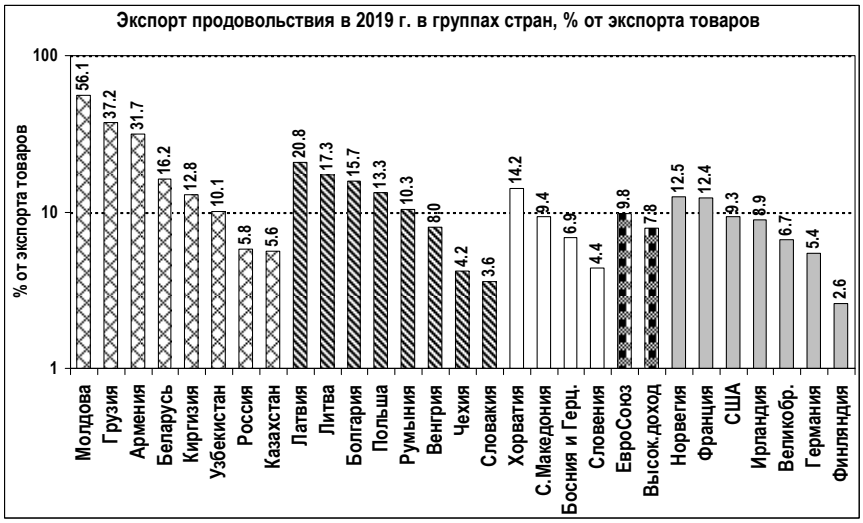

Рис. 21. Экспорт продовольствия в группах стран, % от экспорта товаров

Рассмотрим товарный экспорт в группах стран (рис. 22). Россия здесь оказалась на первом месте. Однако он равен лишь 28,2 % от экспорта Германии. Вторая по величине экспорта страна Польша имеет 17,7 %, третья, Чехия, – 13,4 %. В целом у других стран экспорт намного меньше, чем у Германии, и для БСС составляет 3,4 % от ее товарного экспорта, для БВДБ – 6,4 %, для БЮ – 1,1 %. Данные цифры указывают, что каждому из рассматриваемых нами государств предстоит большой путь, чтобы превратиться в по-настоящему развитую страну.

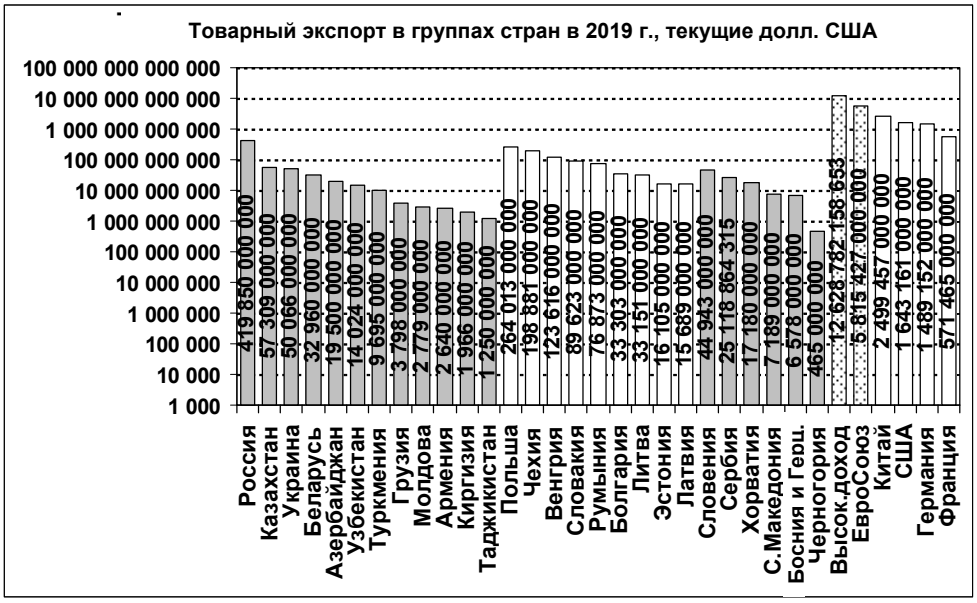

Рис. 22. Товарный экспорт в группах стран в 2019 г., доллары США

Расчет интегрального индекса развития стран ББС, БВДБ и БЮ – ИРС

В нашу задачу входит расчет интегрального индекса для рассмотренных параметров. Введем интегральный индекс развития стран (ИРС) бывшего Советского Союза и Варшавского договора и Балтии и Югославии, основанный на использовании рассмотренных параметров.

Приведем список параметров и групп параметров:

Экономика

1. ВВП на душу населения 2019 г., доллары.
2. Темп роста ВВП, 2019 г., доллары.
3. Потребление электроэнергии, 2014 г., кВт/час на душу населения.

Демография

4. Текущие расходы на здравоохранение на душу населения в 2019 г., доллары ППС.
5. Общая смертность, 2018 г.
6. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (ОПЖ), 2019 г., лет.
7. Вероятность дожития до 65 лет, мужчины, % от когорты, 2019 г.

8. Детская смертность, на 1000 живых рождений, 2019 г.

9. Материнская смертность, на 10 000, 2017 г.

10. Разность числа ОПЖ женщин и мужчин (РОПЖ), 2019 г., лет.

11. Число самоубийств, на 100 тыс. человек, 2017 г.

12. Население в возрасте 65 лет и старше, % от общей численности населения, 2019 г.

Технологическое и высокотехнологичное развитие

13. Экспорт высокотехнологичной продукции (% от экспорта промышленной продукции) 2019 г. в группах стран.

14. Экспорт продукции высоких технологий, текущие доллары, 2019 г.

15. Экспорт товаров в страны с высоким уровнем дохода, % от общего объема экспорта товаров, 2019 г.

16. Прямые иностранные инвестиции в группах стран, чистый приток, % ВВП, 2019 г.

17. Компьютерные, коммуникационные услуги в 2019 г., % от экспорта 2019 г.

18. Компьютерные, коммуникационные услуги, 2019 г., % от импорта.

19. Выпуск статей в научно-технических журналах, 2018 г.

20. Экспорт продукции обрабатывающей промышленности, % от экспорта товаров, 2019 г.

Экспорт природных ресурсов

21. Экспорт топлива, % от экспорта товаров, 2019 г.

22. Потребление нефти, млн т, 2019 г., данные British Petroleum.

23. Экспорт руд и металлов, % от экспорта товаров, 2019 г.

24. Экспорт продовольствия, % от экспорта товаров, 2019 г.

25. Общий товарный экспорт, текущие доллары, 2019 г.

Метод расчета индекса базируется на предположении о равной значимости всех параметров. Для расчета индекса ИРС используется ранговый метод. Все параметры делятся на два типа: 1) большему его значению соответствует большая величина из диапазона значений; 2) большему значению соответствует меньшая величина. В такой постановке рассчитываются ранги всех стран для каждого используемого параметра. Далее из полученных значений для каждой страны рассчитываются средние по рангам всех параметров. Затем рассчитывается индекс ИРС: полученные значения преобразуются в упорядоченную ранговую последовательность, так что ранг 1 принадлежит лучшему по значимости показателю, а 27 – худшему. При реализации на ЭВМ используется программа Excel, позволяющая автоматически учитывать отсутствие данных в части параметров. В дополнение к этому все параметры объединяются в четыре тематические группы и снова производится преобразование параметров, но уже для каждой группы параметров в свою ранговую последовательность. Следует отметить, что в связи с разным количеством параметров в каждой группе сумма рангов, рассчитанных для групп параметров, не равна рангу для всех параметров. Результат расчета интегрального индекса всех рассмотренных переменных и индексов для четырех изучавшихся групп представлен в табл. 2.

Таблица 2

Индекс развития ИРС. Указаны ранги по каждой группе параметров

№	Страна	Индекс ИРС	Экономика	Демография	Технологическое и высокотехнологическое развитие	Экспорт природных ресурсов
1	Эстония	1	1	5	12	23
2	Чехия	2	6	2	2	21
3	Словения	3	3	1	7	17
4	Словакия	4	10	6	6	20
5	Венгрия	5	3	10	1	16
6	Черногория	6	9	3	17	
7	Сербия	7	7	11	5	
8	**Россия**	**8**	**13**	**25**	**11**	**3**
9	Северная Македония	9	18	8	9	19
10	Босния и Герцеговина	10	18	8	19	13
11	Румыния	11	10	14	4	12
12	Грузия	12	15	23	23	6
13	Литва	13	2	13	13	11
14	Таджикистан	14	24	17	27	
15	Польша	15	3	7	3	15
16	Болгария	16	8	12	14	3
17	Хорватия	17	14	4	15	9
18	Молдова	18	18	26	21	18
19	Казахстан	19	10	22	16	1
20	Беларусь	19	21	19	20	8
21	Латвия	21	16	17	10	14
22	Азербайджан	22	26	16	18	22
23	Киргизия	23	27	24	22	5
24	Армения	24	17	15	24	1
25	Украина	25	22	27	8	
26	Узбекистан	26	25	20	25	9
27	Туркмения	27	23	21	26	7

Мы видим, что семь верхних строк таблицы занимают Эстония, Чехия, Словения, Словакия, Венгрия, Черногория, Сербия, получившие семь первых мест в индексе ИРС. Восьмое место занимает Россия. Нижние строки таблицы с номерами 22–27 занимают участники группы БСС – Азербайджан, Киргизия, Армения, Украина, Узбекистан, Туркмения. Из этих двух фактов можно сделать вывод, что в соревновании групп стран уверенно победила группа БВДБ.

Судя по размерам трех групп столбиков на рис. 23, выражающих ранги трех групп стран (чем выше столбик, тем меньше ранг), можно заключить, что в разработанном индексе группа БВДБ имеет первое место, БСС – второе, а БЮ – третье. Рис. 23 дает и более подробные данные. Так, в группе БСС на первом месте находится раздел «Экспорт природных ресурсов» (60 баллов), на втором – «Тех. и высокотех. развитие» (95 баллов), подтверждающий сырьевое развитие большей части этих стран, последнее место занимает «Экономика» (100 баллов). В группе стран БВДБ лучшая позиция – «Тех. и высокотех. развитие» (49 баллов), худшая – «Демография». В группе БЮ лучшая позиция – «Экспорт природных ресурсов» (76 баллов), худшая – «Демография» (53 балла).

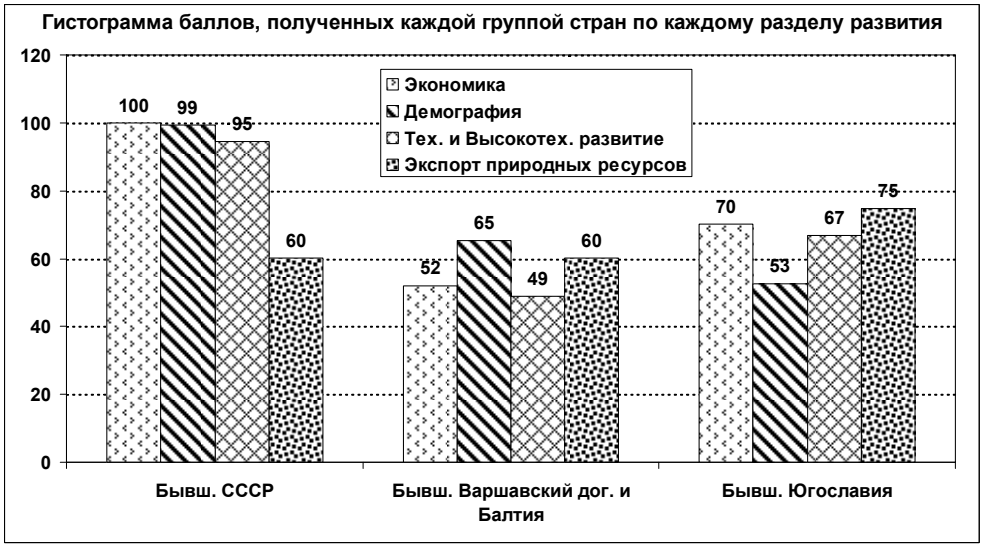

Рис. 23. Гистограмма баллов, полученных тремя группами стран

В заключение следует сказать, что страны бывшего СССР, Варшавского договора и Югославии существенно продвинулись вперед за почти 30 лет независимой жизни. Они в большей или меньшей степени преодолели дефекты прежнего режима. Наименьших успехов достигли страны бывшего СССР – как в экономическом развитии, так и в социальной жизни. В этом удалось разобраться благодаря нестандартному использованию демографических параметров. При этом Россия за 30 лет много потеряла – теперь она, как хорошая команда второй футбольной лиги, успехи ее и других стран бывшего СССР мы сравниваем с успехами другой команды этой лиги – стран бывшего Варшавского договора, которые по многим показателям ее опережают. Однако они тоже имеют трудности в развитии, и им пока далеко до первой лиги – передовых стран. Бывшие страны Югославии, еще не совсем оправившиеся от недавней войны, тоже стремятся вперед и по успехам находятся в промежуточном состоянии. У всех стран есть стремление добиться большего, и они движутся вперед. Можно надеяться, что их усилия будут успешными.

Автор выражает благодарность Анне Тарко за помощь в проведении математических расчетов на ЭВМ для данной статьи.

Литература

Гамбурцев А. Г., Андреев Е. М., Аптикаева О. И., Галичий В. А., Горбаренко Е. В., Заславская Р. М., Логвиненко С. И., Артюшов А. Н., Немцов А. В., Сигачев А. В., Сидоренков Н. С., Степанова С. И., Стрелков Д. Г., Тарко А. М., Чибисов С. М., Щербань Э. А. Влияние трех окружающих сред на медицинские показатели. Опыт сопоставительного анализа // Атлас временных вариаций природных, антропогенных и социальных процессов / отв. ред. А. О. Глико, В. А. Черешнев. Т. 5. Человек и три окружающие его среды. М. : Янус-К, 2013. С. 326–414.

Тарко А. М. Обратная сторона роста. Современные структурные экономические кризисы и пути их преодоления // Свободная мысль. 2015. № 5(1653). С. 81–94.

Тарко А. М. О настоящем и будущем России и мира. Тула : Промпилот, 2016.

Тарко А. М. Двадцать шесть лет развития: чего добились страны СССР и Варшавского договора // Век глобализации. 2018. № 1. С. 68–82. DOI: 10.30884/vglob/2018.01.07.

Тарко А. М., Григорец Е. А. Параметрический анализ социально-инновационного развития субъектов Российской Федерации // Сб. статей международной конференц-сессии «Государственное управление и развитие России: глобальные угрозы и структурные изменения». Инст. Государственной службы и управления. М. : Научная библиотека, 2020. Т. 1. С. 190–209.

Тихонова Н. Е. Изменение социально-психологического состояния российского общества // Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М. : Весь мир, 2011. С. 55–76.

Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 2021. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 20.05.2021).

Чумаков А. Н., Стычинский М. С. Культурно-цивилизационный диалог и его возможности в условиях глобального мира // Век глобализации. 2018. № 1. С. 3–13.

Statistical Review of World Energy. 2021 [Электронный ресурс]. URL: http://www.bp.com/statisticalreview (дата обращения: 20.05.2021).

World Bank Open Data. 2021. World Development Indicators [Электронный ресурс]. URL: https://databank.worldbank.org/data/home.aspx (дата обращения: 11.05.2021).

References

Gamburtsev A. G., Andreev E. M., Aptikaeva O. I., Galichij V. A., Gorbarenko E. V., Zaslavskaya P. M., Logvinenko S. I., Artyushov A. N., Nemtsov A. V., Sigachev A. V., Sidorenkov N. S., Stepanova S. I., Strelkov D. G., Tarko A. M., Chibisov S. M., Shcherban' E. A. Vliyanie treh okruzhayushchih sred na meditsinskie pokazateli. Opyt sopostavitel'nogo analiza [The Influence of Three Environments on Medical Indicators. Experience of Comparative Analysis] // Atlas vremennyh variatsij prirodnyh, antropogennyh i sotsial'nyh protsessov [Atlas of Temporal Variations in Natural, Anthropogenic and Social Processes] / ed. by A. O. Gliko, V. A. Chereshnev. Vol. 5. Chelovek i tri okruzhayushchie ego sredy. Moscow : Yanus-K, 2013. Pp. 326–414.

Tarko A. M. Obratnaya storona rosta. Sovremennye strukturnye ekonomicheskie krizisy i puti ih preodoleniya [The Flip Side of Growth. Modern Structural Economic Crises and Ways to Overcome Them] // Svobodnaya mysl'. 2015. No. 5(1653). Pp. 81–94.

Tarko A. M. O nastoyashchem i budushchem Rossii i mira [About the Present and the Future of Russia and the World]. Tula : Prompilot, 2016.

Tarko A. M. Dvadtsat' shest' let razvitiya: chego dobilis' strany SSSR i Varshavskogo dogovora [Twenty-Six Years of Development: What the Countries of the USSR and the Warsaw Pact Have Achieved] // Vek globalizatsii. 2018. No. 1. Pp. 68–82. DOI: 10.30884/vglob/2018.01.07.

Tarko A. M., Grigorec E. A. Parametricheskij analiz sotsial'no-innovatsionnogo razvitiya sub"ektov Rossijskoj Federatsii [Parametric Analysis of the Socio-Innovative Development of the Subjects of the Russian Federation] // Sb. statej mezhdunarodnoj konferents-sessii „Gosudarstvennoe upravlenie i razvitie Rossii: global'nye ugrozy i strukturnye izmeneniya". Inst. Gosudarstvennoj sluzhby i upravleniya [Collection of Articles of the International Conference Session "Public Administration and Development of Russia: Global Threats and Structural Changes". MBA]. Moscow : Nauchnaya biblioteka, 2020. Vol. 1. Pp. 190–209.

Tihonova N. E. Izmenenie sotsial'no-psihologicheskogo sostoyaniya rossijskogo obshchestva [Changing the Socio-Psychological State of Russian society] // Dvadtsat' let reform glazami rossiyan: opyt mnogoletnih sotsiologicheskih zamerov [Twenty Years of Reforms Through the Eyes of Russians: The Experience of Many Years of Sociological Measurements] // ed. by M. K. Gorshkova, R. Krumma, V. V. Petuhova. Moscow : Ves' mir, 2011. Pp. 55–76.

Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki (Rosstat). 2021. Edinaya mezhvedomstvennaya informatsionno-statisticheskaya sistema [Federal State Statistics Service (Rosstat). 2021. Unified Interagency Information and Statistical System (EMISS)]. URL: http://www.gks.ru (accessed: 20.05.2021).

Chumakov A. N., Stychinskij M. S. Kul'turno-tsivilizatsionnyj dialog i ego vozmozhnosti v usloviyah global'nogo mira [Cultural and Civilizational Dialogue and its Possibilities in the Conditions of the Global World] // Vek globalizatsii. 2018. No. 1. Pp. 3–13.

Statistical Review of World Energy. 2021. URL: http://www.bp.com/statisticalreview (accessed: 20.05.2021).

World Bank Open Data. 2021. World Development Indicators. URL: https://databank.worldbank.org/data/home.aspx (accessed: 11.05.2021).

ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИСТИКИ

ЦИФРОВЫЕ ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ И КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ОБЩЕСТВА

Селезнев П. С., Сургуладзе В. Ш.*

Глобальные процессы цифровизации ставят перед политиками и научным сообществом современных государств ряд новых задач в сфере реализации мер по обеспечению консолидации общества. Влияние современных цифровых технологий на трансформации характера человека, его поведения, социальную и политическую психологию усугубляют происходящие процессы социальной дезинтеграции, угрожая долгосрочной социально-экономической и политической стабильности. Инструментом корректировки наблюдающихся отрицательных последствий воздействия цифровизации на социум могут быть механизмы реализации политики идентичности, ориентированной на гармонизацию общественных отношений.

Ключевые слова: *коллективная идентичность, консолидация общества, цифровизация, сетевая экономика, межпоколенческие ценностные сдвиги, политика идентичности.*

DIGITAL CHALLENGES OF SOCIAL AND POLITICAL CONSOLIDATION AND COLLECTIVE SOCIETY IDENTITY

The global processes of digitalization pose a number of new challenges for politicians and scientific community of modern states in the implementation of measures to ensure the consolidation of society. The influence of modern digital technologies on the transformation of human character, behavior, social and political psychology exacerbates the ongoing processes of social disintegration, threat-

* Селезнев Павел Сергеевич – д. полит. н., доцент Департамента политологии, заместитель декана факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: sps@fa.ru.

Seleznyov, Pavel S. – Doctor of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science, Deputy Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: sps@fa.ru.

Сургуладзе Вахтанг Шотович – к. ф. н., ведущий эксперт Аналитической группы «С.Т.К.», докторант Департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: bafing@mail.ru.

Surguladze, Vakhtang Sh. – Candidate of Philosophy, leading expert of the ‘STK’ Analytical Group, doctoral student of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: bafing@mail.ru.

ening long-term socio-economic and political stability. Mechanisms for implementing identity policies aimed at harmonizing social relations can become a tool for correcting the observed negative consequences of the impact of digitalization on society.

Keywords: *collective identity, consolidation of society, digitalization, network economy, intergenerational value shifts, identity policy.*

Текущий этап глобализации характеризуется противоречивыми тенденциями развития: мир становится беспрецедентно взаимозависимым и в то же время все более антагонистичным в сфере политики, идеологии, ценностных культурно-исторических и цивилизационных ориентаций. Опыт пандемии COVID-19 продемонстрировал уязвимость мира перед лицом общих вызовов и угроз, важность для решения актуальных современных проблем исследований в области глобалистики [Чумаков 2020]. Ключевыми измерениями глобализации сегодня, несомненно, выступают информационно-цифровая и технологическая сферы, в которых пересекаются глобальные тенденции научно-технического развития, содействующие процессу глобализации, и основные угрозы социально-экономической и политической стабильности национальных государств, до сих пор остающихся основными субъектами международных отношений, деятельность которых детерминирована культурно-историческими, цивилизационными рамками развития. В связи с указанными тенденциями всемирно-исторического развития важной задачей гуманитарных наук является определение направлений смягчения кризисных явлений современных социокультурных, экономических и социально-политических трансформаций, как на глобальном, так и на региональном уровнях. В данном контексте особое значение приобретают вызываемые цифровизацией трансформации консолидирующих ценностных ориентаций общества, в частности, наблюдающиеся в настоящее время межпоколенческие сдвиги в поведенческой и ценностной сферах, прежде всего характерные для государств – передовиков цифровизации и, по-видимому, неизбежные и для других государств, находящихся на пути догоняющей модернизации и также, по мере сил, внедряющих новейшие цифровые технологии.

Опыт пандемии COVID-19 показал, что социальная роль национального государства является важной объективной ценностью человеческого общества, а это значит, что для стабильного долгосрочного развития социума необходимо найти консенсус по вопросу о гармонизации задач сохранения социально ориентированного национального государства и рационального внедрения способствующих процессу глобализации современных информационных технологий таким образом, чтобы их использование не подрывало социокультурную сферу суверенных государств, способствовало консолидации и устойчивости социума на базе разделяемых большинством ценностей и коллективной идентичности.

Консолидация общества и реализация политики идентичности в «аналоговом мире»

Со времен изобретения книгопечатания, распространения грамотности сначала среди высших классов, а потом и среди более широких слоев населения, разви-

тия прессы и средств массовой информации основой современного национального государства выступал комплекс социокультурных ценностей, идеологического нарратива и представлений, обеспечивавших определенный уровень консолидации, поддерживавший коллективную идентичность членов общества в качестве граждан государства-нации. Система образования как государственных, так и общественных институтов, поддерживавших образование и культуру, обеспечивала обществу определенное единство взглядов по основным вопросам социально-политического развития. Исторически функции поддержания указанного единства целей возлагались на идеологию, носителями которой на протяжении многих веков выступали религиозные формы сознания и сакральные институты.

Процессы глобальной секуляризации и эмансипации второй половины XX – начала XXI столетия, особенно ярко проявившие себя в развитых постиндустриальных странах «коллективного Запада», привели к тому, что, пользуясь формулировками Р. Инглхарта и К. Вельцеля, ценности самовыражения стали доминировать над ценностями выживания, в результате чего социально невостребованным оказался прежде не вызывавший сомнения нарратив важности обеспечения и поддержания определенного уровня коллективной политической и социокультурной идентичности, ориентированной на долгосрочное социально-политическое выживание общества в качестве не только актора международных отношений и национального государства, но и носителя определенного типа культуры, свойственного данному обществу и имеющего для его представителей самостоятельную ценность.

С развитием массовой психологии общества потребления и процессов роста популярности и легализации мультикультурализма, в крайних своих формах приведшего к возможности фактического социально-политического диктата меньшинств, ряд современных государств постиндустриального «коллективного Запада» столкнулись с кризисом коллективной государственно-политической идентичности, расколотостью сознания общества. Важным аспектом данной проблемы, усугубившим ее развитие, стали кризисные процессы в демографической сфере и масштабный приток иммигрантов из инокультурных и социально-экономически менее развитых государств, представители которых, в отличие от граждан обществ-реципиентов, как правило, в ментальном отношении более традиционны и не готовы принять в качестве обязательного «символа веры» идеологию мультикультурализма и равенства меньшинств.

Указанные тенденции закономерно размывали уровень социального капитала и доверия в обществе, значение которого для гармоничного и стабильного социально-экономического и политического развития сложно переоценить. При этом в развитых странах положение осложняется тем фактом, что в государствах либерального Запада политика идентичности, как правило, интерпретируется в негативных категориях, *рассматривается не как инструмент консолидации и гармонизации общества, а как причина социальных конфликтов*. Ярким примером такого понимания политики идентичности является работа Ф. Фукуямы «Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия». Между тем даже известный американский мыслитель вынужден признать, что гипертрофированное внимание

к идентичностям меньшинств болезненно сказывается на благополучии и моральном климате общества в целом. И это тем более очевидно, что многие прогнозисты, в частности, авторы доклада Национального разведывательного совета США «Глобальные тренды 2030: альтернативные миры» и эксперты Европейского парламента, опубликовавшие доклад «Глобальные тренды 2035: геополитика и международная мощь», считают, что XXI век будет веком столкновения идеологий и мировоззрений, а значит, и столкновения идентичностей.

Цифровизация и автоматизация привели к усилению социально-экономической сегрегации и неравенства развитых стран, росту социокультурного расслоения общества, ускоренному снижению уровня социального единства и самым сильным протестным движениям в наиболее инновационных городах, среди которых можно отметить Нью-Йорк, Лондон, центры передовых технологий Кремниевой долины, которую еще до пандемии COVID-19 стали массово покидать представители некогда передового и считавшегося наиболее успешным «креативного класса». Указанные тенденции заставляют ставить вопрос о правомерности новой, уже не марксистской, но по сути классовой интерпретации происходящих социальных процессов, обращаться к понятиям классовых противоречий между «креативным» классом, «прекариатом» и «салариатом».

Влияние цифровизации на трансформации характера, поведения, социально-политическую психологию и идентичность

К настоящему времени сложился пласт научной литературы, посвященный исследованиям влияния цифровизации на трансформации поведения человека. Наибольший интерес с точки зрения исследования указанной проблематики представляют собой массивы накопленных эмпирических данных. Прежде всего обращают на себя внимание большие данные американских исследований, через которые за последние десятилетия прошли сотни тысяч граждан Соединенных Штатов: *Current Population Survey* (1948–2016), *Monitoring the Future* (1976–2015), *American Freshman Survey* (1966–2015), *Youth Risk Behavior Surveillance* (1991–2015), *General Social Survey* (1972–2016), *Uniform Crime Reports* (1960–2015), *National Crime Victimization Survey* (1997–2013), *National Survey on Drug Use and Health* (2004–2015), *US Current Population Survey* (1972–2014), статистические данные Центров по контролю и профилактике заболеваний США. На основании этих данных современными учеными выявлены тенденции трансформаций под воздействием цифровизации характера, поведения, социально-политической психологии и идентичности граждан.

Среди многочисленных последствий цифровизации можно выделить десять тенденций, которые в разной степени влияют на степень консолидации общества и которые в этой связи важно учитывать при выработке государственной политики идентичности и других мер, направленных на обеспечение информационной безопасности социума и его стабильного долгосрочного развития.

1. На повестку дня встают вопросы сохранения сложившихся гендерных ролей. Появляется все больше научных свидетельств о том, что мужчины хуже адаптируются к стремительным социально-экономическим изменениям, связан-

ным с технологическим развитием, утрачивают веками складывавшиеся социальные функции. В результате деградирует институт семьи, все больше детей воспитываются без отцов, возникают хронические проблемы социализации [Зимбардо, Коломбе 2017].

Распространяется феномен фактического одиночества на фоне роста виртуальной псевдоактивности (собирание «лайков», тысяч «друзей» и «фолловеров») в социальных сетях. При этом люди становятся менее терпимыми, более инфантильными, неспособными к компромиссу, поскольку ориентируются на модели и образцы, диктуемые популярными медиа и социальными сетями [Твенге 2019; Карр 2012; Twenge, Campbell 2009].

2. Виртуализация реальности атрофирует у человека способность к сопереживанию и снижает общий уровень гуманности. Сочувствие, эмпатия уходят на второй план, а новые технологии создают иллюзию возможности прожить, сократив реальные межличностные контакты до минимума и атрофируя способность «цифрового человека» к социализации, в том числе и по причине растущего в атомизированном цифровом мире нарциссизма [Twenge, Campbell 2009].

3. Развитие компьютерных игр и разнообразных симуляторов виртуальной реальности, рост влияния социальных медиа приводят к искажению восприятия современного мира. В данном контексте возникают проблемы игровой зависимости, вопросы распространения симуляторов, разработанных для военных, порождающих отнюдь не виртуальную, а реальную агрессию, которая усиливается после подобных игр как у детей, так и у взрослых. Одними из последствий указанных тенденций становятся игровая зависимость и феномен, получивший название «игрового вдовства» [Зимбардо, Коломбе 2017].

4. Технологические вызовы этике, гуманитарной сфере усиливают размывание консолидирующих ценностей, в результате чего становится все сложнее найти опорные точки коллективной идентичности, которые могут быть приняты большей частью социума. Виртуализация жизни вызывает опасения, что именно пессимистический сценарий будущего наиболее реален. Примерами дегуманизации, происходящей по причине развития современных технологий, являются особенности работы операторов боевых беспилотников и офицеров кибервойск, которые могут дистанционно наносить огромный ущерб критической инфраструктуре, уничтожать людей, не ощущая никакой личной причастности – все происходит как в кино, в игре, а возмездие не всегда очевидно, реальность не ощущается [Харрис 2016].

5. Мозг человека цифровой эпохи утрачивает навыки долговременной памяти за счет расширения памяти оперативной, которая содействует умению работать в условиях многозадачности, но разрушает способности к концентрации внимания и глубокому анализу. Люди массово разучиваются читать и понимать длинные тексты [Карр 2012]. Этот факт также не дает оснований для оптимизма. Данные процессы вызывают опасения по поводу качества политической элиты в целом, ее способности комплексно, стратегически мыслить, вырабатывать соответствующие решения, в том числе формулировать и поддерживать консолидирующие общество ценности.

6. У детей все чаще диагностируется синдром дефицита внимания и гиперактивности, который в США лечится медикаментозно с выявленными отрицательными последствиями для умственного развития человеческой популяции в перспективе, в результате чего «внутренняя мотивация вытесняется медикаментозно сформированными поведенческими рефлексами» [Зимбардо, Коломбе 2017].

7. Картина психологического неблагополучия дополняется синдромом социальной активности – привычкой к постоянному общению, участию в разнообразных мероприятиях, неумением отдыхать и информационно разгружаться, вследствие чего растет количество самоубийств, а депрессивное состояние населения становится неотъемлемой данностью жизни в информационно перегруженной цифровой среде [Твенге 2019].

8. Общий рост социального недоверия, социального неравенства и конфликтности в «цифровых» обществах, обусловленных роботизацией и «финансиализацией» экономики, прекариатизацией широких масс населения [Стэндинг 2020; Форд 2019]. Экономика больших данных на практике приводит к экономии на масштабах, но и к дегуманизации. Сегодня сложно сказать, кто вызывает большее сочувствие – хрестоматийный человек на сборочном конвейере Генри Форда или человек, ставший безликой функцией больших данных и сетевых технологий, зависящий от платформ *Uber* или «Яндекса».

В современных обстоятельствах дегуманизация обусловлена тем, что люди, загнанные в рамки цифровых технологий, вынуждены поддаваться сетевому диктату, расплачиваясь за цифровизацию долгосрочным ухудшением социально-экономического положения [Стиглиц 2020; Аткинсон 2018; Пикетти 2016]. Причем правительства национальных государств пока оказываются неспособными что-то изменить.

9. Все больше специалистов в трудовой сфере указывают на отнюдь не очевидные выгоды удаленной занятости. Корпорации экономят миллиарды долларов на офисных помещениях, но их сотрудники, находящиеся на удаленном доступе, вынуждены нести значительные сопутствующие издержки. Рост количества нештатных сотрудников и «фрилансеров» также способствует дезинтеграции общества и размыванию коллективной идентичности – утрачиваются возможности коллективной защиты собственных прав перед лицом работодателя, размывается чувство социальной и профессиональной идентичности. Разобщенные люди не чувствуют между собой солидарности. Пагубно сказывается на психологическом здоровье населения вызванное цифровизацией отсутствие четкого разделения жизнедеятельности на зоны работы и отдыха [Зимбардо, Коломбе 2017; Стэндинг 2020].

Роботизация и информационные технологии исключают все больше людей из производственных процессов, не повышая уровень общего благосостояния. Средний класс развитых стран сокращается, бедные беднеют, а богатейшие богатеют невиданными до сих пор темпами.

10. Снижение познавательной ценности информационного пространства. Казалось, что Интернет – зона свободы, возможностей для поиска информации. Однако с течением времени стало очевидно, что информационный поток в глобаль-

ной Сети совершенно «заспамлен», все труднее становится отличать правду от лжи («фейк-ньюс»).

Показательно, что озабоченность современным состоянием постиндустриального общества выражают и известные апологеты цифровизации и креативной экономики. Так, например, заявил о необоснованности собственных завышенных ожиданий от развития современной третичной экономики создатель и многолетний пропагандист концепции креативного класса Р. Флорида [2018].

Утрата консолидирующих социум функций образования, движение от цифрового оптимизма к цифровому пессимизму

Традиционным институтом консолидации общества, формировавшим общие смысловые рамки социума, выступала система образования. Однако сегодня этот механизм поддержания чувства гражданской сопричастности перестает работать. Указанный процесс происходит по разным причинам. Рост количества образованных граждан, казалось бы, должен способствовать развитию и укреплению сложившихся образовательных систем в контексте их влияния на социальные отношения и коллективную идентичность, однако на практике происходит обратное. В странах, правительства которых проводят политику мультикультурализма, система образования ориентирована на воспитание в гражданах лояльности к множественности идентичностей, тем самым размывая имевшиеся в прошлом более широко распространенные опорные точки самосознания. В то же время в результате адаптации современных образовательных структур к потребностям цифровой эпохи и сетевой экономики образование как таковое стремительно утрачивает ореол сакральности и самостоятельной ценности [Твенге 2019; Радаев 2020; Стэндинг 2020], равно как утрачивается и уважение к образованности. Образование, во все возрастающей степени ориентированное не на знания, а на навыки, *soft skills*, формирует потребительское отношение к самому процессу обучения, что, в свою очередь, понижает морально-нравственное и этическое значение образовательных институтов.

Другой негативной тенденцией, оказывающей влияние на формирование общегражданского нарратива механизмами образования, является размывание и замещение информационного лекционного контента превалирующими практиками семинарских занятий и новых интерактивных методов, которые предполагают самостоятельный поиск информации обучающимися. Теоретически подобный подход должен развивать необходимые в цифровом сетевом обществе навыки, однако на практике он приводит к снижению образовательных стандартов, кругозора, глубины знаний, навыков академической культуры, а также девальвации статуса экспертного сообщества, поскольку в мире социальных медиа каждый гражданин претендует на обладание собственной экспертностью.

В 2000-е гг. появился массив работ, воспевавших разнообразные проявления уникальности, непохожести и самобытности во всем. Яркими представителями этого направления были, например, К. Нордстрем и Й. Риддерстрале из Стокгольмской школы экономики. Параллельно возникали утонченные концепции потребительского поведения успешных миллениалов, новой элиты, определенных

Д. Бруксом в качестве буржуазной богемы, и преисполненные оптимизма маркетинговые стратегии, например, концепции бывшего вице-президента по маркетингу компании *Yahoo* С. Година, популяризировавшего вирусные методы продвижения продукции в социальных сетях и подход «разрешительного» маркетинга (*permission marketing*). Апофеозом развития указанных тенденций стала популярная концепция «креативного класса» Р. Флориды. Приведенные примеры демонстрируют, как индивидуализм и ориентация на собственные обособленные потребности личности становились основной темой образовательной и бизнес-повестки, а также единственной пропагандируемой моделью поведения.

Однако в реальности мир цифровой сетевой экономики оказался гораздо менее привлекательным. Эпоха бурного развития стартапов привела к конечной монополизации рынка гигантами цифровой экономики, скупающими на корню лицензии и любые более-менее перспективные стартапы в сфере своих и смежных бизнес-интересов [Чумаков 2019: 398–409]. Указанные тенденции все чаще становятся предметом недовольства, общественной дискуссии и внимания государственных регуляторов. Так, например, в октябре 2020 г. Министерство юстиции США подало иск против компании *Google*, обвинив корпорацию в монополии на поиск и поисковую рекламу. В декабре того же года власти 46 американских штатов вместе с Федеральной торговой комиссией подали в суд на компанию *Facebook*, обвинив последнюю в системных нарушениях антимонопольного законодательства и требуя отделения *Instagram* и *WhatsApp*. Указанные действия свидетельствуют о том, что в условиях глобальной экономической нестабильности и последствий пандемии COVID-19 как на гражданском, так и на государственном уровне растет озабоченность низкой степенью социальной ответственности гигантов цифровой экономики.

Межпоколенческий сдвиг: от миллениалов к центениалам-айдженерам

В контексте изучения трансформаций коллективной идентичности указанные процессы важны в том отношении, что демонстрируют, насколько пропагандировавшиеся утверждения о благах цифровой эпохи для «суверенного индивида – потребителя» не соответствуют реальности и многолетним ожиданиям. Данное несоответствие проявилось в настроениях общества. И прежде всего молодого поколения, которое находится в эпицентре использования цифровых технологий, что дало основание американскому социологу Джин Твендж предложить концепцию поколения айдженеров (iGeners), по аналогии с названиями продукции корпорации *Apple*, поскольку, по мнению исследовательницы, полностью цифровое поколение появилось одновременно со смартфонами *iPhone*, поступившими в продажу в середине 2007 г. Примечательно в данной связи, что современные специалисты по изучению межпоколенческих отличий свидетельствуют о том, что вступающее в настоящее время в период активной социализации поколение центениалов (поколение Z) в отличие от поколения миллениалов (поколение Y) характеризуется явными чертами социальной апатии, пониженным уровнем уверенности в будущем, снижением навыков социальной консолидации, отсутствием казавшегося неизбежным для молодежи бунтарского духа [Твендж 2018; Твенге 2019].

Особенно ярко данные черты межпоколенческих отличий проявляются в Соединенных Штатах. Однако схожие тенденции наблюдаются и в России [Радаев 2020]. Достаточно хорошо изученный благодаря обилию эмпирического материала, наличию многолетних статистических данных и многочисленным лонгитюдным исследовательским проектам американский опыт имеет для российских специалистов прогностическую ценность, поскольку дает представление о вариантах развития текущих тенденций цифровизации и ее воздействия на общество.

По мнению Дж. Твендж, для преодоления негативных тенденций развития личности сегодня необходима позитивная информационная повестка. О важности в современных условиях конструктивной информационной повестки, способствующей развитию и поддержанию здоровой индивидуальной и коллективной идентичности, свидетельствуют и такие авторы, как Ф. Фукуяма, Ф. Зимбардо и Н. Коломбе.

При этом в практическом отношении остается неясным, какие механизмы могут быть использованы для противодействия отрицательным трендам. Практикующим психологам, специалистам по рекламе и маркетингу давно известно о том, что сознание человека ограниченно и характеризовалось информационной перегруженностью еще на заре нового тысячелетия. Однако сегодня вследствие тотальной цифровизации это воздействие приобрело качественно новый характер.

Влияние цифровых технологий на политическое поведение и утрату навыков стратегического мышления

Политические последствия указанных процессов сложнопрогнозируемы в силу противоречивых оценок доминирующих черт характера вступающего в пору социально-экономической и политической активности поколения Z. Специалисты указывают на социальную покладистость, терпимость, толерантность и конформность поколения центениалов, но при этом отмечают его эгоцентричность, нарциссизм, крайнюю ранимость, впечатлительность и недовольство окружающим миром. В данной связи возникает вопрос о пределах толерантности этого поколения, границах его терпимости и готовности переходить к активным действиям и политическому протесту. Любые попытки определить эти границы и спрогнозировать тенденции политического поведения представителей поколения Z пока носят ретроспективный сопоставительный характер, опираются на опыт исследований поведения предшествовавших поколений и попыток его экстраполяции. Так, например, Г. Стэндинг предположил, что нарастающая социально-экономическая нестабильность и напряженность в поляризирующемся обществе приведут к формированию классового сознания, социальной консолидации прекариата, большая часть которого представлена молодым поколением. Однако пока непохоже, что проявляются какие-то очевидные признаки идеологической и идейно-политической мобилизации прекарных социальных групп. Более того, фиксируемые сегодня особенности социальной психологии айдженеров свидетельствуют об их склонности не бросать вызов системе извне, а пытаться трансформировать ее изнутри, придерживаться стратегии «малых дел». Примечательно в данной связи и то, что хорошо изученные в настоящее время методики «рево-

люций *Facebook*» реализовывались представителями поколения Y. С другой стороны, при отмечаемом эгоцентризме центениалов (продолжающем тренд, заданный еще миллениалами), сопутствующем снижению навыков социального взаимодействия в реальной жизни *offline*, становится неясным, возможно ли институциональное и инструментальное оформление накапливающегося в молодежной среде недовольства в практическую протестную и скоординированную политическую активность. Индустриальная эпоха «восстания масс» характеризовалась наличием массовых идеологических доктрин, создававших для своих последователей желаемый образ будущего, без относительной веры в который участие в движении было проблематичным. В современных условиях желаемый образ будущего исчез, на его место пришло ощущение аномии, беспомощности и катастрофизма. Между тем без веры в достижимость желаемого образа будущего у людей исчезают стимулы для борьбы за социальные и политические преобразования. Другой проблемой решения задач, стоящих перед новым поколением, связанной с последствиями тотальной цифровизации, является воздействие технологий на когнитивные способности и прежде всего снижение способностей к стратегическому и концептуальному мышлению.

Доступность информации, казалось бы, делает возможности познания мира безграничными, однако на деле обилие данных сужает поле зрения, способствует утрате понимания, какие факты отвечают действительности и на самом деле имеют значение, а какие привлекают внимание в силу особенностей работы алгоритмов поисковых систем и искусственного интеллекта, адаптирующего контент под конкретного пользователя Сети.

Патриарх мировой политики Г. Киссинджер отмечает в данной связи: «Чтобы двинуться по дороге, которой раньше никто не ходил, требуются сила воли и мужество: воля – потому, что выбор не очевиден; лидерство – потому, что дорога будет поначалу одинокой. А затем государственным деятелям следует убедить сограждан присоединиться к этому походу. Великие государственные деятели (Черчилль, оба Рузвельта, де Голль и Аденауэр) обладали видением и решимостью; сегодня такие качества встретишь редко… При всех благах, которые принес Интернет, он сосредоточен больше на актуальном, не на протяженном во времени, на фактах, а не концепциях, на общих ценностях, а не на интроспекции… Образ мышления, подходящий для одиноких политических дорог, не слишком очевиден тем, кто ищет подтверждения своим взглядам у сотен, а то и тысяч друзей в “Фейсбуке”» [Киссинджер 2015: 453–454].

Концептуальное мышление требует времени, навыков вдумчивого сравнительного анализа, ориентированного на моделирование будущего. Однако формируемые обществом потребления цифровой эпохи практики не отвечают указанной задаче, поскольку способствуют развитию фрагментарного, клипового сознания. В политической плоскости современные цифровые технологии и особенности развития сетевой экономики ставят вопрос о проблеме лидерства, качестве элиты, которая должна формулировать желаемый образ будущего и моделировать стратегическое развитие общества. Потребляемые «сетевым человеком» информационные потоки, подогнанные под его проанализированные искусствен-

ным интеллектом предшествующие поисковые запросы и тематику просмотренных электронных страниц и отслеженных электронных следов в глобальной Сети, которые, как предполагается, полностью соответствуют его интересам, образуют вокруг личности непроницаемый информационный кокон, создают иллюзию информационной свободы, за которую пользователь расплачивается личными данными, поступающими в безбрежный массив *Big Data* [Кин 2016; Zuboff 2019; Киссинджер 2015: 458, 480]. Подобные тенденции взаимодействия человека и техники ориентируют на тактические решения и нестратегический стиль мышления, приводят к тому, что ключевой функцией кандидатов на первые посты современных демократических государств становится сбор средств. При таких обстоятельствах здравый смысл и стратегическое мышление закономерно приносятся в жертву PR-активности и краткосрочной политической конъюнктуре, острота воздействия которой на политиков и общество усиливается средствами сетевой информационной агрессии.

Воздействие сетевых технологий на мышление усугубляет опасные тенденции тактических решений в социально-экономической и политической сферах. Об опасностях тактического мышления существует значительная как научная, так и практическая литература. Данной проблемы в своей критике капиталистических отношений касался К. Маркс, ее рассматривали в своих работах авторитетные эксперты в области менеджмента (например, Л. Якокка) и специалисты в сферах прогнозирования, футурологии и стратегического планирования (например, Дж. Нейсбит и Э. Тоффлер). Однако сегодня в глобализированном и стремительно меняющемся, непредсказуемом и сложном мире тенденция упрощения проблем и тактического мышления чревата особенно разрушительными последствиями, вышла на качественно новый уровень, который требует интенсификации новых научных и практических исследований.

* * *

Представляется, что решить проблемы дегуманизации экономики и сохранения человечества как одухотворенного, сознающего свою ответственность вида могут только государство и активная государственная социально ориентированная политика. Рыночные механизмы и цифровые технологии сами по себе не решают многочисленных стоящих перед современным обществом проблем. Эффективные решения возможны на уровне скоординированных усилий и политической воли национальных правительств при условии активного вовлечения общественности. Однако хватит ли у правительств, привыкших руководствоваться в своих действиях либеральными концепциями, доминировавшими в идеологической сфере на протяжении последних тридцати лет, воли на то, чтобы пересмотреть ставшие традиционными подходы и искать новые решения – большой, в значительной степени идеологический вопрос [Piketty 2020]. В сложившейся либеральной модели социально-экономического развития, в которой доминируют англосаксонские концепции, отсутствуют нравственные, моральные установки, ориентированные на коллективные интересы и общие ценности и перспективы. Цифровые технологии и сетевая экономика стали бурно развиваться именно в рамках этого эгоцентричного нарратива общества потребления. Тем не менее даже

в странах либеральной демократии общественность выражает все большую озабоченность непрозрачностью, монополизмом и антиобщественным поведением корпораций – лидеров сетевой экономики. Результаты опроса *Pew Research Center*, проведенного в сентябре 2020 г., показали: 73 % респондентов заявили о своей неуверенности в том, что *Facebook*, *Twitter* и *Google* могут предотвратить злоупотребления техническими возможностями социальных медиа на выборах. По данным опроса *Accountable Tech*, проведенного летом 2020 г., 85 % граждан обеспокоены непропорционально большим влиянием IT-гигантов на общество.

Провал глобального альтернативного западному советского социально-экономического эксперимента по построению разумно организованного общества привел к тому, что сегодня, по верному замечанию британского социолога Дж. Урри, в научном сообществе просто «не модно», не принято заниматься комплексным стратегическим прогнозированием будущего в привязке к выработке каких-либо конкретных социально-экономических и политических мер. В современных социально-экономических и политических процессах наблюдается рост хаотизации и превалирования тактических решений. В условиях динамичного и сложного современного мира растут конфликтный потенциал и социальные противоречия. В этих обстоятельствах необходимо вырабатывать комплексные меры и пересматривать саму модель социально-экономической организации общества, опираясь при этом на реализацию сглаживающей противоречия государственной политики идентичности, ориентированной на интеграцию, а не дезинтеграцию общества. Советский и российский опыт многонационального государства и поддержания межнационального и межконфессионального мира и согласия, а также развитие отечественной школы идентитарных исследований свидетельствуют о том, что российское научное сообщество может внести свой вклад в анализ и практическую корректировку негативных процессов цифровизации с помощью соответствующих механизмов реализации политики идентичности.

Политика идентичности в качестве инструмента консолидации общества и сглаживания его противоречий должна носить объясняющий и гармонизирующий характер, быть научно обоснованной и при этом психологически приемлемой для общества, скоординированной с комплексным стратегическим социально-экономическим планированием (в том числе в рамках реализации положений 172-го Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации») и соответствующей законотворческой практикой, поскольку вне рамок осмысленного и контролируемого обществом использования современные технологии обладают значительным разрушительным потенциалом социально-психологической дезинтеграции. В то же время влияние цифровизации на трансформацию человеческого восприятия заставляет вырабатывать новые методы информационной борьбы, защиты ценностного суверенитета общества от информационных атак разнообразных внешнеполитических, как государственных, так и негосударственных акторов мировой политики.

Литература

Аткинсон Э. Б. Неравенство: как с ним быть? М. : Дело, 2018.

Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве. М. : Альпина Паблишер, 2017.

Карр Н. Дж. Пустышка. Что Интернет делает с нашими мозгами. СПб. : Best Business Books, 2012.

Кин Э. Ничего личного: Как социальные сети, поисковые системы и спецслужбы используют наши персональные данные. М. : Альпина Паблишер, 2016.

Киссинджер Г. Мировой порядок. М. : АСТ, 2015.

Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016.

Радаев В. В. Миллениалы: как меняется российское общество. М. : ВШЭ, 2020.

Стиглиц Дж. Люди, власть и прибыль: Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства. М. : Альпина Паблишер, 2020.

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М. : Ад Маргинем Пресс, 2020.

Твенге Дж. М. Поколение I. М. : РИПОЛ классик, 2019.

Твендж Дж. М. Поколение селфи: кто такие миллениалы и как найти с ними общий язык. М. : Эксмо, 2018.

Флорида Р. Новый кризис городов: Джентрификация, дорогая недвижимость, растущее неравенство и что нам с этим делать. М. : Точка, 2018.

Форд М. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы. М. : Альпина нон-фикшн, 2019.

Харрис Ш. Кибервойн@. Пятый театр военных действий. М. : Альпина нонфикшн, 2016.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М. : Проспект, 2019.

Чумаков А. Н. Глобалистика в контексте современности: испытание пандемией // Век глобализации. 2020. № 3(35). С. 3–14.

Piketty T. Capital and Ideology. Cambridge : Harvard University Press, 2020.

Twenge J. M., Campbell W. K. The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement. New York : Free Press, 2009.

Zuboff Sh. The Age of Surveillance Capitalism. The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. London : Profile Books, 2019.

References

Atkinson A. B. Neravenstvo: kak s nim byt'? [Inequality – What Can Be Done?] Moscow : Delo, 2018.

Zimbardo P., Colombe N. Muzhchina v otryve [Man, Interrupted]. Moscow : Alpina Publisher, 2017.

Karr N. G. Pustyshka. Chto Internet delaet s nashimi mozgami [The Shallows: What Internet Is Doing to Our Brains]. St. Petersburg : Best Business Books, 2012.

Keen A. Nichego lichnogo: Kak sotsial'nye seti, poiskovye sistemy i spetssluzhby ispol'zuyut nashi personal'nye dannye [Nothing Personal: How Social Networks, Search Engines and Intelligence Agencies Use Our Personal Data]. Moscow : Alpina Publisher, 2016.

Kissinger H. Mirovoj poryadok [World Order]. Moscow : AST, 2015.

Piketty T. Kapital v XXI veke [Capital in the Twenty-First Century]. Moscow : Ad Marginem Press, 2016.

Radaev V.V. Millenialy: kak menyaetsya rossijskoe obshchestvo [Millennials: How the Russian Society Changes]. Moscow : HSE, 2020.

Stiglitz J. E. Lyudi, vlast' i pribyl': Progressivnyj kapitalizm v epohu massovogo nedovol'stva [People, Power, and Profits: Progressive Capitalism in the Age of Mass Discontent]. Moscow : Alpina Publisher, 2020.

Standing G. Prekariat: novyj opasnyj klass [The Precariat: The New Dangerous Class]. Moscow : Ad Marginem Press, 2020.

Twenge J. M. Pokolenie selfi: kto takie millenialy i kak najti s nimi obshchij yazyk [Generation Me: Who are Millennials and How to Find a Common Language With Them]. Moscow : Eksmo, 2018.

Twenge J. M. Pokolenie I [iGen]. Moscow : RIPOL classic, 2019.

Florida R. Novyj krizis gorodov: Dzhentrifikaciya, dorogaya nedvizhimost', rastushchee nera-venstvo i chto nam s etim delat' [The New Urban Crisis: How Our Cities are Increasing Inequality, Deepening Segregation, and Failing the Middle Class – and What We Can Do About It]. Moscow : Tochka, 2018.

Ford M. Roboty nastupayut: Razvitie tekhnologij i budushchee bez raboty [Rise of the Robots: Technology and the Threat of a Jobless Future]. Moscow : Alpina non-fiction, 2019.

Harris S. Kibervojn@. Pyatyj teatr voennyh dejstvij [Cyber War: Fifth Theater of Operations]. Moscow : Alpina non-fiction, 2016.

Chumakov A. N. Global'nyj mir: stolknovenie interesov [Global World: A Clash of Interests]. Moscow : Prospekt, 2019.

Chumakov A. N. Globalistika v kontekste sovremennosti: ispytanie pandemiej [Globalistics in the Context of Modernity: The Test of the Pandemic] // Vek globalizatsii. 2020. No. 3(35). Pp. 3–14.

Piketty T. Capital and Ideology. Cambridge : Harvard University Press, 2020.

Twenge J. M., Campbell W. K. The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement. New York : Free Press, 2009.

Zuboff Sh. The Age of Surveillance Capitalism. The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. London : Profile Books, 2019.

ВОЗМОЖНОСТИ И ТРУДНОСТИ ДЛЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ВЬЕТНАМА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ха Тхи Бак, Ле Ван Хунг*

Глобализация предоставляет высшему образованию Вьетнама множество привлекательных возможностей. Но в то же время она ставит высшее образование Вьетнама перед лицом беспрецедентных трудностей, требуя сделать шаг к достижению уровня образования других стран региона и мира. В рамках данной статьи авторы сосредоточивают свое внимание на следующих пунктах: во-первых, прояснении некоторых теоретических вопросов, связанных с глобализацией и высшим образованием Вьетнама, во-вторых, анализе возможностей и трудностей вьетнамского образования в контексте глобализации.

Ключевые слова: *глобализация, образование, высшее образование, образование и профессиональная подготовка, университет во Вьетнаме.*

OPPORTUNITIES AND CHALLENGES FOR VIETNAM'S HIGHER EDUCATION IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Globalization offers many attractive opportunities for the higher education of Vietnam. At the same time, however, it also puts Vietnamese higher education in the face of unprecedented challenges and requires making progress in order to match the higher education of other countries in the region and in the world. In the present article, the authors focus on clarifying the following basic points: first, we want to clarify some theoretical issues about globalization and higher education in Vietnam; and second, analyze opportunities and challenges for the Vietnamese education in the context of globalization.

Keywords: *Globalization, education, higher education, education and training, university in Vietnam.*

1. Введение

Человечество развивается в мире, где глобализация стала объективно необходимым явлением. В глобальной среде развитие и успех одной страны в определенной степени влияют на другие страны и наоборот. Помимо возможностей и перспектив, глобализация также ставит перед странами и нациями множество

* Ха Тхи Бак – доктор философии, Университет социальных и гуманитарных наук, Вьетнамский национальный университет (Ханой, Вьетнам). E-mail: hathibac0502@gmail.com.

Ha Thi Bac – Ph.D., University of Social Sciences and Humanities, Vietnam National University (Hanoi, Vietnam).

Ле Ван Хунг – доктор философии, Вьетнамский национальный сельскохозяйственный университет (Ханой, Вьетнам). E-mail: habac@vnu.edu.vn.

Le Van Hung – Ph.D., Vietnam National Agricultural University (Hanoi, Vietnam).

проблем и вызовов, таких как изменение климата, загрязнение окружающей среды, проблема голода, нищеты, продовольственная безопасность, нетрадиционные угрозы безопасности… Сильное развитие информационных технологий и социальных сетей наряду с глобализацией также изменило то, как люди общаются, живут и работают… Для этих изменений, необходимых для достижения целей текущей эпохи, требуются обучение и профессиональная подготовка, особенно в сфере высшего образования, способные изменить модель управления, метод организации, воспитания и обучения, а также содержания.

2. Содержание

2.1. Ряд теоретических вопросов, связанных с глобализацией и высшим образованием Вьетнама

Проблема глобализации

В настоящее время для многих стран глобализация уже не является новой концепцией, но ее влияние на страны никогда не ослабевает, поскольку на каждом этапе развития воздействие глобализации имеет различные явные и неявные проявления. Конкретным проявлением тенденции глобализации является зарождение экономики с сильным ростом и влиянием транснациональных монополистических капиталистических фирм. Однако глобализация не ограничивается экономическим сектором, но затрагивает также политические, социальные, культурные, образовательные и другие вопросы. Поэтому исследование ее влияния на эти вопросы в различных аспектах и масштабах на сферы, не связанные с экономикой, все еще является очень интересным, не теряющим актуальности в сравнении с нынешними основными исследовательскими направлениями.

До сих пор в исследованиях глобализации использовалось много методов, таких как мир-системный подход; культурный подход; подход глобального общества; подход глобального капитализма; логический и исторический подход. По мнению Фам Тай Вьета, классификация теорий глобализации, основанная на определенном подходе, является наиболее разумной и удобной, поскольку она учитывает междисциплинарный и многогранный характер реальности, определенной как глобализация [Pham Thai Viet 2006: 40–41].

Однако независимо от подхода исследователи должны ответить на вопрос, *что такое глобализация и какова ее суть.* В поисках ответа на него было выдвинуто множество связанных с глобализацией концепций, основанных на различных подходах. Причина того, почему глобализацию так трудно точно определить, заключается в том, что она представляет собой явление, объединяющее транснациональные процессы. Это явление было, есть и будет очень сложным и новым, так как «колебания современного мира являются гораздо более глубокими и всепроникающими, чем то, что все предполагают» [Rosenau 2000: 8–22].

Т. Л. Фридман в своей книге «Плоский мир: Краткая история XXI века» сделал обобщенный исторический вывод о том, что мир прошел через три эпохи глобализации [Friedman 2006: 24–27]. Мы живем в эпоху Глобализации 3.0, начавшуюся примерно с 2000 г. Глобализация 3.0 сжимает мир от малого до микроскопического уровня и выравнивает глобальное игровое поле.

Т. Л. Фридман описал феномен, согласно которому индивидуумы и упрощенные малые группы усиливаются и плавно глобализируются, подобно плоской ми-

ровой системе. По его мнению, система плоского мира – это продукт конвергенции *персональных компьютеров с оптическими кабелями и программным обеспечением для бизнес-обработки*. Это позволяет людям быть создателями и почти бесплатно получать доступ к цифровым продуктам; по всему миру сотрудничать в одной и той же цифровой базе данных, независимо от места и расстояния. По словам Фридмана, понятие «плоский» здесь означает «связанный», а «связанный» является синонимом понятия «глобализирующийся». Он подчеркнул, что тенденции глобализации являются доминирующей чертой эпохи, поэтому страны должны ставить перед собой цели развития, отвечающие требованиям международной системы.

Во Вьетнаме также существует много различных взглядов на глобализацию, например, Буй Тхань Куат сказал: «Глобализация – это процесс преобразования различных регионов и сообществ из состояния изоляции и обособления в иное естественное состояние, путем соединения и сплочения органического единства в глобальном масштабе. Как следствие, событие, феномен, проблема, происходящие в этом регионе и в этом сообществе, повлияют и окажут воздействие на другие регионы и сообщества в мировом масштабе» [Bui Thanh Quat 2003: 11]. Ву Ван Хьен, подчеркивая природу глобализации, говорил: «По существу, глобализация – это процесс резко усиливающихся отношений, влияний, взаимодействий и взаимной зависимости между всеми регионами, странами и народами мира» [Vu Van Hien 2000: 205]. Фам Тай Вьет, подчеркивая природу глобализации, утверждает: «Глобализация, как и связи, постоянно расширяется и увеличивает свою интенсивность и скорость; усиливает свое влияние на глобальном уровне» [Pham Thai Viet 2006: 35]. С помощью этих концепций мы можем представить себе современный мир опутанным разнообразными и сложными «узорами связи» в различных измерениях экономических, политических, культурных, социальных и других сил. Результат этого взаимодействия не является простой арифметической прогрессией, и человек воспринимает его обычно на шаг медленнее, чем он есть на самом деле.

Хотя глобализация все еще является предметом споров, есть некоторые типичные признаки, которые можно выделить в отношении этого явления, а именно: 1) новые технологии; 2) централизация информации, обеспечивающая прямую коммуникацию; 3) усиление тенденции к стандартизации социальных и экономических продуктов; 4) усиление транснациональной интеграции; 5) взаимная уязвимость из-за усиления взаимозависимости [Savitch 2002: 179–189]. Глобализация предстает как «совокупность крупных преобразований» в современной истории и необратимый процесс, который продлится, по крайней мере, ближайшие несколько десятилетий. Прояснение некоторых теоретических вопросов глобализации станет важной основой для исследования высшего образования Вьетнама в контексте глобализации, которое не только открывает чрезвычайно привлекательные возможности, но и создает вызовы перед развитием высшего образования во Вьетнаме.

Высшее образование Вьетнама

В соответствии с Законом о высшем образовании Вьетнама (в 2012 г. и с поправками в 2018 г.) университет является высшим учебным заведением, включа-

ющим в себя сочетание колледжей, университетов и дочерних научно-исследовательских институтов различных областей знаний, организованных на двух уровнях, нацеленных на подготовку кадров на всех уровнях высшего образования [Prime Minister 2012: 1]. Высшие учебные заведения во Вьетнаме организованы следующим образом: государственные высшие учебные заведения, финансируемые и построенные за счет государства; частные высшие учебные заведения, принадлежащие общественным организациям, социально-профессиональным организациям, частным экономическим организациям или физическим лицам, профинансированные и построенные социальными организациями, социально-профессиональными организациями, частными экономическими организациями или физическими лицами [*Ibid.*].

Главная цель высшего образования Вьетнама состоит в том, чтобы «обучать человеческие ресурсы; повышать интеллектуальный уровень народа, воспитывать таланты; исследовать науку и технику для создания новых знаний и продуктов, отвечающих требованиям социально-экономического развития, обеспечивать национальную оборону, безопасность и международную интеграцию, готовить учащихся с политическими и этическими качествами; со знаниями, профессиональными практическими навыками, научно-исследовательским потенциалом для применения науки и техники, соответствующим уровню подготовки; со здоровым телом; с творческими способностями и профессиональной ответственностью, с навыками адаптации к рабочей среде и с чувством служения людям» [*Ibid.*]. Реализуя свои цели и задачи, высшее образование Вьетнама в последние годы достигло бурного развития, изначально отвечающего ряду требований комплексного обновления страны.

Количество колледжей, университетов, сотрудников, преподавателей растет, а квалификация и компетентность менеджеров и лекторов в сфере образования постоянно совершенствуются, способствуя все большему развитию вьетнамского образования. В соответствии со статистическими данными, на текущий момент во Вьетнаме насчитывается 237[1] университетов с 83 587 менеджерами, преподавателями и работниками. В частности, профессорско-преподавательский состав насчитывает 73 312 преподавателей, среди которых 21 106 преподавателей с докторской степенью, 519 профессоров, 4 139 доцентов, 44 705 преподавателей с университетскими степенями (см. табл. 1).

Таблица 1

Статистика Министерства образования и профессиональной подготовки за 2017–2018 академический год и 2018–2019 академический год

Содержание	2017–2018 академический год			2018–2019 академический год		
	Общее	Государственные	Частные	Общее	Государственные	Частные
Количество школ	**236**	**171**	**65**	**237**	**172**	**65**

[1] Статистика не включает университеты и академии, относящиеся к сфере безопасности и национальной обороны.

Окончание Табл. 1

Содержание	2017–2018 академический год			2018–2019 академический год		
	Общее	**Государственные**	**Частные**	**Общее**	**Государственные**	**Частные**
Руководители, преподаватели и сотрудники	**84,071**	**66,489**	**17,582**	**83,587**	**64,772**	**18,815**
Руководители	769	572	197	727	543	184
Сотрудники	8,311	6,685	1,626	9,548	7,244	2,304
Преподаватели	74,991	59,232	15,759	73,312	56,985	16,327
Из которых: – женщины	36,550	29,942	6,608	36,808	29,107	7,701
– этнические меньшинства	816	774	42	1,040	883	157
– профессора	729	529	200	519	379	140
– доценты	4,538	3,796	742	4,139	3,525	614
По уровню подготовки:						
– кандидаты наук	20,198	17,003	3,195	21,106	17,336	3,770
– магистры	45,266	36,224	9,042	44,705	35,123	9,582
– выпускники	9,495	5,989	3,506	7,489	4,516	2,973
Другая подготовка	32	16	16	12	10	2

Источник: Статистика Министерства образования и профессиональной подготовки, 2019 г.

Вьетнам сейчас находится в периоде «золотого населения», количество людей школьного и трудоспособного возраста велико, поэтому потребность в учебе и повышении профессиональной квалификации огромна. В соответствии со статистикой Министерства образования и профессиональной подготовки Вьетнама, в последние годы численность студентов университетов, магистрантов и докторантов поддерживается на относительно высоком уровне. В 2017–2018 учебном году обучалось 1 707 025 студентов, из них магистров и докторов наук – 121 253, выпускников вузов – 341 633. В 2018–2019 учебном году обучалось 1 526 111 студентов, из них магистров и докторов наук – 108 134, выпускников вузов – 311 599. Это показывает, что высшее образование Вьетнама играет очень важную роль в подготовке кадров для удовлетворения потребностей социально-экономического развития страны (см. табл. 2).

Таблица 2

Статистика Министерства образования и профессиональной подготовки за 2017–2018 академический год и 2018–2019 академический год

Содержание	2017–2018 академический год			2018–2019 академический год		
	Общее	**Государственные**	**Частные**	**Общее**	**Государственные**	**Частные**
1. Количество студентов	**1,707,025**	**1,439,495**	**267,530**	**1,526,111**	**1,261,529**	**264,582**
Женщины	906,849	772,957	133,892	780,289	641,744	138,545
Этнические меньшинства	103,816	96,607	7,209	89,078	78,141	10,937

Окончание Табл. 2

Содержание	2017–2018 академический год			2018–2019 академический год		
	Общее	Государственные	Частные	Общее	Государственные	Частные
2. Количество магистров и кандидатов наук	**121,253**	**106,983**	**14,270**	**108,134**	**95,464**	**12,670**
Магистры	106,567	92,586	13,981	97,134	84,706	12,428
Аспиранты	14,686	14,397	289	11,000	10,758	242
3. Выпускники вузов	**341,633**	**302,677**	**38,956**	**311,599**	**266,970**	**44,629**

Источник: Статистика Министерства образования и профессиональной подготовки, 2019 г.

Высшее образование Вьетнама стало демонстрировать положительную динамику с того момента, как ряд вьетнамских университетов начал появляться в списке 1000 лучших университетов мира, а также вошли в список лучших университетов Азии. 25 ноября 2020 г. британская образовательная организация *Quacquarelli Symonds* составила рейтинг лучших университетов Азии в 2021 г. (*Quacquarelli Symonds Asia University Rankings* 2021)[2], в который вошли 11 вьетнамских высших учебных заведений. Вьетнамский национальный университет (Хошимин) стал самым высоко оцененным университетом страны, заняв 158-е место. На второй позиции расположился Вьетнамский национальный университет (Ханой), занявший 160-е место (согласно рейтингу *Quacquarelli Symonds* 2021).

Можно сделать вывод, что высшее образование Вьетнама способствовало преодолению многих трудностей в целях повышения качества обучения и достижения следующих задач: повышение уровня знаний людей, подготовка кадров, развитие талантов, развитие человеческих ресурсов, создание условий для развития физической подготовки, силы духа, профессиональных качеств с целью предоставления рынку труда высококачественных кадров. Однако, несмотря на эти достижения, в текущем высшем образовании Вьетнама все еще наблюдается ряд недостатков, таких как учебные программы, методы преподавания и оценки, которые не поспевают за уровнем образования стран региона и мира. Также ряд школ гонится за результатами, не проводя фундаментальных изменений, что негативно сказывается на обучении и научных исследованиях, особенно международных. Современная практика развития высшего образования Вьетнама пока-

[2] Quacquarelli Symonds Asia University Rankings 2021: рейтинг для 634 азиатских высших учебных заведений (из которых 93 заведения участвуют в рейтинге впервые). Результаты этого рейтинга основаны на 11 различных по значимости критериях, включающих: академическую репутацию (30 %); репутацию работодателя (20 %); соотношение преподавателей/студентов (10 %); долю сотрудников преподавателей с докторскими степенями (5 %); соотношение опубликованных статей к преподавателям (5 %); индекс цитирования статей (10 %); международную исследовательскую сеть (10 %); иностранных преподавателей (2,5 %); иностранных студентов (2,5 %); отечественных студентов по обмену (2,5 %); иностранных студентов по обмену (2,5 %).

зывает, что учебный процесс в школах сильно зависит от теории, не опираясь на социальные потребности. Оценивая образовательную деятельность университетов, Фам Ван Хонг сказал: «Как студенты, так и предприниматели обращают внимание на устаревшую программу обучения, которая в значительной степени опирается на теорию. Программа не обновлена и не соответствует современности. Университетская учебная программа полна пробелов; содержание устарело; количество материала до сих пор невелико. Программа не была разработана для взаимодействия между уровнями подготовки. Большинство преподавателей и ведущих экспертов достигли преклонного возраста, молодых преподавателей много, но им не хватает опыта и уровня проработки исследований, дефицит кадров также предстоит преодолеть. Между тем не проводилось соответствующей политики по привлечению сотрудников исследовательских институтов к участию в преподавании в университетах» [Pham Van Hong 2015: 183].

Вполне возможно, что вышеупомянутые недостатки не в полной мере отражают нынешнее высшее образование Вьетнама, однако они дают вьетнамским университетам понять необходимость поиска инновационных и эффективных изменений для высшего образования, чтобы избежать дальнейшего отставания от стран региона и мира. В этом контексте высшее образование Вьетнама не только должно воспользоваться возможностями, но и преодолеть серьезные проблемы в процессе интеграции, чтобы в будущем достичь цели подготовки людских ресурсов, развития талантов, формирования профессиональных качеств и потенциала рабочей силы.

2.2. Возможности для высшего образования Вьетнама в контексте глобализации

Глобализация, наряду с бурными изменениями, вызванными научно-технической революцией, создала огромные возможности и проблемы в области высшего образования. В каждой стране высшее образование всегда должно быть впереди, идя в ногу с развитием программ подготовки кадров, обеспечением высококачественных человеческих ресурсов, и иметь возможность интегрироваться в региональный и международный рынок труда. В глобализированном мире новыми требованиями к людским ресурсам являются обладание знанием и потенциалом для всестороннего развития, связанным с практическим контекстом; хорошее владение иностранным языком, информационными технологиями и гибкими навыками для положительной и активной интеграции в мир. Можно заметить, что глобализация предоставила высшему образованию Вьетнама следующие возможности.

Во-первых, глобализация делает образование Вьетнама видимым для всех, интегрируя с образованием всего мира. Благодаря интеграции высшее образование Вьетнама может четко определить свое положение в регионе и мире. Благодаря процессам глобализации оно имеет возможность приобрести опыт и воспользоваться достижениями развитого мирового образования. Эти процессы не только направляют и побуждают к обновлению мышления в области образования и профессиональной подготовки, но и создают необходимые людские и материальные ресурсы для разрушения традиционных и устаревших образовательных стереотипов, которые больше не соответствуют глобализированному миру. Бла-

годаря выборочному приобретению знаний и опыта высшего образования стран по всему миру высшее образование Вьетнама будет постепенно модернизироваться, в то же время приближаясь к общему стандарту в соответствии с тенденциями развития эпохи. Благодаря приобретению и совершенствованию этого образовательного опыта, а также усилиям самих университетов и поддержке со стороны правительства высшее образование Вьетнама претерпело позитивные изменения. Ряд университетов вошли в список лучших университетов региона и мира. Недавно агентство *Quacquarelli Symonds* в Великобритании опубликовало Всемирный рейтинг университетов за 2021 г. (Quacquarelli Symonds World University Rankings 2021)[3]. Вьетнам горд тем, что два его высших учебных заведения остаются в представленном рейтинге, а именно вьетнамские национальные университеты в Ханое и Хошимине. Это дало вьетнамским университетам большую мотивацию, помогло им осознать свое положение, преимущества и недостатки. С тех пор начали разрабатываться конкретные стратегии и тактики развития высшего образования.

Во-вторых, процессы глобализации открыли возможности для обмена и сотрудничества между университетами Вьетнама и ведущими университетами мира. Благодаря расширению международного обмена и сотрудничества высшее образование Вьетнама имеет возможность внедрять инновации, обновлять программу обучения, использовать передовые образовательные материалы и методы, а также связываться с известными международными университетами для академических и научных исследований. Студенты также могут учиться и проводить исследования на месте, не выезжая за границу, но при этом изучать международные учебные программы без лишних затрат. Благодаря подписанию договоров о сотрудничестве по использованию программ «открытых образовательных ресурсов» учащиеся получают доступ к различным материалам, повышают свой уровень иностранного языка в исследованиях и учебе, укрепляют и улучшают свои исследовательские навыки и потенциал. Министерство образования и профессиональной подготовки также сообщило, что на сегодняшний день между 85 вьетнамскими учебными заведениями и 258 иностранными высшими учебными заведениями в 33 странах и территориях действует около 550 программ сотрудничества в области обучения. Произошел обмен 86 000 учащихся по программе сотрудничества с зарубежными странами, из которых около 48 000 студентов закончили обучение (среди них 18 000 бакалавров, 28 000 магистров, 60 докторов и 1900 других квалификаций) и 38 000 студентов обучаются (Министерство образования и профессиональной подготовки, 2019 г.). Что касается аккредитации программ обучения, то насчитывается 16 учебных программ семи университетов, оцененных и признанных в соответствии с национальными стандартами, и 128 учебных программ 24 университетов и учреждений, оцененных и признан-

[3] *Quacquarelli Symonds World University Rankings* 2021: рейтинг университетов по шести критериям, включающим: рейтинги ученых (40 %), рейтинги работодателей, количество цитирований/преподавателей, соотношение преподавателей/студентов, соотношение иностранных преподавателей и соотношение иностранных студентов. Критерии ранжирования *Quacquarell Symonds* подчеркивают вклад и влияние качества университетской подготовки и исследований на общество (через оценку отечественных и зарубежных предприятий и ученых) и вклад в научные исследования (через количество цитирований/преподавателей).

ных в соответствии с региональными и международными стандартами. Шесть университетов признаны международными организациями по аккредитации/оценке (HCERES, AUN-QA) (Министерство образования и профессиональной подготовки, 2019 г.).

В-третьих, появилась возможность усилить поддержку и финансовую спонсорскую деятельность организаций, финансовых учреждений, правительств, неправительственных организаций и некоммерческих организаций в области высшего образования во Вьетнаме. Благодаря ряду проектов, программам развития образования и некоторым видам научно-технической деятельности университеты имеют возможность улучшить качество образования и подготовки кадров, содействовать неправительственной зарубежной деятельности, расширять культурный обмен и диалог – это также преимущество новой эры сотрудничества между нациями, странамии регионами [Vo Thi Phien 2017: 58]. Университеты Вьетнама могут содействовать мобилизации инвестиционного капитала для образования и профессиональной подготовки из внутренних и иностранных источников в соответствии с политикой социализации высшего образования, а также находить источники капитала и международные фонды, спонсирующие преподавательскую и научно-исследовательскую деятельность. В то же время государство улучшает правовую среду для того, чтобы автономные школы могли получить доступ к капиталу и источникам финансирования от частных лиц и международных организаций. Благодаря доступу к иностранной помощи и источникам финансового спонсорства университеты Вьетнама могут расширить свои возможности по установлению связей и сотрудничества со многими международными организациями и университетами по всему миру в целях повышения качества подготовки кадров и научных исследований.

В-четвертых, появилась возможность заимствования и использования новых технологий в преподавании с целью повышения качества образования и качества подготовки кадров. Применение новых технологий в обучении с целью повышения качества кадровых ресурсов помогает Вьетнаму участвовать в процессах глобализации, при этом сводя к минимуму их негативные аспекты и риски. Все более широкое и продуманное применение технологий, особенно информационных и телекоммуникационных, во всех аспектах социальной жизни всесторонне меняет то, как мы живем, работаем и относимся друг к другу, в то же время способствуя *цифровым трансформациям*[4] в области образования и профессиональной подготовки. В контексте глобальной интеграции высшее образование Вьетнама не соответствует глобальным трендам и поэтому должно стремительно преобразовываться, чтобы не упустить возможность, предоставленную четвертой промышленной революцией. Цифровые изменения в области высшего образования

[4] Цифровая трансформация – это применение непрерывных инноваций и скорости технологий для решения проблем. Концепция родилась в эпоху интернет-бума, описывая сильную и всестороннюю инновационную деятельность в способе работы целых предприятий, во всех аспектах, таких как поставки, производство, партнерство, отношения с клиентами или даже создание новых предприятий с совершенно новым способом работы. Цифровая трансформация затрагивает не только организации или предприятия, но и другие окружающие группы объектов, такие как клиенты, партнеры, человеческие ресурсы, каналы распределения (https://vi.wikipedia.org/wiki/Chuy%E1%BB%83n_%C4%91%E1%BB%95i_s%E1%BB%91).

приведут к инновациям, что повлечет за собой сокращение количества лекций, обмен знаниями, развитие потенциала учащихся, повышение способности к самообразованию, создание возможностей для повсеместного обучения, персонализацию обучения, содействие создания обучающегося общества и обучение на протяжении всей жизни. Распространение технологических платформ, таких как *IoT, Big Data, AI, SMAC* (социальные, мобильные, аналитические, облачные), формирует инфраструктуру цифрового образования. Соответственно, многие интеллектуальные образовательные модели, разрабатываемые на основе применения информационных технологий, эффективно поддерживают персонализацию обучения (каждый человек обучается по персонализированной программе и методу обучения, отличным от других, что делается автоматически системами информационных технологий); делают доступ к огромной базе знаний в сетевой среде быстрым и легким; помогают почти сразу наладить взаимодействие между семьями, школами, преподавателями и студентами (Resolution No. 52-NQ/TW dated September 27th, 2019 by the Politburo).

Онлайн-классы, онлайн-лектории, онлайн-платформы и лекции, перенесенные в цифровое пространство и распространяемые через такие платформы, как *Facebook, YouTube, Grab, Uber*, в ближайшее время станут главным направлением в университетском образовании. Сейчас знания не могут быть доступными только для определенной группы людей или организаций. У студентов есть много возможностей получить доступ, накопить и отточить знания, чтобы стать жителями глобального мира – будущими сотрудниками, способными работать в творческой и конкурентной среде. Награда для студентов – это уже не просто диплом, а диплом в более широком смысле, который олицетворяет собой обмен знаниями, создание ценностей, способствующих развитию общества.

В условиях глобализации, происходящей всесторонне и углубленно, высшее образование Вьетнама в целом и университеты в частности должны основываться на позитивном и практическом опыте прошлых лет. Иногда нам нужно учитывать не то, что делают передовые страны сейчас, а изучать их прошлый опыт, позволивший им перейти от слаборазвитого образования до образования международного уровня. В частности, мы должны сохранять уникальные ценности национального образования и на их основе получать знания, воспитывать нравственность и дух молодого поколения. Однако следует отметить, что глобализация в экономике отличается от глобализации в культуре и образовании. Мир может быть «плоским» в экономике и технологиях, но не «плоским» в политике, культуре и образовании. Потому что культура и образование – это проблема человека, проблема духовной жизни и индивидуальной личности. Каждый человек имеет свою собственную судьбу и личность, поэтому мы должны сохранить самобытность образования, чтобы сохранить культурную идентичность.

2.3. Вызовы, стоящие перед высшим образованием в условиях глобализации

Сегодня в связи с влиянием глобализации и современной научно-технической революции ключевые отрасли, такие как электронные технологии, телекоммуникации, информационные технологии, формируются и быстро изменяются по всем социальным направлениям, в том числе и в области высшего образования. Выс-

шее образование в контексте глобализации выполняет новые функции, что требует соответствия привносимым ею изменениям. Мы можем обобщить некоторые вызовы, стоящие перед высшим образованием Вьетнама в контексте глобализации следующим образом:

2.3.1. Изменение системы руководства высшим образованием в соответствии с тенденциями глобализации

В действительности высшее образование во Вьетнаме недостаточно быстро внедряет инновации, качество подготовки кадров и образовательных научных исследований по-прежнему имеет много недостатков, тем самым отставая от требований национального обновления и развития в контексте развития рыночной экономики и международной интеграции. Некоторые программы в области образования по-прежнему носят субъективный, своевольный характер, далеки от реальности и не имеют социального консенсуса. Поэтому изменение метода организации и управления в высшем образовании является очень насущной проблемой. В соответствии с оценкой Стратегии развития образования Вьетнама на 2011–2020 гг., деятельность по управлению образованием во Вьетнаме в целом по-прежнему имеет много недостатков, среди которых недостаток субсидирования, а также неточная и некорректная информация. Взаимодействие между сектором образования и министерствами, отраслями и населенными пунктами не было налажено. Политика мобилизации и распределения финансовых ресурсов на цели образования неразумна; эффективность использования ресурсов невысока. Автономия и социальная ответственность образовательных учреждений не были полностью и досконально регламентированы [Prime Minister 2012: 4]. Механизм управления образованием все еще медленно обновляется и сталкивается со многими трудностями, особенно в определении философии образования (не в полной мере и не должным образом осознана образовательная социализация); ориентация на связь с зарубежными странами в развитии образования имеет много ограничений, которые не учитывают национальные принципы.

Кроме того, высшему образованию Вьетнама приходится яростно конкурировать с системой международных университетов, включающей многие виды подготовки и множество разнообразных профессий, которые отвечают потребностям общества. Из этого следует, что для повышения конкурентоспособности в условиях глобализации высшее образование должно изменить модель управления в сторону современности и эффективности; оптимизировать способ оценки преподавателей и менеджеров для улучшения качества, репутации и положения высшего образования Вьетнама.

2.3.2. Обновление и стандартизация учебных программ в соответствии с тенденциями развития образования в условиях глобализации

В действительности нынешнее содержание, программы и методы высшего образования устарели: в них медленно внедряются инновации, они не связаны с социальной жизнью и не способствуют творческому и практическому потенциалу учащихся. Большинство программ высшего образования во Вьетнаме не соответствуют международным стандартам, из-за чего его качество не признается, поэтому студентам очень трудно участвовать в программах обмена с университетами по всему миру или продолжать обучение на более высоком уровне, таком

как магистратура, докторантура. Содержание обучения, программы и методы обучения по-прежнему делали упор на теорию, не уделяя достаточного внимания оснащению учащихся *гибким навыкам*[5]. Поэтому требованием глобализации для разработки учебных программ является всестороннее развитие компетентности учащихся. Содержание программы должно быть обновлено на каждом уровне образования в соответствии с идеями сокращения, современности, практичности, с учетом тенденций развития инноваций в высшем образовании и требований научно-технической революции 4.0.

Наряду с обновлением содержания программа обучения должна радикально обновить методы высшего образования. Это один из важнейших шагов к повышению качества образования и профессиональной подготовки. Требования инновационных методов обучения должны быть ориентированы на свободу мышления учащихся, вызывая у учащихся восхищение и любопытство в изучении и понимании новых знаний. Необходимо установить новый метод обучения, ориентированный на учащихся, с целью поощрения активности, инициативы, создания спроса на желание учиться и обучение на протяжении всей жизни. Поэтому необходимо обучить учащихся методам самообразования, самостоятельного и творческого мышления, научного исследования. Однако для того, чтобы реализовать этот метод обучения, требуется, чтобы преподаватели обладали хорошим опытом, педагогическим потенциалом и многими необходимыми качествами и навыками. Это значит, что преподаватели должны быть тщательно отобраны и обучены в современной среде. Одной из нынешних задач является необходимость в совершенствовании научно-исследовательского потенциала и умелого использования иностранных языков сотрудниками и преподавателями, что создаст возможность для интеграции в мировую науку.

2.3.3. Повышение качества профессорско-преподавательского состава в соответствии с тенденцией глобализации

Стандартизация штата преподавателей играет решающую роль в успехе образования. Преподаватели не только передают знания студентам, но, что более важно, помогают студентам сформировать научное мышление, личность и энтузиазм в отношении карьеры. В эпоху, когда многие развитые индустриальные страны постепенно переходят к экономике знаний, стандартизация университетских преподавателей в соответствии со следующими критериями: знания, методы преподавания, этика и способность к научным исследованиям – является главным звеном в инновации образования в контексте глобализации. В действительности применение знаний и практических навыков преподавателями из университетов Вьетнама по-прежнему ограничено по сравнению со спросом учащихся. Это является одним из барьеров, ведущих к тому, что количество международных публикаций у Вьетнама очень низкое по сравнению со многими странами региона и мира.

---

[5] Гибкие навыки, также известные как навыки социальной практики, – это термин в отношении эмоционального интеллекта, используемый для обозначения важных навыков в жизни человека, таких как жизненные навыки, общение, лидерство, командная работа, навыки управления временем, расслабление, восстановление после кризиса, творчество и инновации (https://vi.wikipedia.org/wiki/K%E1%BB%B9_n%C4%83ng_m%E1%BB%81m).

Можно утверждать, что технологическая революция 4.0 предъявляет все более высокие требования к преподавательскому составу с точки зрения знаний, навыков и их качества для достижения цели содействия развитию потенциала, поощрения инноваций и творчества учащихся. Преподаватели должны приложить большие усилия, чтобы обучиться с целью использования преимуществ технологий, дабы в будущем эти инструменты способствовали свободе и творчеству в обучении. Очевидно, что технологическая революция 4.0 не только создает возможности для повышения преподавательского и научно-исследовательского потенциала, но и ставит перед преподавателями задачи по повышению их квалификации, постоянно изменяя содержание и методы обучения, а также требуя владения информационными технологиями, иностранным языком, понимания изменений в социально-экономической жизни, изменений в науке и технике для применения в преподавании.

2.3.4. Реализация университетской автономии, постепенное создание системы стандартизации, оценка и аккредитация качества образования и профессиональной подготовки в регионе и мире

Задачи, стоящие перед университетами, заключаются в том, чтобы создать свою собственную всеобъемлющую автономию, соответствующую стратегическим целям государства. Благодаря этому университеты смогут стать ведущими независимыми академическими институтами с точки зрения развития знаний и технологий в междисциплинарном направлении, с возможностями международной публикации и передачи технологий, способствующих повышению экономической производительности и в то же время повышению рейтинга университетов в соответствии с мировыми рейтингами. Автономия университета была подтверждена законом, высшие учебные заведения имеют автономию в основных видах деятельности: в области организации, людских ресурсов, финансов и активов, подготовки кадров, науки и техники, международного сотрудничества, обеспечения качества высшего образования. Наряду с этим расширение сети международного сотрудничества с известными университетами по всему миру поможет в кратчайшие сроки устранить разрыв в преподавательском и исследовательском потенциале, чтобы можно было привлечь больше иностранных ученых и студентов для обучения и работы во Вьетнаме. В частности, в модели, контролируемой государством, автономия университетской системы будет важным и определяющим фактором при принятии решений в аспектах высшего образования, которые будут осуществляться университетами. Государство является лишь наблюдателем, принимает решения только по некоторым вопросам университетской системы, которые затрагивают общую стратегию страны.

Кроме того, университеты Вьетнама сталкиваются со многими трудностями в создании системы стандартизации, оценки и аккредитации качества образования и профессиональной подготовки в регионе и во всем мире. Аккредитация качества образовательного учреждения – это деятельность по оценке и проверке достижения стандартов качества с точки зрения целей, содержания и программ обучения. В настоящее время число учебных программ, проводимых для аккредитации качества в регионе и мире, по-прежнему невелико, а доля университетов, прошедших проверку стандартов с точки зрения качества целей, содержания и программ, остается низкой. Поэтому содействие аккредитации качества образо-

вания и профессиональной подготовки поможет университетам систематически пересмотреть всю свою деятельность, тем самым корректируя ее в соответствии с определенным стандартом. Несмотря на первоначальные трудности с аккредитацией качества образования университетов, этот вопрос до сих пор тщательно рассматривается, для того чтобы обеспечить как укрепление потенциала высшего образования Вьетнама, так и поэтапное преодоление недостатков, существующих в механизме рыночной экономики.

3. Заключение

В условиях глобализации и наряду с бурным развитием науки и техники всесторонне изменились все сферы общественной жизни. С точки зрения человеческой истории, «никогда не было такого многообещающего и потенциально опасного момента, как сейчас» [Schwab 2018: 14]. Поэтому крайне важно правильно оценить положение и осознать влияние глобализации, науки и техники на сферы общественной жизни в целом и высшего образования в частности. Особенно с учетом того факта, что «знание» стало «ключевым экономическим ресурсом конкурентного экономического преимущества» [Drucker 1995: 54–62], высшее образование еще более важно для повышения качества человеческих ресурсов в каждой стране. Несомненно, глобализация привнесла много возможностей для развития высшего образования, но она также сопряжена со многими потенциальными рисками и проблемами. Правильное понимание возможностей и проблем высшего образования Вьетнама в контексте глобализации обеспечивает соответствующие цели при построении образования с собственной философией, несущей идентичность и отпечаток национальной культуры, тем самым помогая Вьетнаму активно участвовать в международной интеграции под девизом «интеграция без ассимиляции». Существует надежда, что в ближайшее время высшее образование Вьетнама улучшит свой рейтинг университетов, основываясь на продвижении внутренней силы, впитывая квинтэссенцию и опыт образования стран по всему миру.

Перевод с английского бакалавров факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова М. С. Зайцева, Л. П. Штарка

Литература/References

Bui Thanh Quat. Toan cau hoa – mot cach tiep can moi [Globalization – A New Approach] // Communist Magazine. 2003. Issue 27.

Drucker P. The Information Executives Truly Need // Harvard Business Review. 1995. Jan – Feb. Pp. 54–62.

Friedman Th. L. The Gioi Phang: Tom luoc Lich su The gioi The ky 21 [The World is Flat: A brief History of the Twenty-First Century] / ed. and transl. by Nguyen Quang A, Nguyen Hong Quang, Vu Duy Thanh, La Viet Ha, Le Hong Van, Ha Thi Thanh Huyen. Hanoi : Youth Publishing House, 2006. Pp. 24–27.

Pham Thai Viet. Toan cau hoa nhung bien doi to lon trong doi song chinh tri quoc te va van hoa (Globalization of Great Changes in the International Political and Cultural Life). Hanoi : Social Sciences Publishing House, 2006.

Pham Van Hong. Mot so de xuất doi moi dao tao dai hoc, cao dang nhằm dap ung nhu cau phat trien kinh te – xa hoi trong giai doan moi. Chuyen bien kinh te – xa hoi va giao duc

[A Number of Proposals for Renovation off University and College Training to Meet the Needs of Socio-Economic Development in the New Period. Socio-Economic and Educational Transformation]. N. p. : The Vietnam Institute of Educational Sicences, 2015.

Prime Minister 2012. Education Development Strategy 2011 – 2020. Hanoi. URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Giao-duc/Quyet-dinh-711-QD-TTg-nam-2012-Chien-luoc-phat-trien-giao-duc-2011-2020-141203.aspx.

Rosenau J. N. The Challenges and Tensions of a Globalized World // American Studies International. June 2000. Vol. 38. No. 2. Pp. 8–22.

Savitch H. V. What is New About Globalization and What Does it Portend for Cities? Oxford, UK; Malden, USA : Blackwell Publishers, 2002. Pp. 179–189.

Schwab K. Fourth Industrial Revolution. Hanoi : The World Publishing House, 2018.

Vo Thi Phien. Co hoi va thach thuc cua nen giao duc dai hoc Viet Nam trong xu the toàn cau hoa [Opportunities and Challenges of Higher Education of Vietnam in the Globalization Trend] // Journal of Education. Special issue. 2017. October.

Vu Van Hien. H. Nhan thuc vet hoi dai ngay nay [Perception of the Modern Times]. Hanoi : National Political Publishing House, 2010.

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегль 14); сноски подстрочные (кегль 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой… 2008]. При наличии прямой цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

В списке ***Литература***: Кляйн Н. Доктрина шока. М. : Добрая книга, 2011.
В списке ***References***: Klyain N. Doktrina shoka [The Shock Doctrine]. Moscow : Dobraya kniga, 2011.
В списке ***Литература***: Лукьяненко В. И. Homo Consúmens – человек потребляющий // Век глобализации. 2009. № 2. С. 149–159.
В списке ***References***: Lukyanenko V. I. Homo Consúmens – chelovek potreblyayushchiy [Homo Consúmens – A Consuming Man] // Vek globalizatsii. 2009. No. 2. Pp. 149–159.
В списке ***Литература***: Шишков Ю. В. Мирохозяйственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономистъ, 2003. С. 25–47.
В списке ***References***: Shishkov Yu. V. Mirohozyaistvennyj mehanizm: dvizhenie k globalizatsii [TheWorld-Economic Mechanism: A Move to Globalization] // Mirovaya ekonomika: globalnye tendencii za 100 let [World Economy: Global Trends for the Century] / ed. by I. S. Korolyov. Moscow : Ekonomist, 2003. Pp. 25–47.
В списке ***Литература***: Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. URL: http://www.jourssa.ru/ 2003/1/2a Bek.pdf (дата обращения: 14.03.2011).
В списке ***References***: Beck U. Kosmopoliticheskoe obschestvo i ego vragi [Cosmopolitical State and its Enemies] : Jurnal sotsiologhii i sotsialnoy antrolploghii. 2003. Vol. VI. No. 1. URL: http://www.jourssa.ru/2003/1/2aBek.pdf (accessed: 14.03.2011).

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк), ключевые слова к ней и авторская справка на русском и английском языках, а также данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации».
4(40), 2021. – 160 с.

Ответственная за выпуск *Е. А. Никифорова*
Корректор *Н. В. Самсонова*
Верстка *О. И. Вереницыной, М. И. Кухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Цена свободная.

© ООО «Издательство «Учитель»
400059, г. Волгоград, а/я 114.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 15.12.2021. Дата выхода: 30.12.2021
Формат 70×100/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13.
Тираж 1000 экз. Заказ № .

Диапозитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»
Полиграфкомбинат «Офсет»
400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.
Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10